

Г. Чекала-Муха

В кругу пустого полумесяца

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Чекала-Муха

В кругу пустого полумесяца

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Genowefa Czeaka-Mucha
W kręgu pustego półksiężycza
Warszawa, 1976

Редакционная коллегия

*Л. Б. Алаев, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда,
К. В. Малаховский (председатель), Н. А. Симония*

Сокращенный перевод с польского

В. И. Андрушова

Ответственный редактор
и автор послесловия

В. В. Наумкин

Чекала-Муха Г.

Ч37 В кругу пустого полумесяца. Пер. с польск.
В. И. Андрушова. Послесл. В. В. Наумкина — М.:
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1981.

189 с. («Рассказы о странах Востока»).

Польская писательница и журналистка Геновефа Чекала-Муха рассказывает о странах Аравийского полуострова, переживающих в наши дни нефтяной бум. В книге живой, увлекательно написанный репортаж удачно сочетается с политическими наблюдениями и оценками, экскурсии в древнюю и новую историю стран этого региона — с интересными этнографическими зарисовками обычаев, быта и нравов жителей.

Ч 20901-157 147-81. 1905020000
013(02)-81

91 (И5)

- © Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1976.
© Перевод, послесловие и комментарии —
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

Об арабском мире у нас пишут и говорят очень много. Одни называют его «центром гравитации» современного мира, другие — «пороховой бочкой». Как в первом, так и во втором определении заложен смысл трудного процесса преобразования этой части света, ее усиливающейся политической и экономической эмансипации во второй половине XX века, связанной, хотя и не полностью, с ростом добычи нефти в период обострившегося в мире энергетического кризиса. Арабский мир раскинулся от Атлантики на западе до Персидского залива на востоке. Площадь его — 13 миллионов квадратных километров, население — около 120 миллионов человек.

Природа щедро одарила его не только пустынями, но и «черным золотом», благодаря которому изменился облик большинства стран этого района. Сцементированный общностью религии, языка и истории, несмотря на разделяющие его противоречия и наросшие за века конфликты, он представляет собой важную политическую силу современного мира.

Тема нашего повествования — те страны арабского мира, которые до недавнего времени были редкими гостями на страницах прессы, а точнее — юг и восток Аравийского полуострова. Если же их упоминали, то лишь в связи с библейскими историями и всегда отмечали экзотику и романтику пустыни. Таинственный мир этой части полуострова, который иногда называют Аравией, колыбель арабов и место рождения трех основных религий мира: иудаизма, христианства и ислама — всегда манил европейцев, возможно, потому, что он лежал

на пересечении важных международных путей. Однако долгое время он оставался неизвестным и более загадочным, чем далекие земли и острова. По пальцам можно пересчитать путешественников, которые прошли эту землю из конца в конец, преодолели Руб-эль-Хали, величайшую пустыню мира. Это им удалось лишь благодаря тому, что они переодевались в кочевников, бедуинов.

Сегодня Аравийский полуостров, где сконцентрированы две трети мирового запаса нефти, вышел из изоляции. На эту огромную полосу песка и скал (2,7 миллиона квадратных километров) с редко встречающимися оазисами, немногочисленными источниками воды и незначительной площадью обрабатываемой земли, на которой живет около 18 миллионов человек, вступила техника XX века. Старое отступает под натиском нового. Даже такой естественный барьер, как пустыня, не представляет собой преграды для проникновения новых идей.

Некоторые государственные деятели стран Аравийского полуострова подчеркивают огромное значение открытия нефти для возрождения арабского мира. Так, например, один из министров Саудовской Аравии сравнил открытие нефти с ролью ислама в истории народов Аравийского полуострова. Не переоценивая значения экономических перемен, связанных с добычей нефти, нельзя не заметить связь между ними и возросшей активностью трудовых масс, их достижения в борьбе с колониализмом.

Историки-арабисты воспринимают различные политические события в этом регионе как начало возрождения арабского мира и его борьбы за независимость и свободу распоряжаться своими богатствами. Одни отправным пунктом в современной истории арабского мира считают антифеодальную революцию в Египте 1952 года, другие — национализацию Суэцкого канала в 1956 году.

Борьба с местной и международной реакцией, неразрывно связанная со стремлением народа распоряжаться своими природными богатствами, представляет собой часть освободительного движения колониальных стран после второй мировой войны, чьи успехи достигнуты благодаря поддержке сил мирового социализма.

Процесс перемен в арабском мире долгое время ограничивался его западными и северными границами и не распространялся на юг Аравийского полуострова, на страны, расположенные в районе пустыни Руб-эль-Хали, что по-арабски буквально означает «Пустой квартал», а в переносном смысле «Пустой полумесяц» в противовес «Благодатному полумесяцу», включающему Палестину, Ливан, западную и северную части Сирии, а также Месопотамию. Однако и для стран этого района арабской пустыни, представлявших собой до сих пор белое пятно на политической карте мира, настала эпоха освободительных революций, которым сопутствует повышенный спрос на арабские нефтяные богатства. Лозунги национального возрождения, реализованные арабскими националистами и панарабистами, призывавшими к борьбе за освобождение арабского мира, казалось, пали на неблагоприятную почву. Общество находилось еще на очень низком уровне экономического и социального развития. Об этом районе мира иногда образно говорят, что его развитие приостановилось даже не в средневековье, а в библейские времена, и он только теперь начал наверстывать упущенное, совершив скачок сразу из X в XX век.

В 1973 году я имела возможность наблюдать за переменами, происходившими в этом районе Аравийского полуострова, который до последних лет представлял собой настоящую *terra incognita*, землю неизвестную и запретную.

Северный Йемен, который в 1962 году пережил свою антимонархическую революцию, свое разрушение Бастилии — свержение теократического режима имамов, во многих отношениях все еще не достиг уровня развития Франции до 1789 года, что налагает отпечаток на его сложное внутреннее положение.

На протяжении десятка лет пытается преодолеть свое тысячелетнее отставание другой Йемен, известный до 1967 года на картах мира под названием Западного и Восточного протекторатов Адена, — Народная Демократическая Республика Йемен, которая обрела независимость в результате долгой войны с английским колониализмом.

Чтобы ликвидировать свою отсталость, Народная Демократическая Республика Йемен мобилизует на борьбу широкие массы феллахов, кочевников, солдат и интеллигенции, использует помощь и опыт социалистических стран.

Иную форму революции переживают маленькие эмираты (шейхства) Персидского залива, население которых до недавнего времени жило на доходы от добычи жемчуга, рыболовства и дальних морских перевозок, а небольшая часть его продолжала прадедовскую кочевую жизнь.

Открытие нефтяного Эльдорадо и рост добычи нефти с нескольких десятков тысяч тонн в 40-годах до 200 миллионов тонн в 1973 году радикально изменили жизнь страны. Используя образы арабских сказок «Тысячи и одной ночи», можно сказать, что над прежним Пиратским берегом засияла лампа Аладина.

Кувейт — одна из самых старых стран Персидского залива, если говорить о нефтяной карьере, и главный нефтяной экспортер — сегодня самая богатая в мире страна.

Его примеру следуют семь шейхств, которые в декабре 1971 года объявили о создании независимого федерального государства — Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ).

Старое и новое соседствует даже в этих самых богатых государствах Персидского залива, на которые обрушился золотой ливень.

«Кадиллаки» с кондиционерами пересекают дорогу караванам верблюдов, а бедуинские шатры уживаются рядом с настоящими «сказочными дворцами», построенными в пустыне. Жизнь Южной и Восточной Аравии полна контрастов, но мирное сосуществование старых и новых форм жизни создает своеобразную общественную и политическую атмосферу социальных групп. Они уже осваивают деньги и современную технику, но по своему образу жизни, привычкам, семейным связям еще остаются верными древним обычаям пустынной Аравии.

Однако новая Аравия сильнее. Кое-где бедуинские общины уже полностью разрушились. Их члены переселились в города, прежняя жизнь замирает. Эти перемены предвещают неизбежный конец старой Аравии, таинственный образ которой изображен в книгах путе-

шественников 30-х и даже 50-х годов, Аравии бездорожья и обособленности, обреченной один на один вести трудную борьбу с природой.

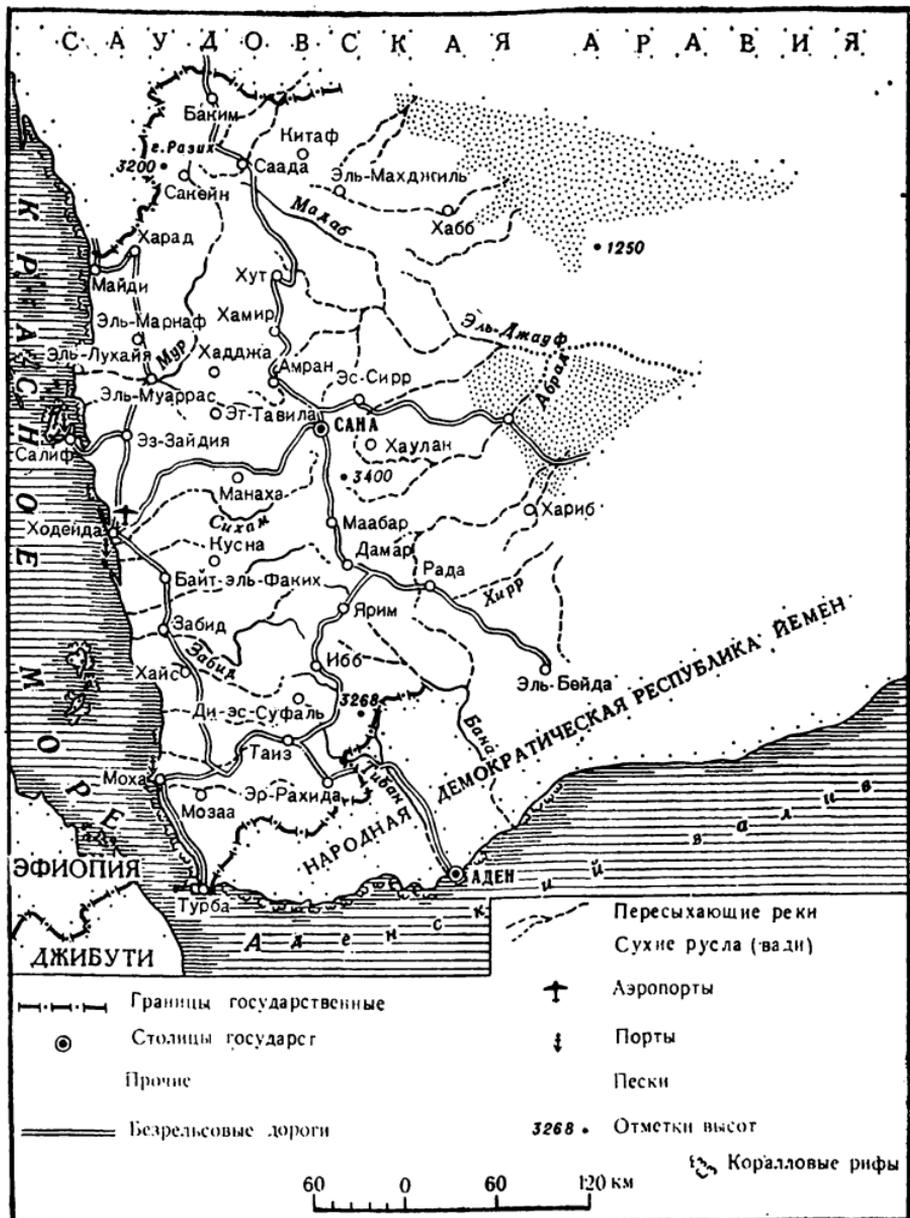
Я хочу показать в своей книге образ новой Аравии, выходящей из изоляции, но еще сильно тяготеющей к прошлому в семейной и общественной жизни. Из-за многогранности проблем каждой из описанных здесь стран я выбрала только те, которые показались мне наиболее важными для понимания процессов, происходящих в этой части мира.

В поисках Аравии Счастливой

Этот край внешне напоминает готический храм, величественный, с высоко поднятыми глыбами скал. Смотришь на обрывистые скалы со старой «Дакоты» или с дороги, вырубленной в скалах у подножия пропасти и такой узкой, что по ней может пройти только навьюченный осел, и видишь вокруг себя только горы, за которыми открываются новые, еще более фантастические пейзажи. Иногда это вулканические конусы, иногда базальтовые скалы, иссеченные эрозией или торчащие как палицы над зелеными равнинами, иногда отвесная каменная стена, закрывающая небо цвета синьки. В горном Йемене, этой естественной крепости Аравийского полуострова, все наполнено величественной и дикой красотой.

В Манахиле, на древнем пути, ведущем из высокогорного Йемена к Красному морю, недавно построено с помощью КНР шоссе, которое поднимается на высоту 3,5 километра. Манахиль, как бы порог, отделяющий горы от широкой приморской долины Тихамы (дословно «низкий край»).

Горы и долины, особенно обрабатываемые, тысячелетиями определяли характер йеменца, которому, подобно всем горцам, присущи любовь к свободе, чувство гордости, независимость, патриотизм. Он всегда, если оставляет свой край в поисках куска хлеба, возвращается под старость с деньгами или без них в родные горы. Как все горцы, йеменцы любят поэзию, любят рассказывать и слушать различные легенды. Все они мечтатели, не-

Йеменская Арабская Республика

исправимые индивидуалисты и любят смотреть на мир с вершин своих гор, где и строят свои дома-крепости.

Такие крепости как бы сливаются с горой, так что и не разберешь, где кончается гора и начинается дом.

В этом доме крышей служит скала, полом — скала, да и стенами — часто скала. С вершины скалы вниз ведет почти отвесная тропинка, протоптанная людьми и животными. В эти поднебесные жилища, как и сотни лет назад, жители поднимают воду из источников, собранные на полях сорго и овощи, дрова для очага. Я не раз удивлялась, как старательно взбираются по этой тропинке ослы, как семянят козы, как вышагивают мужчины, похожие в своих одеждах с заткнутыми за зеленые пояса кинжалами (джамбиями) на сказочных Али-Бабу и разбойников. Они не расстаются со своим оружием в наши дни точно так же, как и в 1763 году, когда их увидела первая в современной истории этой страны датская научная экспедиция Карстена Нибура, поставившая себе цель разгадать загадку *Arabia Felix* — Аравии Счастливой. Эту одежду они носили еще за сотни лет до вступления Нибура на йеменскую землю.

Йемен — ключ к прошлому арабского мира, его исламской и доисламской истории. Этот край Библии и сказок «Тысячи и одной ночи» — одна из древнейших цивилизаций, расположенных между Нилом и Месопотамией, правда, моложе вавилонской, но зато такая же таинственная, как шумерская, Йемен — край библейской царицы Савской.

Тибет Красного моря

Тибетом Красного моря или Эфиопией Аравийского полуострова иногда называют этот край. Оба эти сравнения отражают существо Йемена — его таинственность, испокон веков окружавшую эту страну. Находясь довольно близко от Европы, на оживленном до закрытия Суэцкого канала пути, Йемен оставался наименее известной страной даже в сравнении со странами, которые далеко отстояли от международных дорог. Здесь вселяли страх не только горы и пустыни, но и первобытные, зачастую жестокие законы людей, в равной степени гостеприимных и недоверчивых, всегда и везде подзревавших ловушку. Такими же они были и в отношении друг к другу. В глубоких ущельях, отрезанных от остального мира стеной гор, образовался своеобраз-

ный микромир, где вражда между племенами длилась тысячелетиями, подобно традиционной вражде между некоторыми государствами.

Трудно было пробраться в этот край. «Низкий берег» — Тихаму, где расположен издавна известный в Европе порт Моха, откуда в XVI—XVII веках вывозили знаменитый йеменский кофе «мокко», неоднократно посещали моряки и путешественники. Но почти невозможно было преодолеть горы за Манахилем, преграждавшие доступ в таинственную землю владык древнего царства Сабы. О том, что находится за крутыми горами, ходили самые фантастические слухи. Рассказывали о монастырях, населенных людьми-собаками, о таинственных сокровищах, которые стерегут ведьмы, приносящие несчастье тем, кто доберется до сокровищ, о гаремах, где томятся похищенные из различных уголков земли девушки. Атмосферу таинственности поддерживали сами йеменские правители; они отгородили свою страну от остального мира стеной молчания. Даже в послевоенное пятнадцатилетие, в 1945—1960 годы, когда многие арабские страны со средневековым укладом вступили на путь революционных перемен, Йемен остался в стороне. Туда не пускали иностранцев, чтобы они не распространяли запрещенные идеи. Ни один европеец не мог попасть в страну, а тем более передвигаться по этому «царству молчания», как называли Йемен, без личного согласия имама. Имам Яхья, деспотичный владыка, правивший Йеменом свыше сорока лет, гордился тем, что никогда не выезжал за границу.

Сама природа благоприятствовала изоляции йеменского государства. От Красного моря его отделяла и одновременно защищала равнина Тихама, жаркая и влажная, где Карстен Нибур, прежде чем добрался до Саны, потерял двух членов своей экспедиции. Йеменские горы, самые высокие в восточной части страны на границе с НДРГ, переходят в песчаную пустыню Руб-эль-Хали. С юга страну защищают вулканические горы, расположенные напротив Баб-эль-Мандебского пролива (Ворота слез), разделяющего Азию и Африку. Неизвестно, что дало название этому месту — крики людей с корабля, разбившегося о прибрежные скалы, или плач невольниц, которых везли из Африки на Восток. Во всяком случае, с этим местом всегда были связаны слезы,

отчаяние, трагедия, смерть. И все это происходило у врат земли, которая как будто по иронии судьбы с незапамятных времен носила название Аравии Счастливой.

Это объясняется тем, что для народов древнего мира пустыни были такими же негостеприимными, как и для нас. Поэтому Йемен был для них «землею счастья», синонимом богатства и благоденствия.

Между легендой и историей

И все-таки своей известностью Аравия Счастливая обязана не только легенде о богатой правительнице царства Сабы — царице Савской, по-арабски Билькис, о которой пишет Библия. В памяти потомков она осталась как великая царица Юга. Именно эта правительница Аравии Счастливой отправилась в X веке до н. э. с визитом на Север, в царство царя Соломона.

Она прибыла с многочисленной свитой, с верблюдами, нагруженными товарами, которыми славилась в то время только Южная Аравия, драгоценными камнями и благовонной смолой. В мире культа звезд, солнца и месяца, где обожествляли умерших владык и жрецов, они были на вес золота. Владея такими богатствами, дорожке которых, по мнению древних, не было, царица решила ознакомиться с их рынком сбыта. Из древнейших письменных источников этого района мира нам известно о царице Савской, что правила она в тот период, когда не север, а юг Аравийского полуострова был центром культуры. В южной части Аравийского полуострова развилась цивилизация, созданная оседлыми земледельцами, в то время как ее центральная часть, как и в настоящее время, была сферой кочевников¹.

По мнению историков, Юго-Западная Аравия была колыбелью для различных семитских народов, которые широкими волнами мигрировали на юг и на запад, создав цветущие цивилизации Месопотамии, Ассирии, Палестины и Вавилона. Вавилоняне, ассирийцы, хананейцы, финикийцы — все они произошли от одного семитского корня, из которого возникло много народов тех далеких эпох². Тайна прошлого Йемена, древнейшей арабской культуры, дремлет в бездонных ущельях между го-

рами, утеряна в песках пустыни, которая только сейчас тщательно исследуется.

Одна из легенд арабских народов, живущих на границе ЙАР и Саудовской Аравии, гласит, что царь уже не существующего народа ад Абу Кинад разгневал бога распущенностью нравов и его столица Кабар была уничтожена одной вспышкой молнии³. Джон Филби⁴, английский археолог, принявший ислам, чтобы иметь возможность работать в стране фанатичных последователей Мухаммеда, нашел в 1932 году место, которое, согласно народным преданиям, идентифицировал как Кабар. Но вместо развалин города под песком оказались огромный кратер и мелкие осколки метеорита. Когда-то здесь упал крупный метеорит, что, очевидно, и дало начало легенде, похожей на библейскую о Содоме и Гоморре, уничтоженных богом из-за распущенности нравов их жителей.

Древнейшая история южноарабских государств недостаточно известна. По всей вероятности, уже в начале II тысячелетия до н. э. в Юго-Западной Аравии, на территории Йемена и Хадрамаута, развилась высокая культура и цивилизация, которая три-четыре тысячи лет назад, как свидетельствуют раскопки и лингвистические исследования, испытала влияние древней Месопотамии. Здесь жили оседлые, южные арабы в отличие от северных, ведших кочевой образ жизни. Деление арабского населения на две группы — так называемых «арабских арабов» (*ариба*) и «арабизированных арабов» (*мустариба*) — укоренилось с древнейших времен. Это связано с арабской легендой о происхождении народа от двух предков — Кахтана и Исмаила; последний вел свое происхождение от Сима, сына Ноя.

От трех сыновей Каина произошли главные демографические группы Южной Аравии, принадлежащие к *ариба*, причем одна из них дала начало племенам, которые назывались «саба». В наши дни археологи считают, что слово «Йемен» относится к мертвому древнему языку Южной Аравии. В сабейских надписях, найденных в окрестностях Мариба, столицы государства Сабы, часто повторяется сочетание согласных ЙМНТ, что должно было символизировать титул правителя — *тубба*⁵, то есть царя Йемена, полный титул которого звучал так: «царь Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Йаманата».

Древняя цивилизация Аравии родилась на торговых путях и расцвела благодаря хорошо организованной и контролируемой торговле благовониями, которые приносили правителям сказочные богатства.

Однако транзитная торговля на дорогах, по которым верблюды переносили тонны мирры и ладана, и даже эксплуатация приисков драгоценных металлов, иссякших в наши дни, не могли бы обеспечить расцвет государств Южной Аравии на протяжении целого тысячелетия. Долгое время об этих государствах было известно только благодаря Библии, пока исследования, проведенные в конце XIX века, расшифровка южноарабских надписей, о которых упоминал также К. Нибур, не продемонстрировали миру богатство древней цивилизации на юге Аравийского полуострова. Эти государства обязаны своим расцветом не только торговле, но и тяжелой и кропотливой работе людей. Они доставляли воду на поля, насыпали плодородную почву на бесплодные склоны гор и превратили их в цветущие.

И сегодня в Йемене обрабатывают землю точно так же, как это делали три тысячи лет назад, во времена царицы Савской⁶. Километрах в двадцати от Саны находятся развалины известной Марибской плотины, построенной во времена сабейских царей. Плотина на протяжении многих столетий, с VII века до н. э. до 525 года н. э., то есть до разрушения ее, по народным преданиям, крысами, а в действительности завоевателями, обеспечивала обводнение значительных площадей. Вот в чем заключался источник легендарных богатств Аравии Счастливой, где было обилие пищи и воды и народ жил в достатке по сравнению с другими пустынными районами.

Библия и Коран о Сабее

Наиболее известными царствами доисторического Йемена были государства минейцев и сабейцев. Столицей первых был город Карнава в северо-восточной части Йемена. Расцвет этого государства, по словам историков, приходится на 1300—650 годы до н. э., причем источники сохранили нам имена почти 20 минейских царей четырех династий. Конец существованию Маина положила экспансия царства Саба, которое усилилось

примерно в 850 году до н. э. и просуществовало до 116 года н. э. Саба осталась увековеченной в сабейских надписях, легендах и преданиях. Библия дает нам описание визита царицы Сабы — Билькис к царю Соломону: «И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями... И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценные камни; никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону». А Коран так говорит о царстве Сабы: «Два сада направо и налево, благая земля и всепрощающий бог».

Управляли царством Сабы *мукаррибы**, то есть царь-жрецы, главной обязанностью которых было вначале искать храмы и приносить жертвы пантеону богов.

У нас пока нет полного представления об истории как царства Сабы, так и других южноарабских государств, таких, как Катабан, Аусан, Химьяр и т. д., которые существовали в один и тот же период, но достигали своего апогея в различное время. Археологические раскопки только начались. Вероятно, мы вскоре что-нибудь узнаем об истории этих окутанных тайной государств, чье величие нашло свое отражение главным образом в архитектуре домов и храмов — монументальных постройках из каменных глыб, сложенных без раствора, с высокими колоннами и расписными стенами, покрытыми геометрическими фигурами и надписями, с канализацией и водопроводом. Южноаравийские надписи выполнены алфавитным письмом, похожим на современную эфиопскую письменность. Правители бывшего эфиопского царства с гордостью подчеркивали свое происхождение от сына царицы Юга и царя Соломона. В этих надписях содержится информация о различных обрядах, размерах дани, которую платили зависимые правители, распоряжениях и т. п.

Государства Аравии Счастливой представляли собой высокоорганизованные царства, обладавшие различными институтами и учреждениями. Надписи свидетельствуют об общественной жизни йеменцев, религиозных культах, структуре семьи (она была моногамной), юридических

* Слова, обозначенные звездочкой, см. в глоссарии.

законах и актах правосудия, высоком уровне знаний в области сельского хозяйства и ирригации. Особенно обширными знаниями в области ирригации славилась древние сабейцы и минейцы, жившие на юге Аравии.

Благодаря введенной древними сабейцами технике террасового земледелия Йемен до сих пор сам обеспечивает себя продуктами питания в отличие от своих соседей по Аравийскому полуострову. Горы «высокого Йемена» «облеплены» цветущими террасами возделанной земли, словно искусственными садами, разбитыми на их склонах. В таких же садах утопала одна из древнейших столиц сабейского государства, Мариб, где собиралась вода, стекающая с гор. Марибская плотина являлась одним из чудес тогдашнего мира. Длина ее была 600 метров, высота — 8 метров. К тому же она была снабжена 11-метровыми шлюзами. Вода заполняла водохранилище до 5 метров. Благодаря этой плотине Йемен на протяжении почти 1000 лет оставался житницей Аравии. После уничтожения плотины в VI веке прежде цветущий край превратился в пустыню. С этим же периодом истории Южной Аравии, то есть с упадком царства и разрушением Марибской плотины, связана возросшая эмиграция населения Йемена. О том, что это была эмиграция в очень крупных масштабах, свидетельствует поговорка, появившаяся у арабов: «Разбежались, как сыновья Сабы».

Потомки жителей Сабы сохранились до настоящего времени. Их доисламское прошлое живет в традициях, сказаниях и легендах. Вожди йеменских племен часто с гордостью говорят, что ведут свое происхождение от сына Кахтана, от которого произошел сабейский народ. Некоторые племена сохранили в своих названиях принадлежность к древним государствам: бану химьяр, бану маан, катабан и т. д., несмотря на то что они одновременно подчеркивают свое родство с племенем, к которому принадлежал Мухаммед. Имамы Йемена, доказывая свое право на трон, ссылались не столько на кровные узы, связывающие их через Али и Фатиму с пророком, сколько на принадлежность к древним родам, генеалогия которых уходит в доисламские времена. Последние правители Йемена, имам Яхья и его сын Ахмед, считали себя потомками последнего химьяритского царя, Зу Нуваса, о котором в народном предании гово-

рится, что, спасаясь бегством от проповедников ислама, он вскочил на коня и бросился в море. Зу Нувас скрылся в морских волнах, и после него не осталось и следа.

История и легенда сплетаются воедино в этом загадочном мире, резервации арабского средневековья, скрывающей сокровища древних эпох, древнюю цивилизацию народов Сабы.

Мир заинтригован происхождением Аравии Счастливой, еще более загадочным оттого, что о нем почти ничего не известно. Слава ее на протяжении веков была так притягательна, что многие искали дорогу в эту Аравию, чтобы завоевать ее или по крайней мере увидеть этот счастливый край. Пытались проникнуть туда и римляне, находясь в зените своего могущества. В 24 году они организовали экспедицию для завоевания Аравии. Но безуспешно. О завоевании Аравии Счастливой, этого клочка земли, который отождествляли с земным раем, мечтал также Александр Великий. Он намеревался даже остаться здесь после окончания своих победоносных походов. Однако никому не удалось надолго обосноваться здесь, более того, никто не сумел понять эту страну, которую называют «счастливой». Наоборот, всех встречали здесь несчастья и болезни, а некоторые, как большинство членов датской экспедиции К. Нибура, за свое любопытство заплатились жизнью.

И все-таки никому не удалось доказать, что эта Аравия больше «несчастливая», чем «счастливая», хотя ее и донимают болезни, мучают засухи и жара, эксплуатируют и безжалостно угнетают так же, как и в далекой древности собственные богачи и эмиры.

Ночь в «Ар-Рауда»

Я совсем не жалела, что в рекомендованном мне представителем йеменских авиалиний в Кувейте фешенебельном отеле «Аль-Хамад», единственном, адрес которого я знала, не оказалось мест и я была вынуждена искать себе другое пристанище. Таксист посоветовал мне поехать в Рауду, летнюю резиденцию имамов в предместье Саны. Мой чемодан снова погрузили в автомобиль, и мы двинулись через весь город мимо глиняных домов по немощеным улочкам к шоссе, соединяю-

щему аэродром с Саной. Сана, освещенная утренним солнцем, поблескивающая минаретами своих 45 мечетей, лежала предо мной как на ладони в широкой продолговатой ложине. Окружающие ее со всех сторон горы как бы закрывали ее от посторонних глаз. Издали панорама города напоминала шахматную доску с разбросанными на ней высокими конусами и прямоугольниками из камня, гранита и базальта.

В городе, расположенном на высоте около 2,5 километра над уровнем моря, благодаря свежему, бодрящему воздуху с гор мы совсем не ощущали, что находимся в зоне тропиков, приблизительно на широте Панамы. Начиналось лето. Мартовское солнце давало о себе знать. Окрестности были выжжены, лишены растительности, как возвышающаяся над городом гора Ногум. Каждую минуту ветер со стороны пустыни поднимал в воздух дьявольский столб пыли и песка, танцующий по полям и дорогам, по которым спешили ослы и верблюды.

Автомобиль уже не вызывает сенсацию в Сане. В сентябре 1962 года вместе с революцией началась эра автомобилей. Ей проложил дорогу автотранспорт, присланный Египтом в помощь йеменским республиканцам. Однако эти современные средства передвижения зачастую бессильны в горных условиях и в пустынях. Как я позднее убедилась, и по самой Сане безопаснее ехать в «лендровере» или в каком-нибудь вездеходе, чем в легкой машине, которая может увязнуть в песке или рассыпн камней.

В Кувейте бросилось в глаза богатство страны, очень быстро нажитое за счет эксплуатации «черного золота». Поездка из Кувейта в Йемен представляла собой возврат в прошлое. «Это ваши попутчики», — сказал мне на аэродроме в Кувейте профессор Збигнев Бучковски, указав на группу бородатых мужчин с кривыми кинжалами; они должны были лететь одним самолетом со мной. Я была единственной женщиной-пассажиром на трассе Кувейт—Аден—Сана, но не единственной иностранкой. Вместе с нами из Адена в Сану летела делегация Корейской Народно-Демократической Республики.

Полет над Йеменом, страной с разбегающимися в разные стороны горами, на отжившей свой век «Дако-те-3», как и сама посадка в Сане, оставил у меня неизгладимое впечатление. Здание аэропорта в Сане ока-

ялось небольшим бараком, расположенным неподалеку от взлетной полосы. Паспортные и таможенные формальности здесь, по-моему, самые простые в мире. Чиновник, одетый по-европейски, но с джамбией на боку, сначала проверил, есть ли у меня виза, после чего поставил печать на соответствующей странице паспорта и разрешил взять багаж, осведомившись, не везу ли я оружие.

У выхода из барака остановился автомобиль, привезший наши чемоданы. Их сбросили прямо на землю. Ни таможенников, ни других представителей администрации нигде не было видно. Каждый пассажир сам искал свои вещи в ворохе багажа. Я нашла свои и подумывала о такси. Вдруг мое внимание привлекла необычная картина, будто бы выхваченная из иллюстрированной книги сказок «Тысячи и одной ночи». К корейской делегации направлялась группа йеменских сановников в великолепных одеждах, белых тюрбанах и зеленых шелковых шаялях до колен. Их пояса и джамбии могли возбудить зависть любого коллекционера древних арабских мечей. Такие мечи носили йеменские рыцари во времена средневековья, а украшавшие их драгоценные камни выдавали аристократическое происхождение их владельцев. Сановники подошли к корейской делегации и приветствовали ее от имени правительства Йеменской Арабской Республики.

Их гордый вид, дорогие одежды говорили сами за себя. Они принадлежали к йеменской аристократической касте, к той самой, к которой принадлежал свергнувший имама Аль-Бадр.

С первой минуты моего пребывания в Йемене я постоянно ощущала конфронтацию современного и прошлого, которое все время напоминает здесь о себе. Его находишь в облике людей, улиц и домов — прошлое, уходящее своими корнями в тысячелетия назад, и прошлое, существовавшее до революции 1962 года.

Во дворце имама Яхьи

Мы едем с аэродрома по улицам из глинобитных домов, заполненных толпами курчавых детишек, нищих, людьми без занятия и профессии, живущих неведомо на что и ночующих неведомо где.

Сана — город высоких домов, двери и окна которых украшены ослепительно белой облицовкой. Издали они напоминают дома венецианских дождей, но вблизи эта иллюзия пропадает и остаются лишь необычные на фоне пустынных гор дома-колоссы со своеобразными витражами и ажурными орнаментами. В туннелях песчаных переулков, по которым можно ходить только по одному, дома кажутся еще выше, они почти соприкасаются друг с другом, оставляя узкую полоску света над головой. Мы объезжаем древние вековые стены, некогда опоясывавшие город 12-километровым кольцом, как в средние века были опоясаны стенами наши европейские города. Стены кое-где осыпались от старости, но еще прекрасно гармонируют с высокими зданиями города, который до революции 1962 года не искажила ни одна архитектурная деталь, импортированная из западного мира. Прелесть Саны в ее естественности, нетронутым арабском фольклоре, богатстве архитектуры, созданной предками современных жителей, построивших некогда Аравию Счастливую: дома и храмы в честь могучего Альмакаха, одного из богов астрального пантеона древних йеменских цивилизаций.

Мы остановились перед южными воротами Саны, Баб-эль-Йемен, которые сегодня называются Воротами свободы. Их помнят все, кому удалось попасть в Йемен во времена имамов, так как только через эти ворота в стене, опоясывающей город, разрешалось вступать в столицу имамата. Войти, разумеется, можно было лишь днем: вечером все ворота Саны, укрепленные несколькими десятками башен, которые были «нашпигованы» стражниками, запирались. Массивные, высотой в полтора десятка метров, ворота с полукруглыми сводами украшены типично йеменским орнаментом и встроены в оборонительные стены вместе с башенками, из-за которых виднеются верхние этажи домов с гипсовой отделкой и шпили минаретов. Древний арабский город — в свое время столица химьяритского царства — немного напоминает кукольный балаган, город-декорацию.

Однако истинной красотой этой старинной архитектуры я могла насладиться в Рауде, летней резиденции предпоследнего правителя Йемена — имама Яхьи. Имам Яхья вошел в историю Йемена не только как тиран, но и как победитель турок. Здесь, в Рауде, имам Яхья,

правивший Йеменом 44 года (1904—1948), принял в 1918 году делегацию турецких сановников и подписал с ними договор, по которому Турция отказывалась от своих притязаний на эту страну. Обычно имам Яхья приезжал сюда из Саны на лето. Виноградники и сады Рауды славились своими винами (как писал в свое время один арабский историк). Это доказывает, что в древние времена, как и в наши дни, алкогольные напитки не находились под запретом. Пример господина и властелина оказался заразительным. Вскоре в Рауде сановники имама построили целый квартал многоэтажных дворцов, окруженных стенами и украшенных изысканным гипсовым орнаментом.

Я стою перед одним из таких дворцов, принадлежавших семье имама. Высокий дворец из могучих каменных глыб, окруженный стеной с башнями и башенками, расположился в красивом оазисе среди пальм, тамарисков и виноградных лоз, зелень которых в эту летнюю пору утратила свою свежесть. Я вошла в каменные ворота, пересекла двор и оказалась перед входом во дворец.

Мне предстояло поселиться в этом дворце, переоборудованном в отель «Ар-Рауда» («Рай»). Дворец производил довольно суровое и мрачноватое впечатление, как будто его стены сохранили дух полной драматизма эпохи правления йеменских имамов. Это чувство не могли заглушить чистые, заново отремонтированные залы и коридоры с аркадами, освещенные лампами из цветного стекла. Неровно положенные камни служили лестницей, ведущей в верхние этажи. По ним я взобралась на последний этаж, где почти под самой крышей находилась моя комната. Двери были деревянные, новые. Их навесили совсем недавно, когда дворец переоборудовали под необходимый городу отель. Однако внутри комната сохранила свой прежний вид. Несмотря на то что от сводчатого потолка веяло монастырской суровостью, здесь было весело благодаря оконным витражам, пропускавшим только свет, но не солнце.

Я широко распахнула окна комнаты, которая когда-то, может быть, служила одной из дам гарема. Широкой волной комнату заполнил сухой, горячий воздух. Окинув взглядом окрестности с высоты дворца имама, я поняла, почему это место иногда называют раем (слово «рауда» означает «приятный»). До самой Саны про-

стирались сады, окруженные красными глиняными стенами, а среди них стояли дома-крепости с выкрашенными белой краской ставнями и фронтонами. Посреди желтого, насыщенного песком и солнцем пейзажа эти дома-башни с белыми украшениями и ажурной отделкой, окруженные садами, создавали впечатление свежести даже сейчас. Нетрудно было представить себе эти сады весной, когда все вокруг зеленело и цвели цветы.

В нижнем этаже дворца разместился ресторан. Со стрельчатых сводов первого этажа, где некогда была конюшня, свисают лампы с разноцветными стеклами. У толстых кирпичных стен с отверстиями, служившими некогда бойницами, установлены столики.

За первым обедом на йеменской земле, состоящим из традиционных блюд английской кухни, я думала о том, что эта страна все еще огорожена стенами средневековья в буквальном и переносном смысле. Эпоха средневековья уже давно и бесповоротно ушла в прошлое на севере арабского мира, но здесь, в Йемене, можно еще увидеть отблеск прежней жизни арабских правителей, образ которой донес до нас древний арабский эпос. Не только я думала так: Вместе со мной в этом отеле-дворце жили члены итальянской кино съемочной группы. Они жили здесь уже несколько недель и снимали в Сане и ее окрестностях сцены для фильма «Сказки тысячи и одной ночи». Лучшей природы они бы нигде не нашли. Декорации и актеров им поставляла сама жизнь.

Йеменские сказки «Тысячи и одной ночи»

Йемен — до недавнего времени теократическое арабское государство. Его владыка считался наивысшим светским и духовным правителем страны царицы Савской, противился модернизации и жил по законам, установленным в начале эры ислама и даже раньше.

Йемен — страна враждовавших племен, постоянно находившихся в состоянии войны, — настоящий «дикий запад» арабского мира, новейшую историю которого трудно понять, не зная его общественно-политическую структуру, причин вражды и войн, генеалогии племен... Йемен называли арабским котлом, где господствовали два закона: *газават*, то есть закон набегов, позволяв-

ший застать врага врасплох, чтобы нанести ему как можно больший урон, и *дийя** — закон кровной мести за убитых, который передавался из поколения в поколение. Непрерывные заговоры, бунты слабых против сильных заполняют историю этой страны.

Старая арабская поговорка гласит: «Каждый член племени считает себя султаном». Один арабский философ прокомментировал ее следующим образом: «Каждый араб считает себя способным править, и лишь немногие охотно подчиняются власти другого, независимо от того, кто это — отец или вождь племени». В древней арабской традиции, берущей свое начало от кочевого образа жизни, никогда не существовало передачи власти по наследству. Владыка сам должен был завоевывать себе авторитет и уважение.

В Йемене не было условий для передачи власти по наследству, так как стране постоянно грозили вражеские набеги и приходилось всегда с кем-то воевать. После падения последнего химьяритского правителя Йемен подпадает под власть эфиопов, а затем, в 575 году, — персов. Позже Йемен становится частью Арабского халифата со столицей в Багдаде. Упадок аббасидской династии снова привел к развитию центробежных тенденций и возникновению множества мелких государств, соперничавших друг с другом. На протяжении веков Йемен, по существу, не имел центральной власти. Даже турки, которые считали Йемен частью своей империи, называя себя наследниками багдадских халифов (до крушения Османской империи в первой мировой войне), так и не смогли покорить эту страну. Йеменские племена постоянно бунтовали против них. Для средневекового Йемена характерны анархия и войны, которые породили тиранию и жестокость сильных против слабых. История страны до последней антифеодальной революции — это история более или менее значительных преступлений, кровопролитий, убийств из-за угла. Во всей тысячелетней истории мусульманского Йемена борьба за трон в Санае была хлебом насущным. В борьбе за власть соперничали как целые кланы, так и ближайшие родственники. Атмосфера при дворе имама среди его сыновей и дочерей, рожденных разными женами, была отравлена ненавистью, завистью и интригами. Один из сыновей имама Яхьи, заключенный в свое время в тюрь-

му, заявил, что предпочитает находиться за тюремной решеткой, чем при дворе отца. Здесь по крайней мере, он уверен, его жизни ничто не угрожает.

Положение в Йемене осложнялось тем, что население принадлежало к двум различным толкам ислама — шиизму и суннизму. Они отличались тем, что их распри были более острыми и протекали более бурно, чем в любом другом районе мусульманского мира, так как уходили корнями в традиционную вражду, существовавшую между северными и южными племенами⁷. Основные разногласия между суннитами и шиитами касаются не главных принципов ислама, а только религиозного главенства и того, что за этим следует, то есть главенства политического. Шииты считают, что главенство принадлежит потомкам Мухаммеда, то есть лицам, ведущим свое происхождение от его дочери Фатимы и зятя Али, который был четвертым халифом. Сунниты не согласны с принципом выбора религиозного лидера по его происхождению. Они считают, что только высокие духовные и моральные качества определяют место человека в иерархии ислама. Шииты представляют собой меньшинство в исламском мире. Наибольшее их число можно встретить в Ираке, где находится могила внука Мухаммеда, Хусейна, убитого по приказу багдадских халифов. Большое число шиитов живет также в Иране и Йемене, в его северной части на границе с Саудовской Аравией. Точнее говоря, это зейдиты.

Шиизм, так же как и суннизм, не представляет собой однородную группу в исламе. В нем зародились различные секты часто сугубо мистического характера. Одну из таких сект основал потомок Али, Зейд ибн Али ибн Хусейн, который в 864 году заложил зейдитское государство на берегу Каспийского моря. Однако зейдизм развился прежде всего в Йемене, где поселилась семья ар-Расси, ведущая свое происхождение от Зейда. Члены ее подчеркивали свое родство не только с родом Мухаммеда, но и с доисламскими владыками. С 900 года эта семья правила Йеменом. Имам Яхья был сто десятым наследником первого имама зейдитской секты⁸.

Имам был верховным правителем и пользовался прерогативами, полученными, по мнению зейдитов, по милости бога, так как он был потомком пророка. Поскольку имам занимал пост как светского, так и духовного

владыки, то неповиновение ему было не только величайшим государственным, но и религиозным преступлением, ересью, которую следовало жестоко карать. Однако бунты и ересь не прекращались. Историки записали один из эпизодов борьбы с бунтовщиками, не лишенный хитрости, типичной для восточных народов. Имам предложил вождям восставших племен заключить мир. Их пригласили в Сану для подписания мирного договора. Однако, как только мятежники появились в Сане, солдаты имама схватили главного вождя, переодели в женское платье и покрасили его ладони хной, как это делают женщины. В глазах мусульман нет большего позора, чем такой маскарад. Осмеянного вождя привязали к верблюжьему хвосту и в сопровождении смеющейся толпы провели через весь город. Сестра вождя, которая вместе с ним прибыла в Сану, не смогла вынести такого позора, постигшего их род, и выбросилась с самой высокой террасы дома. Остальных вождей и старейшин племен, ожидавших подписания договора, отравили.

Согласно зейдитским принципам имамом мог стать мужчина, ведущий свое происхождение от Али и дочери пророка Фатимы, соответствующего возраста, здоровый телом и душой, сведущий в религиозных вопросах, бесстрашный и готовый защищать имамат с мечом в руке. Как уже говорилось, имамат не был наследственным институтом. Выбор правителя зависел от многих причин, что приводило к постоянному соперничеству, так как на имамат притязали бесчисленные потомки Мухаммеда. В Йемене около 6 тысяч семей принадлежало к религиозной аристократии. К ней относились сейиды, которые вели свое происхождение от младшего сына Мухаммеда — Хусейна. Сейиды (или сада) представляли своеобразную религиозную касту, прибравшую к рукам все богатства страны и высокие посты. В Йемене сейиды были самыми крупными землевладельцами, опорой имама, судьями, высокопоставленными чиновниками. Большинство сейидов были зейдитами, но некоторые из них принадлежали к шафиитам (одна из групп суннитов). Йеменские шафииты противились принципу «ахль аль-байт», то есть приоритету наследования власти «людьми из дома пророка», потомками Мухаммеда, а также зейдитским законам, опирающимся на Коран. Шафииты представляют в Йемене большинство — около 60 процен-

тов населения. Зейдиты живут в северной части страны, в то время как шафииты населяют район Тихамы и южную часть страны, включая Таиз.

Положение внутри Йемена всегда определяли эти две религиозные группы. До сих пор не угасла их воинственность и религиозная непримиримость. Кое-где отмечались вспышки фанатизма, когда правление осуществляло меньшинство. Несмотря на то что зейдиты составляли 40 процентов населения, они всегда были привилегированной группой и занимали основные посты. Правда, существовали соглашения, по которым людей назначали на посты в соответствии с их вероисповеданием. Например, в шафиитском районе имам назначал судей и губернаторов шафиитского происхождения. Однако в районах со смешанным вероисповеданием высшими чиновниками становились, как правило, зейдиты. В армии самый большой чин, на который мог рассчитывать шафиит, был чин старшего лейтенанта. Те же самые ограничения касались поездок за границу. Имам всегда неохотно разрешал йеменцам такие поездки. Он лично давал согласие на выезд каждого человека, причем, если речь шла о шафиите, был особенно придирчив. Прощение правонарушителя-шафиита проходило больше инстанций, и решения приходилось довольно долго ждать, не говоря уже о том, что необходимо было дать взятки большому числу чиновников.

Система власти, процветавшая в Йемене, благоприятствовала коррупции, деморализации, подкупу. Без пресловутого бакшиша нельзя ступить и шагу. Родственники осужденного подкупали палача, чтобы он отрубал ему голову одним ударом, иначе палач начинал «развлекаться» с осужденным, стараясь произвести впечатление на зрителей, каждый из которых мог по какой-либо причине или без нее оказаться на эшафоте.

Во второй половине XX века в Йемене все еще действовали законы, некогда установленные простой и суровой моралью жителей гор и пустынь. По этим законам преступника судили по принципу, бывшему в ходу еще в Вавилоне: «око за око, зуб за зуб». Но так как ничего не делалось для облегчения положения бедноты, условия порождали преступления на каждом шагу. Во времена имамов на улицах Саны часто можно было встретить людей с кандалами на руках.

Имам Яхья, с именем которого связан дворец Рауда, был могущественным правителем Йемена, и память о нем сохранилась в легендах. Его авторитет возрос в период борьбы с турками, в течение ряда лет оккупировавших Йемен (впервые турки завоевали некоторые районы Йемена во второй половине XVI века). После завоевания независимости в 1918 году имам начал войну против вождей племен, которые либо вообще не признавали, либо признавали частично власть имамов. Ему удалось устранить одних и примирить других, связав их родственными узами путем заключения браков. Сам Яхья также женился на дочери одного из бедуинских вождей (она до конца жизни оставалась его любимой женой). Имам Яхья взял себе прозвище Хамид ад-Дин, то есть «Достойный веры», и правил Йеменом железной рукой, не допуская никаких «новшеств». В то время как соседние арабские государства, выйдя из-под влияния Османской империи, попали в зависимость от Англии, Яхья захлопнул двери перед англичанами и начал проводить политику ограниченных контактов с соседними государствами. Он признавал только те государства, которые, по его мнению, были не опасны для Йемена, например Италию и Японию. Старый Яхья говорил: «Мы предпочитаем жить в нищете и убожестве, есть траву, но не смотреть, как богатства нашей страны прибирают к рукам иноземцы».

Ум и политический расчет подсказали ему искать поддержку у Советского Союза, дипломатические отношения с которым он установил в 1932 году⁹.

Прелюдия к 1962 году

Сильный и беспощадный имам Яхья, которого ненавидели и боялись, сделал то, на что не отважился ни один из его предшественников, а именно ввел наследственную монархию и назвал сына своим преемником. Но это противоречило традициям зейдитов, проповедовавшим, что власть должна принадлежать «наиболее благочестивому и мудрейшему», причем степень благочестивости и мудрости определял совет, состоящий из улемов. Последние годы правления этого восьмидесятилетнего правителя нельзя назвать спокойными. Несмотря на то

что он сеял смерть и террор, он так и не сумел ликвидировать заговоры, которые возникали один за другим, Старый имам сам стал жертвой своих династических притязаний. В феврале 1948 года он был изрешечен пулями заговорщиков. В Рауде до сих пор стоит карета имама Яхьи. Сегодня она музейный экспонат. Когда имам ехал в этой карете по улицам Саны, он был смертельно ранен заговорщиком, заслонив своим телом сидящего рядом внука.

Во главе заговора стоял представитель боровшегося за власть клана сада Абдалла Вазир — руководитель мощной политической группировки зейдитских племен на Севере. В роду Вазиров был имам. Ему удалось также добиться поддержки у политической группировки «Свободные йеменцы», штаб-квартира которых находилась в Адене. «Свободные йеменцы» объединили всех противников имама, как зейдитов, так и прежде всего шафиитов.

На какое-то время заговорщики захватили власть, но радость клана Вазиров была недолгой. Абдалла Вазир не собирался менять систему правления, а думал лишь о смене правителя, которым пожелал стать сам. Однако он не сумел обеспечить себе необходимую поддержку, чтобы удержаться на троне. Государственная казна была пуста: заговорщики быстро ее разграбили. Нечем было платить наемной армии, которая всегда в этой стране была опорой власти. Наследник трона эмир Ахмед с помощью двух племен, хашид и бакиль, называемых «крыльями имама» (которые всегда оказывали ему поддержку), сумел овладеть Саной и забрать власть в свои руки.

Месть победителя была страшной. Еще сегодня в Сане рассказывают о «подвигах» страшного имама-джинна, то есть злого духа, который жестокостью превзошел Яхью, и показывают лобное место напротив старых стен Саны, где в 1948 году снесли головы трем тысячам осужденных. Каждый третий мужчина в Сане заплатил жизнью за кратковременное правление предводителя заговорщиков, который также погиб на эшафоте.

Ахмед-джинн, как все еще называют в Йемене этого последнего имама (его сын имам аль-Бадр правил только неделю), оставил в народе память о себе как об исключительно жестоком правителе. Сохранились фотографии этого йеменского имама в типичной одежде религи-

дного аристократа: черное, расшитое золотом длинное платье и белый тюрбан. Из-под дорогой шали выглядывает джамбия в золотых ножнах. Имам Яхья не разрешил себя фотографировать. Его портрет создан по описанию знавших его людей. Ахмед обладал всеми чертами восточного деспота: подозрительный и жестокий, не сгибающийся никакими средствами, чтобы удержаться у власти, и одновременно трусливый и сладострастный. Его биография могла бы обогатить портреты арабских и мусульманских правителей из сказок Шахразады. Для современного Шекспира он мог бы послужить прототипом Ричарда III.

Этот старший сын Яхьи, носивший, как и другие сыновья имама, титул «сайф аль-ислам» («меч ислама»), рано проявил склонности отравителя. Он избавился от своих более способных братьев и любимцев отца, которых считали основными претендентами на трон; они погибли при весьма загадочных обстоятельствах. Оставшиеся в живых были не страшны ему. Воспитанный при дворе, пропитанным духом соперничества, средневековой жестокостью и интригами, Ахмед не любил людей. В Таизе, на юге Йемена, куда он перенес свою столицу, так как Сана постоянно напоминала ему смерть отца в 1948 году, мне показали львов имама Ахмеда. Они были его талисманами, и он любил с ними играть. Стражник, который еще во времена правления имама кормил этих львов, рассказывал мне, что иногда зверям бросали на съедение людей и это было любимым развлечением имама-джинна.

В Таизе я осмотрела наполовину разрушенный дворец на холме Сала. Ахмед, потомок Мухаммеда на троне имама, в каком-то отношении неслыханно ортодоксальный, любил вина и другие крепкие напитки. В подвалах дворца найдены ящики с виски и коньяком. Лидер революции 1962 года полковник Салляль приказал тотчас разбить все бутылки. В архивах правителя страны, где танцы и музыка были запрещены и до революции не было ни одного кинотеатра, обнаружены десятки порнографических фильмов. Найдены также интимные фотографии семьи имама и его наложниц. Эта страна была с двойной моралью — для народа и для правителей. Последний имам остался в памяти народа и как заядлый наркоман: в подземельях дворца найден склад морфия.

Имам болел на протяжении почти всего времени своего правления. Он страдал всевозможными болезнями: артритом, коронарной недостаточностью, язвой желудка, а также сифилисом. Когда имам умер, то целую неделю держали его смерть в тайне от народа, так как не знали, какую реакцию она вызовет в стране. И она действительно вызвала реакцию — давно вызревавшую революцию.

Революция и после революции

Я выхожу из ворот дворца и пытаюсь найти какой-нибудь транспорт, который довез бы меня до города. В это ясное утро хорошо видна вся гамма цветов и красок расположенного по соседству с отелем «Ар-Рауда» рынка. Вчера вечером у ворот было тихо. Даже нищие исчезли куда-то. Сегодня же здесь шумно и многолюдно. Ночью слышалась стрельба и лай одичавших собак, бродящих стаями по городу. Я не могу ночь, проведенную в отеле «Ар-Рауда», назвать спокойной. Слишком много жестокости видел этот дворец, и было трудно освободиться от мыслей об этом. Члены итальянской киногруппы тоже жаловались на ночную стрельбу. «Мы ощущали себя узниками этого дворца», — говорили они. В Сане введен полицейский час, и в «Ар-Рауда» возвращаться надо засветло, так как с наступлением сумерек ни один водитель не согласится поехать через город, патрулируемый полицией и войсками. Однако что же случилось? В регистратуре «Ар-Рауда» равнодушно пожимали плечами.

Итальянцы посвятили меня в подробности последних событий в Сане. «Было настоящее сражение», — рассказывали они. Оказалось, что один из северных феодалов, некий шейх Авади, забаррикадировался вместе с преданными ему людьми в арсенале, полном оружия, и вел стрельбу по правительственной армии и полиции. Правда, шейх погиб, но его сторонники осаждают правительственные здания, подкладывают бомбы и постреливают на улицах. Нет мира в стране царицы Савской.

Я прохаживаюсь по замусоренной площади перед Рауда. На ней тесно от крестьян, полицейских и солдат, разговаривающих, жестикулирующих, разгуливающих

по площади парами или целыми группами. Одни прогуливаются, другие спешат по своим делам. Заснять бы на киноплёнку все это красочное скопление людей, живущих прежней жизнью, как будто Йемен еще находится за «запавесом молчания» и здесь продолжают править имамы. Одежда, типаж людей, атмосфера улицы — все кажется нереальным во второй половине XX века. Мирные события сюда не доходят вообще, а если и доходят, то каким-то запоздалым эхом.

На рынке, окруженном глиняными домиками, на улицах, где бредут верблюды и ослы, нагруженные вязанками хвороста и мешками с зерном, чувствуешь себя так, словно ты перенесся в минувшую эпоху, когда Йемен представлял собой конгломерат племен и все споры разрешались согласно *дийя* и мусульманским законам шариата. Время здесь, как и прежде, считают по мусульманскому календарю. Йеменцы горды и самоуверенны; даже нищие выглядят князьями. Их лица очень выразительны. Подрисованные сурьмой глаза придают им немного маскарадный вид. Они одеты в длинные до голени брюки или туники, перехваченные поясом, и у каждого на животе покоится более или менее дорогая джамбия. Одежда может быть простой, но джамбия говорит о положении и ранге владельца. Йеменец может бросить жену, но джамбию — никогда.

В толпе много полицейских. У них на плечах карабины, на поясе патронташи. Не знаю почему, но они мне напомнили известные по фотографиям отряды племен, членов народного ополчения, откликнувшихся на призыв имама аль-Бадра после революции 1962 года. Именно так выглядели солдаты армии имама в годы гражданской войны в Йемене (1962—1967).

Цель — свержение имамата

Революция 1962 года совершилась неожиданно для многих. Однако были и такие, которые удивлялись тому, что она произошла только спустя 10 лет после антифеодальной египетской революции. Йеменское общество медленно созревало. Отдельные выступления происходили во времена правления как имама Яхьи, так и его сына Ахмеда-джинна. Во время правления имама Ахмеда

также имела место попытка государственного переворота. Предпринял ее собственный сын имама аль-Бадр, воспользовавшись отсутствием отца, находящегося в 1959 году в Риме на лечении. Имам отправился в эту поездку в сопровождении многочисленных жен, а также заложников, принадлежавших к тем семьям и племенам, которые могли угрожать его власти. Так всегда поступали имамы. В их дворцах пребывали в качестве заложников сыновья врагов и друзей — гарантия, что их отцы не станут плести сети заговора.

Однако имам Ахмед забыл забрать с собой собственного сына, который во время правления своего жестокого отца проявил себя сторонником обновления системы власти Йемена. Наследник трона был известен своими либеральными (по йеменским понятиям того времени) убеждениями, много путешествовал по Европе и арабским странам. Он пользовался симпатией президента Насера, побывал в Советском Союзе, стремился расширять контакты с социалистическими странами. В то время Йемен находился в состоянии войны с английским протекторатом Аден, граница с которым никогда не была окончательно установлена. В отсутствие отца эмир аль-Бадр провозгласил реформы и конституцию, что подействовало на Ахмеда как холодный душ. Встревоженный имам поспешил в страну и положил конец либеральным помыслам своего сына, который возмутил отца еще и тем, что опустошил государственную казну, подкупая вождей племен, чтобы завоевать их поддержку. Ахмед был скрягой и плохим политиком, поэтому он приказал вождям вернуть деньги. Вожди боялись его и вернули дары аль-Бадра, что не принесло Ахмеду популярности, которой у него никогда и не было. Согласно арабской традиции, правитель должен быть щедрым. Возвращение подарков — большое оскорбление. По мнению многих, это был очередной гвоздь в гроб имамата.

Во второй половине 50-х годов усилилось брожение в йеменском обществе, которое захватило различные социальные группы. Экономическое положение страны ухудшилось отчасти из-за засухи, отчасти из-за спада производства, вызванного нехваткой рабочих рук, бегством крестьян из деревни. В 1960 году на севере среди верной до сих пор имаму конфедерации зейдитских племен бакиль вспыхнуло восстание.

В начале 60-х годов в оппозиции к правительству находились почти все общественные слои Йемена. Недовольными были зейдитская аристократия, улемы и вожди некоторых племен. Вожди племен бакиль отказались признавать Ахмеда, считая его политику отступничеством от принципов имамата. Одновременно, несмотря на изоляцию, страна все более явно втягивалась в орбиту мировой экономики. Оживление экономики, а следовательно, политической и социальной жизни, охватившее весь арабский мир, достигло Йемена. В некоторых помещичьих хозяйствах, особенно в Тихаме и на юге страны, начали применять новые методы в сельском хозяйстве, гарантирующие более высокую производительность. Их владельцы были заинтересованы в ликвидации старого феодального режима, затрудняющего развитие товарообмена с другими странами.

Под давлением этих кругов изоляция во время правления имама Ахмеда значительно ослабла. Было заключено много двусторонних соглашений о культурном и техническом сотрудничестве. Молодые йеменцы выехали за границу на учебу. Но после возвращения в страну они не находили себе работы в устаревшей теократической структуре имамата. Тем самым увеличивалось число недовольных. Даже единственная в Йемене средняя школа в Сане была подвержена антиправительственным настроениям. Ее учащиеся, требуя модернизации программы обучения, вышли на улицу и принялись разбивать портреты имама Ахмеда.

Все громче в Йемене говорили о революции. Страна созрела для нее, но находилась под контролем всемогущей королевской полиции, которая знала о каждом шаге феллаха, не говоря уже о немногочисленной интеллигенции. Губернаторы шести йеменских провинций, пользовавшиеся услугами своих осведомителей, информировали имама о любом проявлении бунта или протеста. Поэтому оппозиция в Йемене не могла действовать легально и даже нелегально. Противники режима уже в 30-х годах избрали своей штаб-квартирой Аден, находящийся под английским протекторатом. После второй мировой войны число эмигрантов значительно возросло. Эмиграция охватила также религиозную оппозицию, особенно некоторых шафритских сейидов, а также торговцев и немногочисленную интеллигенцию. Эмигранты

создали организацию «Свободные йеменцы» (Аль-Ахрар аль-Йаманийин), которая провозгласила весьма ограниченную программу реформ, приемлемую как для религиозной аристократии, так и для радикально настроенных деятелей.

Неудачные попытки государственного переворота в Йемене в 50-х годах значительно ослабили организацию «Свободные йеменцы». Свергнуть имамат могла только единственно организованная сила, которая (как это часто бывает в обществе с низким уровнем экономического и социального развития и с племенным образом мышления) представляла собой наиболее прогрессивную часть общества, то есть армия. Недовольство офицеров заставило Ахмеда предпринять определенные действия. Он закрыл военную школу в Сане, где работало несколько египетских офицеров. (Считалось, что школа является рассадником революционных идей.) Задерживалась выплата денег офицерам и солдатам. В армии креп дух протеста. Группа офицеров в декабре 1961 года создала — за девять месяцев до покушения — тайную антиправительственную организацию наподобие египетской организации «Свободные офицеры».

Как пишет в книге «Экономическая и социальная недоразвитость Йемена» Мухаммед Саид аль-Аттар, выдающийся йеменский экономист и политик, в заговор были втянуты представители трех социальных групп: военные, интеллигенция и торговая буржуазия. Военных было большинство, несмотря на то что их отношение к революции было очень разнородным. Офицеры были выходцами из северной части Йемена, из областей, населенных зейдитами: только люди, принадлежащие к привилегированным родам и племенам, лояльные к имамату, могли получить офицерские погоны. Их лояльность не подвергалась ни малейшему сомнению. Полковник Абдалла аль-Салляль, вставший во главе заговора, тоже был зейдитом и, кроме того, доверенным лицом эмира аль-Бадра. Аль-Бадр высмеял бы любого, кто бы сказал ему, что заговор против режима готовит его протее, полковник Салляль.

Салляль родился в 1915 году (по другим источникам — в 1917 году); он принадлежал к тем йеменским офицерам, которые первыми побывали за границей. Имамы боялись людей, возвратившихся из-за границы.

Поэтому Абдаллу аль-Салляля посадили в одну из пяти главных йеменских тюрем, где его держали какое-то время в наручниках. После смерти имама Яхьи в 1948 году его снова посадили в тюрьму. Выйдя на свободу, он организовал заговор вместе с эмиром аль-Бадром против имама Ахмеда.

Офицеры, втянутые в заговор (согласно Мухаммеду Аттару, 80 офицеров из 400, главным образом младших, входили в состав подготовительного комитета), не были едины и выдвигали разнородные требования — от введения реформ до свержения имамата. Некоторые заговорщики были сторонниками идеологии мусульманских братств, популярных в арабском мире в эпоху антиколониальной борьбы. Другие называли себя насеровцами. Были и такие, которые считали себя приверженцами общесарабской партии Баас и даже коммунистов.

Интеллигенция была очень немногочисленна. В 1962 году в стране насчитывалось не более 100 человек со средним и высшим образованием. Большинство из них — выходцы из семей торговцев. Они проповедовали свои революционные взгляды, связывая свержение имамата с глубокими социальными преобразованиями. Представители торговой буржуазии, главным образом из южных областей, также желали свержения имамата, так как Яхья и его сын, окружив себя вождями племен, со страхом относились к экономическому и социальному развитию страны и сдерживали его. Общественно-политическая структура Йемена устарела, и в ней не было места буржуазии и интеллигенции. Часть торговцев, обладающих капиталом, переехала в Аден и оттуда поддерживала революционные группы. Они связывали свои надежды с Саллялем.

Абдалла аль-Салляль решил повернуть ход истории в своей отсталой, средневековой стране. Он должен был действовать с большой осторожностью. В этом государстве, где почти каждый был под подозрением и находился под наблюдением, Салляль сумел сплотить вокруг себя группу единомышленников. Несмотря на разветвленную систему доносов, удалось сохранить в тайне дату начала революции. В заговор был посвящен даже личный секретарь аль-Бадра. Еще за час до танковой атаки на королевский дворец в Таизе он писал под диктовку имама. Полковник, а затем *мушир*, то есть маршал,

Салляль оказался способным организатором заговора, но не вождем революции, которая должна была пройти несколько этапов. Так бывает довольно часто. Всегда легче разрушить цитадель старой системы, чем укрепить основы новой власти, на что требуются время и благоприятное стечение обстоятельств.

Но тогда, в сентябре 1962 года, через неделю после смерти имама Ахмеда и после выступления нового правителя, аль-Бадр, который дал понять, что в Йемене ничего не изменится и «что он пойдет той же дорогой, которую указал ему отец, Ахмед», взошла и разгорелась ярким светом на йеменском небосводе звезда Салляля.

События в Сане до 26 сентября 1962 года и после, как пишет английский военный историк Эдгар О. Бэлланс, развивались следующим образом. Существовали две заговорщические группы: одна — группа «Свободных офицеров» с полковником Абдаллой Саллялем, планы которого были известны египетскому посольству в этой стране, и другая, состоящая из влиятельных зейдитских семей, противников аль-Бадр. Последние желали только смены имама и стремились посадить на трон после смерти Ахмеда не его сына, а дядю аль-Бадр, эмира Хасана, более популярного у северных племен. Аль-Бадр, вероятно, знал о намерениях сторонников Хасана и, возможно, поэтому, ничего не подозревая, разрешил Саллялю, начальнику своего штаба, перевести из Ходейды в Сану несколько танков.

Колонна из шести танков и четырех бронемашин прибыла в Сану поздним вечером и не вызвала никаких подозрений во дворце, где аль-Бадр должен был держать совет при участии Салляля. В 23.30 танки открыли огонь по пятиэтажному дворцу Башир, резиденции нового правителя. Одновременно, как это делается всегда, были захвачены радиостанция и аэродром. Сторонники республики радовались своему успеху. Неожиданность была полная. Ни один выстрел не прогремел из дворца в защиту имамата. Солдаты были ошеломлены легкостью победы. Удивлен был и сам Салляль.

Салляль не доверял аскарам, наемным солдатам, которые не участвовали в заговоре. Мухаммед Саид аль-Аттар пишет, что офицеры, участники заговора, решили запереть солдат в казармах, чтобы помешать им оказать помощь имаму. Офицеры сами заняли радиостанцию и

королевский дворец. Солдаты приняли участие в операции позднее, после завершения штурма дворца Башир.

В мир полетела новость о падении монархии в Санае и о конце жестокого средневековья в этой стране. Победа казалась несомненной, так же как и уверенность в смерти имама аль-Бадра. Однако он не погиб. Услышав выстрелы, аль-Бадр спрятался в своем гареме и вышел из горящего дворца в женской одежде. Потом он переоделся в форму простого солдата. Только два месяца спустя миру стало известно, что аль-Бадр жив и здоров и возглавляет монархические войска, которые с помощью Саудовской Аравии начали военные действия против республики.

Между республиканцами и монархистами

Пока ничто не омрачало радость победителей. Разрабатывались и провозглашались важные решения, которые должны были перенести Йемен из X века в век XX, проложить дорогу к социальному возрождению. Революционеры провозгласили республику и равенство всех людей перед законом. Это был революционный шаг не только для Йемена. Была провозглашена отмена рабства, которое существовало в Йемене до 1962 года. То же самое было сделано в соседней Саудовской Аравии, в шейхствах Персидского залива и в Омане. В стране, где рабство было общепринятым социальным институтом, такой шаг означал вступление в новую эпоху. Противодействуя йеменской революции и ее влиянию на Южную Аравию, правительство Саудовской Аравии не могло пройти мимо этого факта и было вынуждено две недели спустя отменить рабство у себя.

Власть в Йемене стала светской, но ислам, как это нашло выражение в конституциях всех арабских стран, остался государственной религией. Была отменена система *рахайн* — заложников имама. Тысячи людей обрели свободу. Благодаря конфискации имущества имамов большинство возделываемых земель перешло в руки республиканского правительства. Была изменена налоговая система, облегчено положение крестьян. Началось строительство новой экономики, опирающейся на решения правительства привлечь в страну капиталы торгов-

цев и буржуазии, размещенные до сих пор за границей. Провозглашенная полгода спустя временная конституция открыла новую дорогу к дальнейшим социальным и политическим преобразованиям. Эти преобразования было нелегко проводить в стране, где власть имамов представляла собой надстройку над феодально-племенной структурой общества, тем более что всего через два месяца после свершения революции имам аль-Бадр напомнил о себе. Он поставил перед собой цель вернуть трон любой ценой, даже ценой гражданской войны.

И такая война прокатилась над Йеменом. Ее следы я видела в 1973 году в окрестностях Саны: разрушенные дома, сгоревшие леса. В гражданской войне, продолжавшейся с осени 1962 до конца 1967 года, погибли тысячи людей. Она велась на двух фронтах — внутреннем и внешнем. Это была война прежде всего между сторонниками республики и ее противниками. Линия фронта между монархистами и республиканцами пролегла, однако, не только между зейдитами, консервативными северными племенами, вставшими на сторону аль-Бадра, и шафиитами, более развитым Югом страны, экономически тяготеющим к Адену, но также и между самими зейдитами, северной аристократией, потомками химьяритских родов, считающих себя потомками Мухаммеда, между бедными и богатыми зейдитскими родами. Полковник Салляль был зейдитом, но происходил из бедного, презираемого рода кузнецов. Он не сумел сплотить вокруг себя большие массы зейдитов, для которых немаловажным фактором было его происхождение. Многие из них воевали только с имамами из клана Хамид ад-Динов, а не с имаментом как системой власти. Правда, вождь сильной федерации племен хашид Аль-Ахмар оказал поддержку республике, но большинство заняло враждебную или выжидательную позицию. Шафииты Юга тоже не очень доверяли зейдиту Саллялю.

Республиканцев в гражданской войне в Йемене поддерживал президент Насер, который связывал успехи йеменской революции с ослаблением в этом районе влияния феодалов. Египетская армия боролась за освобождение от феодализма и неокOLONиализма не только Йемена, но и всего Аравийского полуострова. Главнокомандующий вооруженными силами Египта в Йемене маршал Амер признавал, что Египет понес тяжелые потери

в Йеменской гражданской войне: погибло 70 тысяч египетских солдат.

Вонны аль-Бадра, укрывшиеся в горных пещерах на границе с Саудовской Аравией, получали финансовую поддержку от Саудидов. Она позволяла удерживать верность зейдитского Севера имаму аль-Бадру и, кроме того, развернуть партизанскую войну в республиканских районах, дезорганизовать жизнь молодой республики, которой с первых дней своего существования пришлось преодолевать огромные трудности. Такова судьба многих революций. Ее вожди, герои первых победных дней, часто бесповоротно теряют свой авторитет. Так случилось и с Саллялем. Затянувшаяся гражданская война, голод, невозможность победить зейдитов и захватить их территорию подорвали авторитет лидера революции. В 1965 году Салляль покинул Йемен и по сей день живет в Ираке.

Верх в республиканском правительстве взяли те силы зейдитов и шафитов, которые жаждали окончания египетской интервенции в Йемене и примирения с монархистами. По египетско-саудовскому соглашению, подписанному в августе 1967 года в Хартуме, Египет в обмен на помощь Саудовской Аравии в его войне с Израилем вывел войска из Йемена. Однако это не означало конца гражданской войны. Монархисты нарушили обещание и в декабре 1967 года предприняли штурм Саны, которая находилась в руках республиканцев. Взятие Саны означало бы ликвидацию не только мирного договора, но и всех достижений революции, а может быть, даже реставрацию монархии. Сана героически защищалась и выдержала осаду монархических войск. Республика была сохранена. Имамат не удалось восстановить. Имам аль-Бадр больше не возвращался в Йемен. Больной и всеми покинутый, он поселился в Саудовской Аравии.

Победа республиканцев не вызывала сомнений, но это была нелегкая победа. Республиканцам пришлось очень трудно. Их шеренги значительно поредели за годы войны. Те, кто остался жив, обескураженные, как Салляль, выехали за границу или занялись бизнесом. Несмотря на то что египетская интервенция спасла республику, все-таки она принесла ей немало вреда. В прошлом, не считая турецкую оккупацию, ограничившуюся, по существу, Саной и несколькими пунктами на

побережье и внутри страны, Йемен никогда не знал иностранной оккупации. Поэтому пропаганда роялистов о наводнении Йемена египетскими интервентами пала на благодатную почву, поставила многие племена, до тех пор неодобрительно смотревшие на господство зейдитского Севера, на сторону аль-Бадра. В своей борьбе за трон имам очень искусно пользовался патриотическими и националистическими лозунгами, называя главными врагами страны египтян и тех йеменцев, которые с ними сотрудничали. Кроме того, сказались ошибки, допущенные республиканцами: например, устранение от власти вождей некоторых племен; последние не только не утратили своего влияния в результате непродуманных шагов новой власти, а, наоборот, их престиж еще более возрос среди соплеменников.

Вот неполный список причин, оказавших влияние на общественно-политическое развитие Йемена после революции, в результате которых позиция республиканцев серьезно ослабла. После 1967 года республиканцам пришлось обороняться от нападок монархистов; и они уступили им в правительстве много постов. Лозунги радикального изменения общества, провозглашенные вчерашними вождями революции, были забыты, да и кадры умеренных республиканцев стали постепенно редеть.

Из армии уволены многие высшие офицеры; прославившиеся в борьбе с монархистами. Зейдитский Север по-прежнему тяготеет к Саудовской Аравии¹⁰; которая оказывает сильный нажим на йеменское правительство, переживающее тяжелое время. Она обещает финансовую помощь. Такой аргумент очень убедителен для страны, где нет дорог, фабрик, школ и больниц, где в некоторых областях продолжается каменный век; а вожди племен — единственная власть на своей территории — бросают вызов самому правительству. Саудовская Аравия уже примирилась с тем, что в Санае не будет реставрирована монархия, но она стремилась предотвратить дальнейшую радикализацию общественной системы; как это имеет место в другом — Южном Йемене; и, разумеется, не допустить объединения йеменцев.

«Сана сейчас находится в руках зейдитов прочнее, чем когда бы то ни было, — сказал мне один йеменский журналист. — Север господствует сегодня в нашей общественной и политической жизни так же, как и во вре-

мена имамов, стоит лишь проехать немного на север, чтобы убедиться в этом. Кто правит там? Шейхи и армия, которую они вооружили на деньги, полученные от Саудовской Аравии. Они издают законы, собирают с феллахов налоги, как в лучшие дни феодализма. Нет, борьба в моей стране не закончена. Нас ждет еще много сражений, прежде чем мы справимся с феодалами Севера».

Когда я приехала в Сану, жители все еще находились под впечатлением от уличных боев, о которых мне рассказывали итальянцы. Бой велся между армией и помогавшей ей полицией и телохранителями вооруженного шейха. Влиятельный шейх Авади, в прошлом один из «крыльев имама», предводитель воинственных горцев Йемена, ехал в сопровождении свиты по дороге из Саны в Таиз. Днем он остановился в караван-сараях на отдых. После отдыха, полный бодрости и боевого духа, шейх решил реквизировать автомобиль, стоявший на дороге. Однако пассажиры отказались выйти из автомобиля, и в ответ на его угрозы кто-то из них бросил в шейха Авади камень. Взбешенный предводитель, не долго думая, выхватил пистолет и перестрелял всех пассажиров. Оказалось, что пассажирами автомобиля были солдаты йеменской армии.

На этом «героические подвиги» шейха Авади не закончились. Вызванный властями для объяснения, он явился в республиканский дворец в сопровождении вооруженных головорезов в тюрбанах и с джамбиями. Они убили охранников, после чего спрятались в арсенале и отстреливались оттуда. Ничего другого не оставалось, как привлечь на помощь армию. Арсенал взорвали. Вместе с Авади там погибло 50 человек.

Воинственные зейдитские племена организовали демонстрацию силы в городе, где республиканское правительство стремилось проводить в жизнь принципы мира, установленного в 1967 году между двумя лагерями. Однако трудно было поддерживать мир в городе и в стране с давними традициями междоусобных войн и мятежей. Сведение счетов между монархистами и республиканцами все еще продолжается. Теперь я поняла, почему на мой вопрос о ночной стрельбе в отеле «Ар-Рауда» пожимали плечами. К этому здесь уже успели привыкнуть, даже после революции.

Несколько дней я жила в Санае, променяв загородный «рай» оазиса на скромную комнатку в пансионате для работников ООН на одной из центральных улиц Саны в старом турецком квартале, носящей имя Гамаля Абдель Насера. Пансионат размещался в неприметном здании рядом с французским торговым представительством. Когда-то здесь была резиденция какого-то йеменского или турецкого вельможи. Стены здания толстые и внушительные. Вход со двора, который украшает одинокая акация, ведет сразу в веющий подвальным холодом коридор. С внутренней стороны стены проделаны бойницы, незаметные снаружи. Через них следили за тем, кто приближается к дому — друг или враг. По традиции местные дома выглядят как крепости.

С наступлением темноты в Сану пришла глубокая тишина. Только в старом арабском квартале было по-прежнему шумно. Йеменцы собирались у освещенных свечами и лампами лавок и болтали до глубокой ночи. Комендантский час начинался в 9 часов. Однажды меня пригласили в дом советских журналистов. Когда я довольно поздно возвращалась оттуда, город был как будто вымерший. На основных магистралях стояли военные патрули и полицейские, которые, заметив наш автомобиль, уже издали подали нам знак остановиться. Увидев в наших документах буквы СД, они любезно пропустили нас. Однако следующий за нами автомобиль подвергли тщательной проверке. Солдаты были очень молоды. Возможно, им было по 14—15 лет. Даже зеленая униформа не делала их старше.

Днем Сана снова стала шумной, многолюдной, разноцветной и крикливой, вновь обрела свое неповторимое обаяние. С планом города в руках я пыталась разыскать старые кварталы, о которых писала французский врач Клоди Файен в книге «Аль-Хакима». Она работала в Санае во времена имама Ахмеда. Я решила прогуляться по арабскому, турецкому и еврейскому кварталам. Жила я в старом турецком квартале, от которого было рукой подать до административных центров йеменской столицы. Улица Насера выходила прямо на площадь аль-Тахрир (площадь Освобождения). Раньше здесь устраивали парады и казнили заключенных, которых выводили из рас-

положенной поблизости тюрьмы. Как одно, так и другое «зрелище» собирало толпы зевак. По крайней мере раз в неделю имам принимал здесь парад своих аскаров, босоногих солдат, которые находились под командованием таких же босых офицеров, восседавших на конях, мулах или ослах. Босоногая армия с гордостью демонстрировала оружие различного производства и различных эпох, включая и старинные мушкеты. Казни осужденных также принадлежали к постоянным «зрелищам» столицы. Головы несчастных вывешивали на ворота. Публичные казни полностью еще не исчезли из общественной жизни Саны, но они совершаются только в исключительных случаях. Уже нет речи о прежних варварских обычаях отсечения рук, носов, ушей и т. п. Однако еще рубят саблями головы на площади. Так казнили бандитов, схваченных с оружием в руках, перед моим приездом в Сану. Их головы висели на уличных фонарях, как во времена имама.

Первая пишущая машинка

Аль-Тахрир — это прообраз площади современного города. Своими современными зданиями и видом она целиком обязана революции. До 1962 года по ней ходили с фонарями, так как она тонула в темноте, была засыпана песком и щебнем. Сегодня площадь заасфальтирована, расширена за счет сноса старых домов. Тюрьму и здания времен имамата, которые воспринимались как символы угнетения, солдаты полковника Салляля снесли до основания и на их месте проложили новые улицы, ведущие к радиостанции, учреждениям, аль-Каср аль-Гумхури (площади Республики) и другим кварталам города. Сегодня на площади Освобождения расположились многочисленные банки, которых не было до революции, и почта с телефоном и телеграфом, работающими очень четко. В самом центре площади находится кофейня. Столики выставлены на улицу почти до проезжей части и всегда заняты. Я пишу об этом потому, что до революции в Санае не было ни одной кофейни, так как посещение их противоречило законам религии. Кофейня, по мнению имамов, так же как и музыка, была изобретением сатаны. Разумеется, не было и частных телефонов, а телеграф служил исключительно одному

имаму, который по нему передавал приказы губернаторам, правящим областями. Сколько вещей, без которых мы себе не представляем современной жизни, было запрещено в Санае! Только после революции в Йемене появилась первая пишущая машинка. Во времена имама в ней не было нужды. Имам единолично принимал решение в любом деле. Естественно, что петиции и прошения, без которых в Йемене ничего нельзя было сделать, лежали под сукном по целым месяцам, и проситель мог ждать решения своего дела бесконечно долго.

Улица, ведущая в сторону старого города, заполнена лавчонками и магазинчиками. На ней тесно от прохожих, нищих и водоносов. Под турецкой мечетью с широкими куполами сидят писари, которые тут же составляют прошения и служебные письма. Неподалеку от мечети в старом здании разместилось министерство информации. Бывший правительственный дворец превращен в музей. В высоком сооружении с каменной башней собраны памятники старины и археологические находки различных эпох, начиная с сабейских времен и кончая современной историей. Период правления имамов представлен особенно богато: шкафы, диваны, атласные накидки, вышитые золотом одежды имама, предметы роскоши периода европейского модерна, которые через турок были относительно хорошо известны в Санае, японский и китайский фарфор, бесценные вещи и обыкновенная безвкусица, дары, полученные имамами со всего мира. На последнем этаже расположились экспонаты времен датской экспедиции К. Нибура в Йемен. Его заметки о Санае можно без комментариев включить в описание современного города. С высокой башни передо мной расстилается панорама гармонично построенного города с тонкими стрельчатыми минаретами и блестящими на солнце куполами и шпилями мечетей.

Я хожу, окруженная толпой детей, которые здесь необычайно доброжелательны и сами напрашиваются, чтобы их сфотографировали. Вслед за мной летит слово «садык». Садыками, то есть товарищами, здесь называют советских специалистов, относительно многочисленная группа которых живет в Санае. Дети, должно быть, приняли меня за русскую. Вообще говоря, слово «садык» означает «чужеземец из дружественной страны, помогающей Йемену».

Я углубилась в песчаные улочки старой Саны. Через несколько десятков метров за площадью аль-Тахрир начинается Сана, пропитанная древней жизнью Аравии, незде уже канувшей в прошлое. Здесь вас не покидает ощущение, что вы совершаете путешествие в глубь веков. Мои знакомые итальянские кинематографисты из «Ар-Рауда» не возводили декораций, не искали фона и актеров первого и второго плана. Средневековая Аравия выглядывает здесь из каждого переулка, из каждого дома, из каждой крутой улочки, заполненной одетыми во все черное и закутанными с головы до ног в чадру женщинами, бородатыми старцами на ослах и воинственного вида мужчинами с джамбиями и мушкетами времен турецкой оккупации, готовыми в любой момент применить свое оружие.

Блестят на солнце чудесные белоснежные орнаменты на высоких домах Саны, стоящих вдоль песчаных улиц города, одного из древнейших в мире. Здесь, в Санае, было построено самое высокое здание того времени — 20-этажный дом. Из таких домов в сабейские и хамьяритские времена состоял весь город.

Архитектура времен Вавилона.

Существуют различные версии, объясняющие происхождение йеменской архитектуры, которую по гармонии и пропорциям, тщательности отделки деталей и их слаженности со строительным материалом можно сравнить с постройками Флоренции и Милана эпохи Возрождения. Она, вероятно, обязана пришельцам из Вавилона, мастерам каменного строительства, творцам монументальных арок и дворцов. Однако сегодня многие историки придерживаются того мнения, что архитектура Южной Аравии была детищем местных художников, которые, несомненно, знали и использовали вавилонские образцы и передавали вавилонянам свой собственный опыт. В глубокой древности Йемен находился на одной из самых оживленных дорог мира, и пустыня не изолировала, а скорее помогала проникновению всяческих новинок и обмену опытом. Нет оснований полагать, что древние жители Йемена подражали другим в искусстве строительства городов, дорог и домов, что они заимство-

вали богов, образ жизни, культуру. Все указывает на то, что Сана возникла еще до расцвета Вавилона.

Народные предания гласят, что Сану заложили адиты, народ великанов, вероятно один из древнейших народов этого района. Они построили дворец Гумдун. Сохранились его руины. Он считается самым древним многоэтажным зданием в мире. Они построили и множество других дворцов и храмов, но от них тоже остались лишь присыпанные песком развалины. Возможно, когда-нибудь археологи откроют миру эти древние руины, о которых сегодня знают только йеменцы. Йеменцы избегают посещать долины вблизи Саны. Существует поверье, что там живут духи адитов, которые обречены на муки за многочисленные грехи ниспосланным с небес адским огнем. Вероятно, с зарождением города связан какой-то исторический катаклизм. Когда он произошел, точно неизвестно. По другим преданиям, Сану заложил Сим, сын Ноя, спасшийся после потопа, родоначальник семитских народов.

20-этажный дом Гумдун стоял еще в первой половине X века, о чем свидетельствует средневековый арабский историк аль-Хамдани, летописец Йемена (его труды находятся в библиотеке прославленных йеменских манускриптов). Он писал, что «тюрбаном зданию служат облака, а поясом — мрамор». Дом построен из гранита, порфира и базальта. Он считался одним из чудес древней Саны в сабейские времена. Стены здания сложены из разноцветных камней, а по углам террасы установлены каменные львы, причем, когда ветер попадал в их открытые пасти, раздавались звуки, напоминающие львиное рычание.

Сегодня йеменцы строят дома точно так же, как много тысяч лет назад их предки: без предварительного плана, без раствора, водружая камни один на другой. Многоэтажные дома в 6—8 этажей лишены железной арматуры. Тем не менее они противостоят бурям и воздействию времени. Оконными стеклами с давних пор служит алебастр. Окна закрываются ставнями. Любой йеменский дом — настоящая крепость с лабиринтом коридоров, лестниц и террас. В нижних этажах размещаются кладовые, в верхних — жилые помещения. Вдоль жилых этажей тянутся галереи и террасы. В крыльях дома обычно расположены кухни.

Днем еще достаточно света на узеньких улочках арабского города, но ранним вечером на них сумрачно. Дома теряют четкость очертаний и сливаются один с другим. Значительно просторнее и больше зелени в бывшем квартале йеменской аристократии Бир аль-Азабе. Тем не менее днем и вечером на улицах Саны всегда шумно, многолюдно и пестро, хотя на них совсем нет женщин, с которыми в Европе ассоциируется цветная одежда. Здесь цвет — как бы атрибут мужественности. Головы мужчин обмотаны тюрбанами — платками, концы которых спадают на рубаху-тунику или на пиджак. Вместо брюк на них шаровары или короткие юбки — *футы* *. Все люди одеты по-разному. Йеменцам чужд униформизм в одежде: прежде всего она должна быть удобной. Каждый элемент их одежды имеет определенное назначение. Пояс не только поддерживает джамбию, в нем есть бесчисленные тайники, в которые мужчина прячет деньги, пинцет для выдергивания колючек из ступней и т. п. Тюрбан также необходимый элемент костюма. Он дополняет его, как наш костюм дополняет шляпа. В случае необходимости он может защитить лицо от песчаной бури, мух или заменить подушку во время сна. Неоценимые услуги предоставляет и джамбия: с одной стороны — оружие, с другой — нож для разрезания фруктов, мачете. Гарольд Инграмс, выдающийся знаток Йемена, полжизни проведший в Южной Аравии (он вел переговоры с племенами и подписывал договоры от имени Англии с правителями шейхств и эмиратов), утверждает, что ни в одном районе Аравийского полуострова нет больших индивидуалистов и консерваторов, чем йеменцы.

Для йеменского общества, несмотря на религиозные распри и существование привилегированной касты, какую в этой стране представляют сейиды, владельцы большей части возделываемых земель, характерен некий эгалитаризм, свойственный исламской религии. Он позволяет самому бедному парию, живущему подачками набожных людей, которые обязаны подавать милостыню, войти в помещение, где находится сейид, в прежние времена — эмир из рода имамов, и поздороваться с ним как равный с равным. «Тамам?» — «Тамам» («Все в порядке»). Они приветствуют друг друга, приложив ладонь ко лбу или к сердцу.

Сана оставляет впечатление многонаселенного города. То же впечатление рождается от толпы людей, заполняющей центральную площадь или арабские базары. В любом учреждении, министерстве полно просителей ждущих часами. Я подозреваю, что привычка ждать решения своего вопроса свойственна натуре арабов. Ожидание часами чьего-либо прибытия представляет собой повседневную действительность, к которой йеменцы, судя по всему, привыкли давно. Обычай «обивать пороги» судов, различных учреждений и королевского дворца во времена имамов проявляется у них и сегодня.

Залы йеменских учреждений всегда переполнены. Чиновник решает ваш вопрос, но одновременно беседует с другими посетителями. Когда бы я ни приходила в министерство информации, где размещены административные учреждения, коридоры всегда заполнены просителями, оборванными и босыми, которые, однако, здоровались с чиновниками необыкновенно многословно, особенно если кто-нибудь из них был их знакомым, выходцем из того же района страны, что увеличивало шансы быстрее решения вопроса. Чиновники выглядели очень эффектно, многие носили джамбии. Впрочем, их внешний вид отлично гармонировал с мрачным зданием, бывшим правительственным дворцом имама, из которого полностью еще не «выветрился» дух прежних порядков. Сами чиновники были зейдитами и во время революции стали на сторону роялистов, а после ухода Салляля заняли посты, которые и раньше принадлежали им.

Следы прошлого встречаются здесь на каждом шагу. Вокруг мечети и в старом городе у ворот со старым названием Баб-эль-Йемен сидят нищие и калеки без одной, а то и обеих рук. Это жертвы «справедливости» времен имамов, которая вершилась по принципу «око за око». Я не знаю, совершили ли эти люди какое-нибудь преступление. Иногда, в зависимости от настроения имама, отрубали руку или язык не только тому, кто был виновен, но и тому, кто подал на кого-то в суд.

На базарах Саны

Бывшие ворота Баб-эль-Йемен сегодня называются Воротами свободы. Я живо представляю себе, что, если бы оказалась здесь 11 лет назад, до революции

меня тут же окружили бы стражники и потребовали показать соответствующие документы за подписью имама. Они следили бы за каждым моим шагом и контролировали все мои действия. Я не видела людей в кандалах, преступников, сидевших у ворот и ждавших подавания милосердных прохожих, благодаря которым они не умирали с голоду. Что бы сегодня ни говорили о Северном Йемене, революция открыла ворота этой страны для света, справедливости, может быть, еще не слишком широко, но... это уже не была Сана «тысячи и одной ночи».

Малолетние торговцы назойливо предлагали мне по завышенным ценам серебряные монеты с изображением Марии-Терезии, бывшую валюту времен имамата. Таглеры Марии-Терезии, которые здесь называли «франси» (или французскими реалами), попали в Йемен, как и вообще в Аравию, в XVIII веке через Египет и Турцию¹¹ и продержались еще какое-то время после революции¹². Только в 1964 году республиканское правительство ввело в обращение бумажные банкноты — йеменские реалы. Однако с этим мероприятием было связано много трудностей. Йеменцы привыкли к тяжелой, звонкой (в буквальном смысле) монете и не доверяли клочкам бумаги.

О политике и неугасающей борьбе республиканцев и монархистов совершенно забываешь, попадая в торговый квартал. У базаров Саны такая же древняя традиция, как и у самого города. Облик базаров не меняется со временем. Когда в XVI веке сюда попал английский путешественник, уже тогда продавали здесь наряду с изделиями традиционного ремесла ювелирные изделия, европейские безделушки, ткани и такие же, как в наши дни, джамбии.

Таких богатых товаров нет ни на одном восточном базаре от Каира до Дубая. Сана славится своими ремесленниками. Каждый ремесленный цех имеет здесь свою лавку-выставку. Лавчонки представляют собой небольшие ниши в стенах домов, заполненные различными товарами. Покупатель, оставаясь на улице, может разглядывать через окно-дверь эти «сезамы» древнего йеменского искусства. В Сане производят самые красивые джамбии. Они очень разнообразны: от кривых мечей до прямых кинжалов. Вместе с мечами продаются

пояса, вышитые золотом и серебром. Джамбии из серебра, разумеется, самые дорогие. Они стоят до 400 реалов, то есть почти 100 долларов. Очень оригинальны также ювелирные изделия Саны, рисунок и мотив которых не встречаются ни в одном другом городе и уходят своими корнями во времена царицы Савской и химьяритских князей. Традиционные украшения из серебра массивны и тяжелы. На многих йеменках я видела старые украшения химьяритских времен, несмотря на то что пределом их желаний, как и женщин всего арабского мира 1973 года, были изделия из золота. «Золотые» лавки здесь не уступают каирским и беirutским, хотя изделия из этого драгоценного металла стереотипны и малооригинальны: тысячи экземпляров плакеток с изображением Клеопатры, Сфинкса, верблюда и тому подобными мотивами, каких полно в любой лавке на Ближнем Востоке.

Сана издавна была известна своими товарами. Ее старые кварталы специализировались в производстве отдельных видов продукции. Здесь и ткали, и красили, и обрабатывали серебро и драгоценные камни, и плели циновки и корзины, и занимались сапожным и портновским делом, и изготовляли отличное боевое оружие. Мастерами во многих ремеслах были евреи, издавна жившие в отдельном квартале. Сейчас в Санае евреев мало. Большинство из них покинуло Йемен, как говорят, «на ковре-самолете», то есть на обыкновенном самолете. Еврейский квартал Кааль-Яхуд с невысокими домами и забитыми окнами сохранил свой средневековый вид. Йеменские евреи, помимо прочего, славились как производители превосходных вин, несмотря на то что жили в исламской стране, где потребление алкоголя запрещено.

Древний арабский город заключает в своих одряхлевших от старости стенах много памятников сакральной архитектуры, мечетей первых веков ислама. Однако большинство из них, как, например, расположенная недалеко от музея мечеть с огромными куполами, напоминающими купола Стамбула, были построены сравнительно недавно, во времена турецкой оккупации. 45 мечетей различной величины придают панораме Саны, которую можно наблюдать с террасы бывшего правительственного дворца или же с холмов за городом, характерный

блик исламского города, уходящего в небо шпилями минаретов.

Более других заслуживает внимания мечеть аль-Кабир, выстроенная на фундаменте христианского храма. Следы христианской церкви были обнаружены также среди руин упоминавшегося уже дворца Гумдун. В свое время в Йемене существовала сильная христианская колония, и наместник эфиопского негуса в Йемене Абраха выстроил здесь церковь. Вероятно, у него был замысел изменить маршрут паломников к известной языческой святыне Кааба в Мекке и направить их в Йемен. Для этого он даже посетил Мекку в 570 году, о чем упоминает Коран.

Мечеть аль-Кабир представляет собой ценный памятник древней архитектуры Аравии. На ней можно найти надписи на ныне уже мертвом южноарабском языке. Она единственная мечеть после Мекки, обладающая мусульманской реликвией — священным камнем, предметом наибольшего почитания паломников. Сана, которую отделяют от Мекки 900 километров, по утверждению йеменцев, была дорогá и самому Мухаммеду, и его зятю Али. Будучи купцом, Мухаммед часто посещал этот город, путешествуя по Аравийскому полуострову, так как Сана была расположена на оживленном торговом пути. Мухаммед хорошо знал, чем живет город и характер его людей. Позднее, когда он завоевывал сторонников своей веры, то прислал сюда своего зятя Али, чтобы тот укреплял веру в Аллаха и устанавливал его порядки. В честь Али была возведена мечеть, которая дважды перестраивалась, но сохранилась до наших дней. Она дорогá йеменским шиитам тем, что в ней хранится реликвия — экземпляр Корана, подписанный Али и освященный кровью его приверженцев, убитых людьми омейядского халифа. Убитый в Куфе (Ирак) Али был похоронен там же, но йеменские шииты говорят, что у Али много могил, они рассеяны по различным уголкам Аравийского полуострова.

Как все мусульмане, зейдиты и шафииты Йемена выполняют основные обязанности последователей ислама, к которым относится ежедневное совершение молитв. Однако шафииты считают, что зейдиты мало набожны, молятся только три раза в день вместо установленных никонном пяти. Зейдиты, в свою очередь, считают шафииты

тов ханжами. Как все шииты, зейдиты верят, что внук Мухаммеда, Хусейн, убитый людьми халифа Язидом, возвратится когда-нибудь на землю, чтобы освободить человечество от обид и несправедливости. В этой зейдической мечте живет древний миф Востока, миф о мессии-избавителе, который явится на землю, чтобы спасти человечество.

Новое в Санае

В Санае насчитывается полтора десятка европейских представительств, в том числе некоторых социалистических стран, прежде всего Советского Союза, ГДР, ЧССР и НРБ. Здесь работает большая группа советских специалистов, а также китайцы, которых почти никогда не увидишь на улицах Саны, в противоположность представителям других стран. Группа советских специалистов живет и в Ходейде. Под их руководством в Санае и за ее пределами построено несколько важных объектов: завод металлической тары, что позволило увеличить импорт нефтепродуктов, цементный завод, производящий 50 тысяч тонн цемента в год, а также три школы — Санае, Ходейде и Таизе — на 640 учащихся каждая. При помощи СССР в Ходейде появился поселок из двухсот трех- и двухэтажных домов. В пятую годовщину революции Йемен получил в дар от Советского Союза больницу и поликлинику, оборудованные современной аппаратурой. В больнице работает советский медицинский персонал. Советская больница расположена по соседству с Баб-эль-Йемен, Воротами свободы (последнее название менее известно жителям Саны).

Служба здоровья Саны делает только первые шаги. Медицинских учреждений все еще недостаточно, несмотря на то что появилось много новых больниц, построенных с помощью ООН. В этой области помощь Йемену оказывает также Кувейт. Время от времени в Сану приезжает французская писательница Клоди Файен. Она очень популярна в Йемене, о котором пишет в книге переведенной на многие языки, с большой симпатией. Но мне не удалось встретиться с ней в Санае. Она уехала во Францию. Ее приятельница, шведка Анна Бёрнстерн, этнограф, работающая в Йемене экспертом ООН, сказала мне, что доктор Файен отметила большие

изменения в стране за полтора десятилетия: девочки пошли в школу, разумеется в женскую, установлены телефоны, и молодые люди могут теперь назначать свидания друг другу по телефону.

О развитии начального образования я разговаривала с министром просвещения Касими аль-Мисба. К нашей беседе прислушивались две учительницы-египтянки, которых министерство пригласило на работу в женские школы. Министр много говорил о планах развития школьного обучения. Но они касались только Саны. К 1974 году все дети Саны должны ходить в начальные школы. До сих пор в Сане обучение велось главным образом в коранических школах. Эта форма обучения по-прежнему существует, но уже планируется модернизация программы. Прежде она заключалась в разучивании наизусть стихов из Корана. Сейчас она обогащена новым политическим и социальным содержанием. В этой области большую помощь Йемену оказала ЮНЕСКО. Однако внедрению новой программы мешает отсутствие школ и учителей.

Мне кажется, что министр был слишком оптимистически настроен, говоря о ликвидации неграмотности за несколько лет. В этой стране как мальчики, так и девочки с малолетства привыкают к тяжелому труду. Только дети богатых родителей, аристократии наслаждаются безоблачным детством. Десятилетние мальчишки часто уже помогают своим отцам в мастерской или лавке. Они посыльные, они же и работники. Толпы детей в длинных полосатых, похожих на пижамы рубашках с раннего детства попрошайничают, крадут, учатся добывать себе пропитание. Многие юноши пошли служить в армию. Молодежные караулы патрулируют улицы после наступления комендантского часа.

В поисках эликсира жизни

Работа заканчивается в 2 часа. Чиновники расходятся по домам. Просители тоже, но чаще они идут не домой, а в уличную кофейню. Приближается час ката. Для жителей Саны в эту пору перестают существовать все самые важные дела, все отходит на второй план перед снейстой ката. Продавцы вытаскивают пучки зеле-

ных листьев, завернутые для сохранения влаги в мокрое полотно или банановые листья, готовят порции.

Жевание ката — настоящий церемониал, национальная сиеста, в которой участвуют бедные и богатые, дети и взрослые, мужчины и женщины, йеменские аристократы и нищие. Оно так неразрывно связано с жизнью Йемена, как свершение молитв в мечети или питье после полуденного чая в других странах. Житель Саны может ничего не есть и не пить в этот день, кроме глотка *кишра* *, напитка, приготовленного кипячением шелухи превосходного, всемирно известного кофе «мокко», но не обойдется без ката. Мои йеменские знакомые называют его йеменским «виски», эликсиром жизни, даром Аллаха. Он приносит желанное спокойствие духа и «кейф».

Кат — это высокогорное растение, произрастающее только в горах Йемена и Эфиопии. Привезли ли его из Эфиопии в Йемен или, наоборот, завезли в Эфиопию йеменские эмигранты, неизвестно. Предпочтение, однако, отдается первой гипотезе, согласно которой кат завезен в Йемен из Эфиопии вместе с кофе. Йеменцы говорят, что обычай жевать кат насчитывает столько же веков, сколько веков насчитывает история их страны. Но это маловероятно. Ни одна из сабейских надписей, в которых содержится много подробностей о жизни доисламских государств, не упоминает о жевании ката. Скорее всего, этот обычай получил распространение какие-нибудь два века назад. Во всяком случае в 1837 году француз Эмиль Ботт, предпринявший путешествие в Йемен, констатировал повсеместное распространение среди местного населения этой привычки.

Предание гласит, что однажды пастух заметил, как его стадо овец с удовольствием поедает листья какого-то куста. После этого они становились необычайно резвыми — бегали, прыгали, играли. Тогда пастух решил сам попробовать листья куста ката. Сначала они ему не понравились. У него закружилась голова и учащенно забилось сердце. Но спустя некоторое время болезненные ощущения прошли, и он почувствовал благотворное воздействие ката — к нему пришли воодушевление, блаженство, оптимизм, спокойствие и одновременно чувство силы, ясность ума, обострение всех чувств. Я тоже пробовала жевать кат, но не смогла убедиться в его чудодейственных свойствах, а лишь долго чувствовала во

рту не то приятный, не то решительно неприятный горьковатый вкус.

Ежедневно утром с высоких гор спускаются караваны с листьями этого низкорослого кустарника (*Catha edulis*), сочными и вечнозелеными. Плантации ката сегодня более доходны, чем кофейные. Поговаривают даже, что «кат съедает кофе». Земли, занятые раньше кофейными деревьями, уступили место кустам ката. Вязанки листьев этого растения, завернутые в пальмовые или банановые листья, в тот же день поступают к своим клиентам. В зажиточных домах собираются друзья и знакомые, разумеется одни мужчины, и слуга приносит в гостиную, устланную коврами и подушками, листья этого растения. По обычаю хозяин дома пробует первый лист, а затем делит или, скорее, бросает их галантным жестом поочередно всем собравшимся в зависимости от положения и должности каждого. Кто богаче, тот предлагает своим гостям больше ката, о том, кто беден, говорят: «Он не в состоянии даже бросить кому-нибудь веточку ката».

Все участники застолья какое-то время в блаженном состоянии жуют кат и подолгу держат во рту разжеванную мякоть, которая распирает им щеки. Хорошо разжеванную порцию ката выплевывают и запивают глотком *кишра*, затем берут в рот следующую порцию.

Кат помогает во всех случаях жизни. Считают, что он придает силу, снимает усталость и поднимает настроение, помогает даже тогда, когда жена находится далеко, а мужчина желает остаться ей верным¹³. Я подозреваю, что йеменцы приписывают кату различные достоинства, чтобы успокоить себя и не думать о дурных последствиях, связанных с его употреблением. То, что они дурные, не подлежит ни малейшему сомнению, особенно если его употреблять в больших количествах. К сожалению, в Йемене кат широко используют с раннего возраста до старости. Этот йеменский кокаин обезболивает, но вреден, как и все наркотики. Его постоянное употребление отражается на здоровье йеменцев еще и потому, что рацион питания среднего жителя города или горной деревни состоит главным образом из лепешек, выпеченных в терракотовой печи, и соусов с малым содержанием соли и витаминов. При таком скудном питании кат медленно истощает организм. Может быть;

поэтому в отличие от других арабов йеменцы мелки и хрупки, легко поддаются болезням. Средняя продолжительность жизни в этой стране, хотя и не существует точной статистики, низка и не превышает сорока лет.

Людей, употребляющих кат, легко узнать по бледному лицу и глазам навыкате. Кат прогоняет сон, поэтому йеменцы спят меньше, чем остальное население Аравийского полуострова. Кажется, что они вообще могут обходиться без сна. Зато они спят в любом положении и просыпаются всегда бодрыми.

Время сиесты тянется долго. В эту пору и речи не может быть о решении каких-либо вопросов. Мужчины, жующие кат, просто неприступны. Даже торговцы на базаре не расположены к разговорам с клиентами. Лучше всего покупки совершать после сиесты. Бедняки не отстают от богачей. Они тоже жуют кат в уличных харчевнях, только в меньших количествах. Под действием ката к поэтам приходит вдохновение, рождаются новые поэмы, расцветает общественная жизнь, работает местный «телефон» — по городу разносятся свежие сплетни и новости, а также правдивые и невероятные истории.

Как женщина, я острее чувствовала консерватизм общественной жизни Саны. Очень редко на площади Свободы можно увидеть женщину без чадры. И наверняка это будет не йеменка, а египтянка или учительница из Палестины. В старом арабском городе женщины не покажут прохожему даже кончика своего иоса. Когда-то арабский летописец восхищался красотой йеменок и утверждал, что «они вечно остаются молодыми». Но трудно судить об этом, так как они ходят по улицам наподобие черных привидений. Позднее, когда я была принята в их общество, вошла в их дом, присмотрелась к их жизни, я оценила их красоту и поняла, как ошибочны могут быть поверхностные сравнения с «безобразными привидениями».

С заходом солнца Сана погружается в темноту. Правда, уже свыше десяти лет здесь есть электричество, но оно освещает только центр города вокруг площади Свободы. Большая часть улиц лишена электрического освещения, как и водопровода. В старом арабском квартале, выходя из дома на улицу в вечернюю пору, необходимо брать с собой фонарь, чтобы освещать до-

рогу. Тишина время от времени нарушается лаем одичавших собак, разгребаящих помойки в поисках пропитания. К самому городу подходят гиены.

«Республика шейхов»

Упомянутая ранее шведка Анна Бёрнстерн, которая работает в ИАР в качестве специалиста ООН, импонирует своей отвагой, энергией и предприимчивостью. Ее работа достаточно трудна. Она часто выезжает в провинцию, где нет ни асфальтированных дорог, ни современных домов, ни отелей, ни остальных атрибутов современной жизни. Как этнограф, Анна проводит различные исследования в захолустных деревнях, разговаривает с людьми, записывает беседы. На своем «джипе», который она часто водит сама, подменяя водителя, она добирается до самых отдаленных уголков страны. Конечно, об Анне Бёрнстерн все знают, и по указанию властей ей обязаны оказывать помощь.

Новости, передаваемые азбукой Морзе, доходят в провинцию сегодня так же быстро, как и во времена имамов. Административные власти на уровне *лива*, то есть области, и *када*, округа, отвечают за ее безопасность. Издавна Йемен славился безопасностью своих дорог. Грабежи и нападения, о которых не раз писали исходившие горы и пустыни арабского мира путешественники, случались здесь крайне редко. Как и во времена К. Нибура, здесь вообще ко всем относятся очень доброжелательно. Раньше каждый путешественник по Йемену был гостем имама, что служило ему охранной грамотой, теперь — гостем правительства. Это тоже обязывает.

Как-то я поехала с Анной в одну деревню вблизи Саны. Точнее говоря, это была не деревня в нашем понимании, а горы, принадлежащие группе людей, называвших себя членами большого *кабила*¹⁴, или племени. Другие группы этого племени населяли соседнюю территорию. Дорога вела через холмы и овраги, поднималась на склоны гор и снова спускалась в низину, изобиловала бесчисленными поворотами. Это была центральная, горная и наиболее густонаселенная часть Йемена — Джебель (или Джибаль). Земли на север от Саны при-

надлежали конфедерации могущественных племен хашид и бакиль, которые всегда были опорой имамата. Конфедерация поспешила в свое время на помощь аль-Бадру, когда он, опираясь на денежную помощь со стороны Саудовской Аравии, приступил к борьбе с молодой республикой. Вождь племени хашид был назначен председателем Консультативного совета парламента Йеменской Арабской Республики, который был распущен в июне 1974 года, когда власть взяло военное правительство во главе с полковником Ибрагимом аль-Хамди.

Джамбия — символ племени

Без объяснения, что такое племя в условиях Йемена, нельзя понять его прошлое и, что более важно, его настоящее. «Это люди из племен», — сказал Мухаммед, работник министерства труда, выпускник советского учебного заведения, который сопровождал меня в моих прогулках по Санае. Он имел в виду группу йеменцев, вооруженных джамбиями, которые ходили по улицам Саны и обивали пороги учреждений вместе со мной. Джамбия и вышитый золотом или украшенный драгоценными камнями пояс не только необходимый реквизит «настоящего» йеменца, принадлежащего к одному из многочисленных йеменских племен. Они символ независимости и свободы, общественного положения. Однако члены не всех племен имеют право носить оружие. Этой привилегией пользуются только сейиды, религиозная аристократия, а также члены свободных племен, то есть тех, кто не признавал над собой ничьей власти, кроме власти имама, в выборе которого принимали участие их старейшины.

Мухаммед Саид аль-Аттар, политический и государственный деятель йеменской республики в период правления Салляля и первых правительств после заключения компромисса между монархистами и республиканцами (сегодня он живет за границей), подробно описал структуру йеменского общества в преддверии революции 1962 года. Аттар считает, что структура йеменского общества отличается от общественной структуры любой другой арабской страны. Йемен унаследовал от прежней сабейской цивилизации кастовое деление общества.

После принятия населением ислама с эгалитарным лозунгом «Все верующие равны перед богом и людьми, и только дела могут их возвысить» кастовая структура общества подверглась изменениям. И тем не менее в Йемене касты просуществовали целое тысячелетие. Такую касту представляли собой сейиды, потомки древних доисламских родов, от которых вели свое происхождение крупнейшие землевладельцы. Однако это не было, по мнению Аттара, общество замкнутых каст, как в Индии. Даже бедняки, ведущие свою родословную от пророка, но не имевшие земельной собственности, пользовались уважением, если вели себя скромно и просто.

Аль-Аттар кроме касты сейидов к привилегированному классу относит также племенных вождей, которых обычно называют шейхами¹⁵. Разумеется, положение зейдитских и шафиитских шейхов существенно различалось. На зейдитской территории шейх был почти удельным князем. Он правил, вершил суд, набирал армию и собирал налоги. Во время правления Яхьи и Ахмеда шейхов выбирали только из одной семьи. Выбор вождя племени утверждал сам имам. С некоторыми могущественными шейхами имам считался больше, чем с остальными, — выплачивал им субсидию за их нейтралитет в его борьбе с другими племенами или за участие в войне с враждебными странами. Шафиитские вожди были значительно ограничены в своих правах и подчинялись чиновникам, назначенным имамом.

Более низкую ступень в социальной иерархии занимали торговцы и ремесленники. Еще ниже находились крестьяне, по-арабски фалляхин, составляющие 80 процентов населения. В самом низу социальной лестницы стояли *абид* * и *хадам* *. По мнению Аттара, йеменское общество во времена имамата имело черты феодализма, если принять во внимание «эксплуатацию крестьянских масс, на плечи которых ложилась основная тяжесть обработки земли», несмотря на то что «нельзя определенно утверждать, что Йемен обладал классической структурой феодализма, имевшего место в Европе». Крестьяне не были привязаны к земле и не были обременены различными повинностями, а сейид не имел такой власти, как в Европе — феодал¹⁶. Но сейиды, которые сами никогда не работали в поле, а жили преимущественно в городах и только приезжали в деревню собирать рен-

ту, ревностно защищали свое положение, противодействуя любой реформе, которая бы изменила их религиозную и, следовательно, общественно-политическую позицию.

Вожди племен, вожди родов представляли собой опору этой теократическо-феодальной системы. В Йемене насчитывается около 150 племен. В одном только Джебеле, высокогорной части Йемена, проживает 140 племен (среди них зейдитская конфедерация племен хашид и бакиль, а также шафитское племя зараник). Членов племени объединяет происхождение от общего предка, основателя. Одно племя может быть частью другого, более крупного, от которого оно когда-то отделилось, но по-прежнему подчиняется или находится с ним в союзе. Вожди племен заботливо хранят память о своих предках, о генеалогическом древе племени.

Территории, занимаемые племенами, очень разнообразны. Одни племена владеют несколькими десятками тысяч квадратных километров гор и долин, другие — только несколькими горами и одной или двумя долинами. Административное деление территории, конечно, не совпадает с границами племен. Ряд племенных территорий, которыми управляют шейхи, имеющие личную многочисленную армию, — настоящие государства в государстве. У племени свои источники, пастбища. Чужие не имеют права пасти скот на земле, принадлежащей данному племени, а у некоторых племен, живущих на севере Йемена, за право прохода через их территорию надо платить пошлину. Еще совсем недавно в ряде районов было опасно переходить границу племени без проводника. Имам приказал платить пошлину лицам, пользующимся построенным с помощью КНР шоссе. Все, что касалось одного члена племени, касалось всех его соплеменников, но если кто-либо нарушал племенные законы, то шейх, вождь племени или председатель совета старейшин деревни, разбирающего различные бытовые вопросы племенной общины, осуждал его на смерть или изгнание.

Географическое деление Йемена на высокогорный Джебель, низину Тихама на западе и Шарка, пустынные территории, переходящие в Руб-эль-Хали, на востоке соответствует делению страны на три больших экономических района. Племена низин Красного моря зани-

маются рыболовством и земледелием в оазисах. На востоке доминируют кочевые племена — бедуины. Район высоких гор, Джебель, — территория оседлых жителей, выращивающих различные сельскохозяйственные культуры: хлеб и просо — для себя, кофе, хлопок, кат — на экспорт.

Мы побывали в Джебеле. Здесь самые лучшие земли в масштабе не только Йемена, но и всего Аравийского полуострова, что снискало ему название Аравии Счастливой. Местным племенам не удалось сохранить однородность расы, так как во времена турецкого господства здесь осело много турок и людей персидского происхождения.

Деревенские дома в «высоком Йемене» внешне ничем не отличаются от городских домов, только последние более тщательно отделаны, украшены прекрасными гипсовыми орнаментами и окружены массивными средневековыми стенами. Принцип традиционного строительства на каменных или базальтовых фундаментах делает высокие, часто многоэтажные деревенские дома из необожженного кирпича похожими на крепости. Они действительно служили крепостью во время войн и набегов, каких было предостаточно в истории Йемена; кроме того, такие дома защищают от холода, который часто досаждал жителям Джебеля. Нередко зимой температура опускается здесь ниже нуля. Верхние этажи — жилая часть, где обитает многочисленная семья, нижний — амбар и помещение для скота: ослов, коз и овец.

Приближался вечер. Девушки и женщины поднимались к домам с кувшинами воды. Они были без чадры, так как в деревне женщина по традиции пользуется большей свободой, чем ее городская сестра, но деревенская женщина и больше работает. Воду иногда приходится носить снизу на самую вершину горной крепости. Нелегко приходится и животным, но, нагруженные свежим сеном, они резво взбегали по крутым тропам наверх.

Хозяева и арендаторы

Крестьянские жилища — олицетворение бедности. Богатые землевладельцы не живут в деревне. Они сдают землю в аренду, а сами селятся в Сане, Сааде или Хо-

дейде. Обстановка дома скромная — ложем служит соломенный матрац, а иногда просто ниша. Спиртовая лампа уже роскошь. В одной и той же одежде ходят днем, работают, спят.

Основной продукт питания — лепешки из ячменной муки, проса, сорго, которые пекут в глиняных печах с широкими боковыми стенками и узким отверстием.

Нас угостили такой горячей лепешкой, которую только что вытащили из печи, похожей на большую кадку. Эту печь необходимо хорошо раскалить древесным углем, но, когда его нет, топливом служит высушенный коровий навоз. Мясо — редкий гость на крестьянском столе. Главные продукты питания после лепешек — фрукты и неизменная кульба: острый соус из зерен горчицы, ароматных корней и трав. Кульбу подают в придорожных харчевнях вместе с лепешками.

В Йемене до революции самым крупным землевладельцем был имам — глава государства и сейидов. По данным ФАО, 90 процентов земельных собственников владело 20 процентами возделываемых земель. Землевладельцами были также торговцы, прежде всего известный во время правления имама Ахмеда аль-Джабали его главный казначей.

В Йемене существовало три типа собственности на землю: *мульк* — частная, *мири* — государственная и *вакф* — пожертвованная на религиозные цели. Частная земельная собственность принадлежала сейидам, феодалам и государственным сановникам.

К появлению класса земельных собственников приложили свою руку турки. Турецкие губернаторы, считавшие, что вся земельная собственность принадлежит султану, в свое время щедро раздавали земли родам сейидов, а также сотрудничавшим с оккупантами семьям торговцев. Имам Яхья, взявший власть в свои руки после завоевания независимости в 1918 году, в принципе сохранил этот обычай, отобрав земли у одних и наделив ими других «за особые заслуги». Однако крупная частная собственность — земля, принадлежащая имаму, и вакф — не находилась в непосредственном распоряжении их владельцев. В деревне господствовала арендная система. Имам назначал управляющих *байт аль-ам* (буквально «дом поместий»), которые распоряжались его поместьями. Доходы с вакфов, как и подношения бога-

тых семей на религиозные и благотворительные цели, увеличивали бюджет имама. Это было, разумеется, нарушением религиозных законов ислама.

Общественная собственность принадлежала нескольким семьям, которые делили между собой плоды своего труда. В Йемене еще живы общинные традиции, сохранившиеся с сабейских и химьяритских времен. Они находят отражение в принципе *таавун* (сотрудничество). По сей день некоторые виды работ выполняются совместно, например строительство мечети, дороги или даже дома.

Принцип сотрудничества и помощи несколько смягчал эксплуатацию, господствующую в йеменской деревне, но был не в состоянии компенсировать ее вредные последствия. Главными фигурами в деревне были крупный землевладелец и торговец-ростовщик. Несмотря на то что Коран запрещает ростовщичество, именно эта форма эксплуатации господствовала и господствует в Йемене. Йеменский крестьянин всегда в долгах. Он постоянно выплачивает долги ростовщику или землевладельцу. Урожай продается прямо на корню. Заем берется под будущую жатву, и то, что собирается, идет ростовщику.

Причина такого зависимого положения крестьянина заключается в том, что он обрабатывает землю тем же способом, что и его библейский дед, — с помощью деревянной сохи, а для орошения использует ирригационные средства, описанные еще Ибн Баттутой, побывавшим здесь в XIV веке, то есть *сакийи* * — устройства, состоящие из колеса, ведра и деревянного коромысла. Во времена Ибн Баттуты привязанный к своему рабочему месту раб вытаскивал воду из источника и выливал ее в *канат* — канал, окружающий поля. Сегодня крестьянин делает это сам или использует для этой цели верблюда. Орошение полей также производится самым древним способом. Крестьянин прокладывает через поля каналы от источников, чаще всего от *вади*¹⁷, и направляет воду на свои поля. На вершину холмов воду надо носить. Иногда с помощью системы каналов орошают и высоко расположенные поля. Растения, требующие большого количества воды, как правило, высаживаются на тех террасах, куда попадает больше дождевой воды. Дожди здесь выпадают регулярно, дважды в год.

На более высоких террасах разводят кофе, кат, индиго, фрукты и зерновые (главным образом просо и сорго).

Крестьянин платит налог и, кроме того, арендную плату землевладельцу. Величина арендной платы зависит от района и, что более важно, от того, орошаемая земля или нет. Если земля орошаемая, то владелец может забрать до трех четвертей урожая, на неорошаемых землях, где условия обработки более тяжелые, — третью или четвертую часть.

Подводя итоги, можно сказать, что в йеменской деревне господствовала древнейшая система обработки земли. Общественные отношения также не облегчают решение проблем сельского хозяйства, которое является основой развития страны. У Йемена нет нефти, на которую он мог бы рассчитывать, как это делает его богатый северный сосед — Саудовская Аравия. Мои йеменские собеседники подчеркивали, что сельскохозяйственную проблему нельзя разрешить простым увеличением посевных площадей. Существующая техника обработки земли требует слишком большой затраты сил, на что крестьянин не способен. Он не заинтересован в увеличении площади обрабатываемой земли, которой в Йемене более чем достаточно. Здесь самые лучшие условия для развития сельского хозяйства, чем на всем остальном полуострове. Подсчитано, что в этой стране можно возделывать 15 миллионов гектаров. В настоящее время обрабатывается только 1,5 миллиона гектаров. Для местных условий это очень много. Достаточно сказать, что в Египте до строительства высотной плотины — ас-Садд аль-Али вблизи Асуана — из 20 миллионов гектаров обрабатывалось около 66 тысяч. Проблема развития сельского хозяйства в 7-миллионном Йемене заключается, с одной стороны, в ликвидации всего, что задерживает повышение производительности труда, то есть системы притеснения и эксплуатации со стороны землевладельца и ростовщика, а с другой стороны, в развитии современных методов обработки земли, то есть в замене деревянной сохи если не машиной (мешают горы), то по крайней мере плугом. Следует обратить внимание и на существующие ирригационные системы, так как дамбы и каналы на протяжении многих столетий способствуют неоправданному расходу (50 процентов) воды. Сегодня

считают необходимым восстановить разрушенную древнюю плотину и водосборники в Марибе, благодаря которым орошались тысячи гектаров земли, в настоящее время не использованной, пустынной.

Провозглашенная президентом Саллялем реформа не была реализована даже наполовину. Правда, земли, принадлежавшие имаму и его семье, были конфискованы государством (это были самые лучшие земли, расположенные в окрестностях крупных городов — Саны, Таи-за, Ибба), однако появились новые трудности. На некоторых землях были созданы государственные фермы. Я ознакомилась с одной из них, неподалеку от Саны. С помощью ООН здесь выстроен водосборник, налажено орошение земель. На ферме выращивают хлопок для текстильной фабрики, построенной после революции с помощью КНР. Но государственные фермы, лишённые поддержки государства, приходят в упадок, что не идет на пользу экономическому развитию страны, свидетельствует о плохом руководстве. Поговаривают, что на большей части бывших дворцовых земель урожай не превышает дореволюционного уровня. Но разве можно за это винить республиканцев? Как доказал уже аль-Аттар, в сельском хозяйстве используются те же самые орудия и приемы, что и 3 тысячи лет назад. Кроме того, гражданская война привела к тому, что многие поля превратились в пустыню. Остальное дополнила трагическая засуха, которая господствовала в Йемене в конце 60-х — начале 70-х годов. Пересохло много водосборников и каналов, а строить новые было некому. Квалифицированных специалистов и агрономов можно в Йемене пересчитать по пальцам. Отсутствуют фонды на инфраструктуру. Получается замкнутый круг¹⁸.

Революция, армия и шейхи

В одной из деревень мы встретили комиссара округа, *амиля*, в сопровождении отряда вооруженных полицейских. *Амиль* собирает налоги и отвечает за порядок в деревне. Это высокий мужчина, одетый, как все горцы, в белый широкий плащ, стянутый зеленым поясом с джамбией в ножнах из шкурки ягненка. Такие джамбии носят только в горах. Вместе с отрядом группа мальчи-

шек, одетых по-взрослому, которые только что получили в подарок оружие и тем самым обрели статус взрослых. С этого момента оно будет самым ценным предметом их экипировки.

Комиссару подчиняется вся администрация. Он хозяин на своей территории, как во времена имамов. Вот еще один парадокс йеменской революции: в Сане была установлена новая революционная власть, представляющая левых, а в провинции революционные постановления выполняли те же чиновники, что служили при старом режиме. После революции в Сане слетели головы членов королевской семьи и наиболее ненавистных членов правительства (всего было приведено в исполнение около 30 смертных приговоров), но в провинции зачастую еще оставались *амили*, а также феодалы, собирающие на основе прежних законов долги с крестьян-арендаторов. Говорят, что вожди пользуются сейчас гораздо большей властью, чем во времена имамов. Теперь у них есть деньги и никто не стоит над ними. Они приходят к крестьянину в сопровождении своей вооруженной свиты и забирают часть скота, зерно и красивых дочерей.

Говоря о современной ситуации в Йемене, следует подчеркнуть одно: свержение монархии не означает победу республиканского правительства, особенно в условиях страны, граничащей с монархической Саудовской Аравией. База республиканской власти остается очень узкой в стране неграмотных крестьян, лишенной промышленности и современной торговли, инфраструктуры, интеллигенции и городского населения. Несмотря на то что в йеменских городах живет около 15—20 процентов населения, оно сохранило свой средневековый характер с преобладанием ремесленников и торговцев, работающих на нужды деревенских феодалов, которые живут в деревнях только во время жаркого лета.

В результате дальнейшей борьбы за власть между монархистами и республиканцами в 1967—1970 годах погибли наиболее революционно настроенные республиканцы. Был убит из-за угла генерал Абдель Ракиб Ваххаб, защищавший Сану во время памятной 70-дневной осады ее роялистами после ухода египетских войск в 1967 году. Из-за нажима Саудовской Аравии, которая вопреки соглашению с президентом Насером, заключенному в 1967 году в Хартуме, продолжала финансировать

монархистов, власть в стране перешла в руки представителей наиболее влиятельных зейдитских племен. Йеменская буржуазия, очень немногочисленная и слабая, встав перед выбором между такими революционерами, как генерал Ваххаб, и зейдитскими племенами, выбрала последних из-за того, что за ними стояла Саудовская Аравия со своей финансовой поддержкой.

Сама йеменская армия, совершившая государственный переворот, не свободна от того кастового деления, какое веками существовало среди населения Юга и Севера Йемена. История армии очень своеобразна, и, несмотря на то что во время правления Салляля была попытка модернизировать армию, процесс этот так и остался незаконченным. Во времена имамата ядро армии составляли три основные группы, каждая из которых имела свои полномочия и задачи. В первую группу входили мужчины, призванные на военную службу, *джейш ад-дифаа*. Такая армия называлась оборонной и представляла собой разновидность народной милиции. В ней обязаны были служить все мужчины. Каждая область, *лива*, должна была согласно указанию поставить определенное число рекрутов. Эта армия, насчитывающая 15—20 тысяч человек, была расквартирована в столице или в ее окрестностях. Использовалась она только во время войны с соседними государствами.

Основную часть армии составляла регулярная армия, *низамы*, которую называли также *аль-джейш аль-музаффар*, то есть «победоносная армия». Она состояла из добровольцев. Тем не менее каждая область была обязана поставить определенное число солдат-аскаров. На Севере никогда не было хлопот с набором в «победоносную армию», в то время как на шафиитском Юге всегда медлили с отправкой добровольцев на службу и чиновникам приходилось выделять для этой цели определенную часть населения. Служба в этой армии была пожизненной. Если солдат хотел уйти в отставку или его желала отозвать семья, вместо него необходимо было предоставить другого человека, родственника или кого-нибудь, кто бы согласился служить за деньги. Аскарам платили жалованье, но такое низкое, что они хватались за малейшую возможность подработать. Аскары были грозой городов и деревень. Их использовали на различных работах в столице, а иногда и для умирения кре-

стьян, если те бунтовали и не хотели платить налоги, «Отряд аскаров хуже саранчи», — говорили йеменские феллахи. Они сидели на шее крестьян или шее шейха до тех пор, пока не лишали их всего, что они имели. Аскары приводили в исполнение смертные приговоры, которые часто «разнообразили» жизнь горожан. Смертные приговоры выносили как вора́м, так и свидетелям их воровства. Аскары были вездесущи. Их боялись и старались откупиться, чтобы не навлечь еще большей беды.

Особым отрядом *низами* была *аль-брани* — «свободная армия» из представителей северных зейдитских племен, которые не получали жалованья и могли в любое время оставить службу. Они представляли как бы личную гвардию имама, на которую он рассчитывал больше, чем на регулярную армию. Группа офицеров-аристократов из конфедерации племен хашид и бакиль встала в гражданской войне на сторону аль-Бадра и восстала против Салляля, происходившего из низшего клана кузнецов.

Ни для кого не является секретом тот факт, что деньги Саудовской Аравии служат для того, чтобы держать в повиновении бывшую конфедерацию племен хашид и бакиль на севере республики. Из этих же денег выплачивается жалованье воинам племен, живущих в окрестностях Саны и севернее. Шейхи с их вооруженными бандами гораздо сильнее умеренного правительства республиканцев и монархистов. Так как богатая Саудовская Аравия с помощью денег постоянно вмешивается во внутренние дела Йемена, то в Йеменской Арабской Республике существует не одно, а несколько правительств. Освободившись от «неудобных» имамов, которые сильно ограничивали власть феодалов, шейхи зейдитских племен в полной мере используют плоды своей победы над республиканцами. Так рассматривает возникшую ситуацию оппозиция — левые республиканцы.

Они считают, что монархисты попрали Хартумский договор 1967 года и, используя финансовую поддержку Саудовской Аравии, берут реванш за свое поражение в период первых лет республики.

Время с 1967 до середины 1974 года — период правления правительства, созданного в результате хартумского компромисса. После отставки Салляля новое правительство сплотило людей, непосредственно не участво-

вавших в гражданской войне. Как каждый компромисс, он не обеспечивает стабильности, поскольку все зависит от соотношения сил обеих сторон и внешнего давления, которое в данном случае было очень сильным, что не благоприятствовало консолидации. Но в этой стране, бурлящей страстями, охваченной племенным и религиозным соперничеством, сведением счетов — *дийя*, нашелся человек, который сумел успокоить страсти и вывести страну через многочисленные бури на относительно спокойную дорогу. Я, разумеется, говорю о председателе расформированного 13 июня 1974 года президентского совета, состоящего из трех деятелей, а именно о кади аль-Арьяни, принадлежащем к одной из главных после сейидов и вождей племен касте религиозных лидеров. Когда-нибудь историки отведут соответствующее место этому второму после Салляля президенту ЙАР, который играл такую значительную роль в первые двенадцать лет республики ¹⁹.

Кади аль-Арьяни родился в 1901 году в семье, принадлежащей благородному йеменскому роду. Он выступал против имамата и был арестован в 1948 году после убийства имама Яхьи. Аль-Арьяни вышел на свободу лишь в 1954 году, но год спустя снова оказался за решеткой. Он был одним из вождей республиканцев, несмотря на то что принадлежал к умеренному крылу и занимал в правительстве Салляля пост министра юстиции и местного управления. Позднее он стал вице-премьером. Однако свой талант политика аль-Арьяни продемонстрировал прежде всего в разрешении спора двух сторон, который закончился примирением. В те годы он завоевал себе большой авторитет как у монархистов, так и у республиканцев. Умеренный республиканец, шафиит, он был против вмешательства Саудовской Аравии во внутренние дела Йемена. Часто грозил подать в отставку и даже несколько раз, когда его возражения не принимались во внимание, покидал пределы страны. Иногда это действовало.

Аль-Арьяни был за сохранение республиканской системы правления в Йемене, ограничение влияния шейхов и усиление центральной власти, в глубине страны практически не существующей. Известно также, что он был сторонником мирных переговоров со вторым Йеменом по вопросу объединения двух стран и сделал даже практи-

ческие шаги в этом направлении, встретившись с руководителем НДРЙ для подготовки такого объединения. Он постоянно удерживал военных от развязывания боевых действий на границе между обеими братскими республиками, а также от бандитских нападений на деревни на южнойеменской стороне в течение всего 1973 года. Эти вылазки осуществлялись не без ведома и согласия Саудовской Аравии, которая боится объединения двух Йеменов из тех соображений, что у власти на Юге находятся левые элементы. Отстраненные от власти в Сане республиканцы могли бы, по ее мнению, в союзе со вторым Йеменом обрести прежнюю силу, которая была у них до 1967 года. Меньше всего Саудовская Аравия желает соседствовать со страной с революционным правительством. Она стоит на страже святых мест ислама, претендует на ведущую роль в мусульманском и арабском мире и поэтому всячески препятствует любому обновлению арабского мира, которое приведет к отделению религиозной власти от светской.

В 1973 и 1974 годах Йемен по-прежнему оставался страной *газва и дийя*. Даже такой несомненный религиозный и государственный авторитет, как кади Арьяни, не смог отворотить зейдитский Север и его могущественных шейхов от террористических актов и других преступлений. При таинственных обстоятельствах гибели республиканцы — участники гражданской войны, даже уже отошедшие от политики. Весной 1974 года в одной только Сане при невыясненных обстоятельствах погибло свыше десяти человек. Были найдены также обезображенные трупы ближайших друзей аль-Арьяни. В мае 1973 года в отсутствие кади был убит один из трех членов президентского совета, шейх Осман, известный своими республиканскими взглядами. Спустя год от большой дозы яда погиб Абдель КаDIR Саид, один из лидеров антисаудовской оппозиции.

В июне 1974 года в результате военного переворота был свергнут триумvirат президентского совета. Во главе нового правительства встал полковник Ибрагим Мухаммед аль-Хамди, родившийся в 1933 году. В Сане поговаривали, что судьбу «министра компромисса» кади Арьяни окончательно решила отставка известного про-саудовского деятеля аль-Хаджи, ближайшего друга аль-Бадра. Кади решил положить конец своеволию шей-

хов, незаконию и хаосу в стране. Тем самым он подписал себе приговор. Новый правитель страны, полковник аль-Хамди, воевавший сначала солдатом, а затем офицером против монархистов, взяв власть в стране, заявил, что его цель — «положить конец борьбе между аль-Арьяни и консультативным советом», то есть йеменским парламентом, состоящим из 179 человек, в котором большинство мест принадлежит шейхам и религиозной аристократии зейдитского Севера. Он добавил также, что «будет бороться за оздоровление положения в стране, за ликвидацию коррупции и взяточничества», что провозглашают почти все организаторы государственных переворотов в развивающихся странах.

Переворот полностью поддержала Саудовская Аравия. Однако полковник аль-Хамди побеспокоился и о том, чтобы обеспечить себе признание других арабских стран — Египта и НДРЙ. Поэтому он ввел в свое правительство некоторых деятелей с республиканским прошлым, недовольных самоуправством вождей могущественных племен.

После военного переворота высшая власть снова оказалась в руках зейдитов (Аль-Хамди зейдит, хотя со стороны матери он связан с известными шафиитскими родами). Представители религиозной касты кади остались на своих прежних постах в министерствах. Молодая интеллигенция, немногочисленная по сравнению с группой влиятельных феодалов, с горечью комментирует перемены, какие произошли в Йемене за 13 лет республиканского строя: «Раньше нами управляли сейиды, теперь нами управляют кади». Вожди племен, как и во времена имамов, держат в своих руках традиционный руль управления своими соплеменниками.

Положение просаудовских деятелей тоже не из легких. В разговоре они неохотно касаются болезненной темы, давшей в руки оппозиции сильный козырь — согласие республиканского правительства оставить в границах Саудовской Аравии Асир и оазис Наджран. Асир, извечная часть Йемена, колыбель его культуры, был передан в 1934 году Яхьей королю Сауду, правителю Саудовской Аравии. Этот акт был подтвержден в 1973 году. Дорог и беспокоен для Саны саудовский союзник.

Так в условиях Йемена выглядит борьба за власть

между представителями старых сил полуострова со сторонниками возрождения арабского мира, его полной демократизации и обновления.

Сана — Ходейда — Таиз

Министр информации дал согласие на мою поездку в Ходейду и Таиз. Министр живо интересовался тем, что знают поляки о Йемене и понравилась ли мне Сана. Я подарила ему пластинку с записью «Мазовше», так как он проявил большой интерес к фольклору и народным танцам. Он поручил опекать меня Мухаммеду Дари — незаменимому гиду иностранных журналистов. Мухаммед оказался пунктуальным человеком. Он старался исполнять все мои желания, знакомил с людьми, сопровождал меня в моих походах на базары и т. д.

В тот же день к пансионату ООН на улице Насера подъехал светлый «пежо», и мой чемодан оказался в багажнике. Я прощалась с Саной, так как из Таиза мой путь лежал на юг. В лучах полуденного солнца город мечетей и вавилонских башен заволокла бледно-фиолетовая дымка. Горы заслонили панораму одного из красивейших городов арабского средневековья на Аравийском полуострове. Мы ехали по прекрасному шоссе. Йеменцы называют его «китайским», так как его строили китайцы. Здесь их работало около тысячи. Через горы и долины была проложена дорога, связавшая высокогорный сельскохозяйственный Йемен с морем. Турки еще в XIX веке планировали проложить железную дорогу от Ходейды до Саны. Однако дальше проектов дело не пошло. На первом же холме за Саной возвышается памятник-пагода, увековечивающая труд китайцев. Строительство длилось три года. Трассу длиной 227 километров закончили за год до революции. Говорят, что имам Ахмед не хотел возвращать китайцам кредит, предоставленный ими на строительство этой чрезвычайно важной трассы, без которой было бы невозможно экономическое развитие страны. Ахмед-джинн, всегда неохотно плативший из дворцового ларца, сказал, что китайцы «могут забрать ее с собой».

Местность вокруг серая, пустынная, без признаков растительности. То тут, то там на холмах виднеются раз-

вашины домов. Мухаммед объяснил мне, что раньше здесь жили верные имаму племени, подвергшиеся бомбардировке египетскими самолетами во время гражданской войны. Мухаммед не был сторонником имамата, но считал, что никому не дозволено силой навязывать свою форму правления. По его мнению, сам йеменский народ должен выбрать для себя форму власти. Он был оптимистом и утверждал, что положение в стране стабилизируется: Йемен получает экономическую помощь от богатых арабских стран, строятся школы, больницы, постепенно развивается экономика. «Йемен заинтересован, — говорил он, — в развитии дружеских отношений со всеми государствами. Некоторые ошибочно считают, что мы сидим в кармане у Саудовской Аравии, но мы проводим собственную независимую политику». В тот же день президент принимал делегацию Объединенных Арабских Эмиратов и делегацию КНР. Однако факт остается фактом: Саудовская Аравия финансирует около трети бюджета республики.

Мы въезжаем в плодородный сельскохозяйственный район. Здесь уже прошли первые весенние дожди, и крестьяне вышли на поля. Волосья упряжки, волокущие за собой деревянную соху, вспахивали плодородную почву. По дороге вышагивали нагруженные мешками с зерном верблюды. Поля уже засеяны кукурузой. На холмах зазеленели кофейные плантации. Йеменские холмы представляют собой своеобразное зрелище, особенно когда солнце освещает поля на отдельных террасах, поднимающихся почти отвесно одна за другой иногда до самой вершины. После обильных дождей вся гора выглядит как корзина, украшенная гирляндами зелени. Мы находимся в краю кофе и ката, наиболее богатом и плодородном районе Йемена, в самом центре прежней Аравии Счастливой. Через несколько десятков километров дорога пошла по горным склонам, изрезанным чересполосицей полей, нависших над долинами, которые пересекают ленты горных рек, еще безводных в эту весеннюю пору.

«Кат съедает кофе», — говорят в Йемене. Производство кофе уменьшается за счет увеличения производства ката, плантации которого вытесняют кофейные. Это происходит за счет как роста потребления ката в самой республике, так и увеличения его экспорта во второй

Йемен. Изменение в распределении культур — дело социальной революции, которая должна бороться со старыми привычками, имеющими вековые традиции.

Мы останавливаемся на отдых в одной из деревень в типичном караван-сараяе, какой всегда можно найти на древних торговых дорогах, пересекающих Йемен с севера на юг и с востока на запад, по которым, как и прежде, идут караваны навьюченных верблюдов с товарами Аравии Счастливой. Несмотря на то что по шоссе сейчас движется множество автомобилей, последние все еще не представляют серьезную конкуренцию верблюдам. Караван-сарай — это придорожный отель-ресторан, где можно съесть мясные шарики с добавлением острых приправ, поджаренные на решетках над раскаленными древесными углями, выпить *кишр* * — отвар из кофейной шелухи, чай или кока-колу. Рекламы кока-колы и апельсинового напитка «фанта», улыбающиеся с цветных плакатов блондинки, рекламирующие сигареты различных марок и автомобили, — это единственные признаки XX века. Однако он настойчиво вторгается в мир глиняных и каменных крепостей, прилипших к вершинам холмов, пещер, в которых скрываются как правые, так и левые противники правительства, республиканцы и сторонники реставрации имамата. За этими горами лежит край воинственных племен, рыцарей с джамбиями, которые на протяжении тысячелетия представляли собой опору правителей Йемена.

Тихама — другой Йемен

На рассвете мы продолжили путь в Ходейду. Стояло прекрасное свежее утро, достаточно прохладное в эту пору года. Утренний туман окутывал контуры гор. Однако вскоре мы простились с горами. Баджил — последнее крупное селение на дороге в Ходейду. Мы все еще находились среди гор, среди террасовых полей, но дорога все круче спускалась к приморской низине Тихамы. Становилось все жарче. Раскаленная равнина обжигала. Горы исчезли, и за ними открылась свежая зелень полей, пересеченная узкими реками. Дыхание африканской «печи» чувствовалось даже здесь, по другую сторону Красного моря, в низине шириной 50—80 километров и длиной около 400 километров, простирающейся от пор-

та Моха (откуда в XVI веке вывозили знаменитый йеменский кофе «мокко») к северу, до границы с Саудовской Аравией.

Изменился не только климат. Здесь уже и деревни и люди выглядят совсем по-другому. Вместо каменных домов на вершинах холмов стоят тростниковые хижины, вместо горцев в плащах, перетянутых зелеными поясами с джамбиями, — полуобнаженные люди с черной или смуглой кожей. Тихама — мост, соединяющий Африку и Аравию, дорога невольников, до самой революции 1962 года ведущая от Красного моря до Персидского залива. Эта дорога проходила через Йемен с ведома и согласия имама, который имел с этого свою долю дохода. Жаркая и раскаленная Тихама труднопереносима для чужестранцев. Как убедились члены экспедиции К. Нибура, самым опасным врагом человека на этой полоске земли является малярия.

Тихама — царство могущественной конфедерации племен зараник, которые постоянно находились в состоянии войны с зейдитскими племенами и правителями Севера. Во время перемирий зараник посылали петиции в Лигу наций с жалобами на беззаконие и жестокость имама Яхьи. Север относился с некоторым презрением к зараник, женившимся на чернокожих девушках, привезенных работоторговцами из-за Красного моря. Они оседали на земле зараник и рожали им детей. Таким образом, многие суданские девушки стали матерями йеменских детей. Сюда прибыло также немало эфиопских девушек из народности галла. Трудно найти семью в Тихаме, которая бы не имела африканских предков.

Деревни Тихамы — не укрепленные крепости, как в горах. Они состоят из круглых хижин, тесно сгрудившихся на раскаленном песке, как в африканской саванне. Женщины ходят с открытыми лицами. Мужчины покрывают головы широкими, сплетенными из рафии шляпами в виде панам. Некоторые женщины ходят по-африкански полуобнаженными.

Ходейда расположена на берегу Красного моря. Во времена правления имамов она была единственным окном Йемена в мир. Ходейда часто оставалась также единственным йеменским городом, в который был разрешен въезд иностранцам. Здесь они ждали разрешения на въезд в страну, который в принципе был запрещен.

Город широкой дугой окружает залив. Круглые тростниковые хижины спускаются почти к самому морю. Как и в Санае, канализация — ахиллесова пята города. Но в столице «работает» высокогорное солнце. Дневные ливни смывают все нечистоты. Здесь же отходы разлагаются в душной и влажной атмосфере.

В Ходейде кроме старых кварталов есть и современная часть города, застроенная многоэтажными домами. Построен и отель «Аль-Ихва» с кондиционером. Развитие города идет быстрыми темпами с тех пор, как Советский Союз построил здесь порт. До этого сюда могли подходить только небольшие суда и загрузка производилась на рейде. Сейчас сюда заходят океанские корабли. После закрытия Суэцкого канала Ходейда заметно пришла в упадок. Движение судов значительно уменьшилось. Только у рыбаков, как и прежде, было полно работы благодаря обилию рыбы в Красном море. Открытие Суэцкого канала в 1975 году пробудило порт от спячки, поправило экономическое положение жителей Ходейды, придало также новый размах развитию Йемена.

В городе имеется несколько старых каменных крепостей и бывший дворец губернатора. Над Ходейдой никогда не висела та душная атмосфера имамата, какой она была в Санае, страдающей от террора, находившейся под непосредственным полицейским надзором.

Старый базар Ходейды очень красочен, но отличается от базара Саны тем, что в нем сочетаются черты африканского рынка и арабского *сука* *. Здесь такая же суэта, гомон и крики, как на африканском *маркете*, где царят женщины-торговки. Многие женщины с негритянскими чертами лица. Ходейда живет своеобразным, восточным ритмом жизни. Это город со своим индивидуальным лицом.

Из Ходейды на юг ведет другое шоссе, построенное Советским Союзом. Его длина — около 200 километров. Оно соединяется с незаасфальтированной «американской» дорогой, ведущей из порта Моха в Таиз. По «советской дороге», как называют ее йеменцы, мы направляемся из Ходейды в южные провинции.

Тихама и южная часть Йемена сильно отличаются от северной, и не только климатическими условиями. Сначала горы утрачивают свой монументальный вид и пе-

реходят в волнистые холмы, но затем снова увеличиваются в средней части страны, к северу от Таиза, в направлении к Дамару. Южные горы не препятствовали проникновению в страну чужеземцев, как горы северной части. По Тихаме и южным областям Йемена вплоть до Адена (который только в 1839 году был отобран у Йемена англичанами) не раз после упадка халифата проходили войска соперничавших могущественных государств арабского мира, а также турок, которые неоднократно устанавливали здесь свою власть. В 1174 году Таиз стал столицей брата Саладина, Туран-Шаха. В то время, когда на Севере возникло зейдитское государство, Юг попал под влияние приверженцев шафиитской школы. Основателем этого ортодоксального направления ислама, разновидности суннизма, был Абу Абдулла Мухаммад Идрис аш-Шафии, родившийся в Мекке (умер в 820 году). Свою школу он основал в Египте и боролся с законодательством шиитов и их принципом, по которому власть должна принадлежать исключительно потомкам Мухаммеда. Шафиитскую доктрину поддерживала большая часть населения Йемена. Во времена имама, когда распределение административных должностей по провинциям зависело от вероисповедания, шафииты имели большинство в городском управлении Таиза, Ходейды и Ибба. В средние века прославился их университет в Забиде.

Мы приближались к этому городу по его безлюдным окрестностям. На протяжении нескольких десятков километров на раскаленной равнине Тихамы нет ни одного города, и даже деревни здесь редки. Но с прежних времен то тут, то там остались мечети и куббы, могилы исламских мудрецов, проводивших жизнь, согласно легендам, в размышлениях и богоугодных делах.

В окрестностях Забида появляются возделанные поля. В период дождей в реке собирается вода, ее русло, *вади*, впитывая воду как губка, помогает задержать ее. С помощью каналов вода подводится к полям.

Забид — один из древнейших центров цивилизации земледельческого Йемена, известный своим великолепным хлопком. Традиционное ткаческое ремесло Забида уходит своими корнями в средневековье. Когда-то это был известный большой город. Великий марокканский путешественник Ибн Баттута так писал о нем:

«Забид обладает обширными садами с бесчисленными ручьями, в которых хорошо растут фрукты: бананы и другие... Забид — город большой и многолюдный. В нем полно пальм, рощ и ручьев. В сущности, он самый прекрасный город Йемена. Его жители отличаются покладистым характером, они правдивы и представительны, особенно местные женщины, которые необыкновенно красивы».

Мы приближаемся к городу, одному из наиболее известных в средневековье. Его университет собирал исламских ученых со всего мира. Дружественные узы связывали этот город с каирским университетом аль-Азхар. Сейчас старый город производит впечатление заброшенного храма науки и культуры. В Забиде насчитывается около 20 тысяч жителей. Когда ходишь по его пустынным улицам, трудно представить его былую славу и величие, которые, однако, сохранили старые стены, высокие каменные дома с окнами, обращенными во двор. Забид вполне мог бы сойти за европейский город. Отделка его зданий и древней мечети, стены с высокими круглыми башнями — все напоминает старые европейские замки. Основанный в IX веке, Забид поддерживал в свое время оживленную торговлю с Европой. Отсюда, может быть, и сходство архитектуры. До сих пор город сохранил свой средневековый облик. Ортодоксальные отцы города держат местных женщин взаперти, поэтому трудно оценить их красоту, которой так восхищался Ибн Баттута.

Между зейдитами и шафиитами

Конфликт между зейдитами и шафиитами никогда не имел чисто религиозного характера. За ним крылась борьба за власть, общественное положение, политическое влияние. Шафииты не могут забыть, что именно зейдиты лишили их автономии, какой они пользовались еще при турецком господстве, что они подчинены религиозной и государственной власти имамов-зейдитов, которых они считали «отщепенцами». В отместку в пылу спора зейдиты называли их не иначе как «безбожниками».

Отстраненные зейдитами от постов в государстве и в армии, шафииты с удвоенной энергией окунулись в

вихрь торговли, прославились своей предприимчивостью. Они и сегодня презрительно смотрят на Север, называя зейдитов, которые ходят в сопровождении своей вооруженной гвардии, феодалами и людьми давно минувшей эпохи.

Шафииты издавна селились вокруг Адена, который в свое время был главным торговым портом Юга. Из Таи-за, столицы шафиитского Юга, вела караванная дорога в Аден. Оттуда экспортировали кофе, кожи, кат и другие товары. Террор и политические репрессии во времена правления последних имамов привели к тому, что Аден стал для йеменцев политическим убежищем. Скрываясь от преследования, они забирали с собой капиталы и помещали их в Адене, найдя там лучшие условия для торговли и ремесла, чем в Йемене. Из шафиитских эмигрантов сложилась многочисленная йеменская колония; члены ее работают в близлежащих арабских странах и Африке: в Судане, Сомали и даже в Кении. Они присылают своим семьям деньги, которые представляли и представляют значительную часть валютных поступлений Йемена. Выходцами из эмигрантских кругов были так называемые «свободные йеменцы». В 1948 году они оказали поддержку Абдалле Вазиру из соперничающего с Хамид ад-Динами клана семьи ар-Расси. Они считали, что он единственный человек, способный совершить преобразования в стране.

Шафииты, кроме того, представляли собой наиболее политически зрелый антифеодальный и антиколониальный элемент в Адене. Настроенные враждебно к имамату, шафииты не жаловали и колониальную систему. Они с одобрением приветствовали свержение монархии в Египте, а Гамаль Абдель Насер, национализировавший Суэцкий канал, стал их героем. Английские колониальные власти начали со все большим беспокойством смотреть на растущую миграцию йеменцев с Севера.

Во время гражданской войны как Тихама, так и район Таи-за находились в руках республиканцев. Здесь были расквартированы египетские войска, помогавшие республиканскому правительству в борьбе с монархистами аль-Бадра. Шафииты вступали в йеменскую армию и участвовали в войне на стороне республиканцев. То, что египтяне были суннитами, облегчало взаимопонимание. В свою очередь, зейдиты с Севера боялись, что в случае

победы республиканцев они подпадут под религиозное правление шафиитов.

Шафиитов не удовлетворяли договоры 1967 года. После ухода египетских войск они защищали Сану во время осады ее монархистами. Сегодня шафииты неохотно селятся в Санае, где большинство по-прежнему составляет зейдитское население. Среди своих, на Юге, шафиит чувствует себя в большей безопасности, так же как зейдит — на Севере. Однако и в наши дни происходят столкновения между этими двумя группами населения. В них находят выражение прежний религиозный фанатизм и многовековое предубеждение. Продолжается скрытая война за посты в правительстве и администрации. Говорят, что современное правительство, в котором верховодят северные шейхи, более благосклонно относится к зейдитскому населению, что Север получает более крупную помощь от ООН, чем Юг. Открытый зейдитско-шафиитский конфликт произошел незадолго до моего приезда в Ходейду. Сын губернатора Ходейды, ученик средней школы, оскорбил сына шафиитского вельможи. Оскорбленный юноша избил зейдита. Школа, вместо того чтобы наказать обоих, направила репрессии против шафиита, вычеркнув его из списка учащихся, а полиция предъявила ему свои обвинения, в то время как сын губернатора остался на свободе. Ученики организовали забастовку в знак протеста против покровительства ученику-зейдиту. В результате было избито несколько десятков людей.

Экономическая, политическая и культурная интеграция населения всей страны проходит далеко не гладко. Трудно одним махом ликвидировать разногласия, главным образом потому, что возникло много новых поводов, возродивших старую вражду. Последствия этой вражды неблагоприятно отразились на результатах гражданской войны. Если монархический лагерь знал, чего хотел — реставрации монархии, то республиканцы были далеки от единства. Среди них шло шафиитско-зейдитское соперничество, что часто приводило к кризисам и сменам правительства.

Борьба, которую можно упрощенно определить как конфликт зейдитско-монархического Севера с шафиитско-республиканским Югом (несмотря на то что среди республиканцев находились и по-прежнему находят-

ся зейдиты), продолжается. Это борьба за тот путь, которым должна пойти революция ради возрождения страны. И ей суждено продолжаться еще долгие годы. На нее влияет также положение на всем Аравийском полуострове. Окончательный результат этой борьбы не вызывает сомнения, однако отдельные ее фазы трудны и болезненны. Северный Йемен делает медленные шаги по тернистому пути национального возрождения.

В краю шафиитов

Таиз, город шафиитов, всегда считался второй столицей Йемена, а во времена имама Ахмеда, который, как гласит молва, водил дружбу с дьяволом, — даже первой. После смерти отца имам Ахмед жил здесь, во дворце, на холме Сала, в окружении льстецов, придворных прихлебателей, полиции и верной гвардии зейдитских племен аль-брани.

Таиз расположен значительно ниже Саны, на высоте около 1200 метров над уровнем моря. Богатые жители Саны считают Таиз курортом и приезжают сюда на отдых. Таиз отличается более мягким климатом, правда, летом солнце и здесь сильно припекает, но не так, как в Тихаме. Зато зимой по утрам свежо и даже холодно. Город раскинулся у подножия горы Джабаль Сабир, то есть Горы терпеливости. Днем Таиз выглядит довольно невзрачно. Даже самым элегантным разноцветным домам, построенным вдоль главной улицы, ведущей к Горе терпеливости, не хватает гармонии, оригинальности и монументальности, присущей домам Саны, а также того таинственного налета старины, которым окутаны улочки Саны за Баб-эль-Йемен. Однако ночью город преобразуется. Из окна отеля «Аль-Ихва», расположенного на склоне горы напротив Джабаль Сабир, открывается прекрасный вид на залитый огнями Таиз. Город кажется огромным: его огни простираются до горизонта, образуя как бы огромный звездный ковер, соединивший небо с землей.

Я иду каменистыми улочками Таиза, спускающимися к долине или поднимающимися по одному из склонов. Толпы крестьян, шумных, в красочных одеждах, с живыми лицами и веселыми глазами, заполняют базар и ули-

цы, собираются вокруг мечети. Мужчины воинственного вида в разноцветных тюрбанах на голове скапливаются у биржи труда. Бич страны — безработица, скрытая и явная. Поэтому на улицах много нищих, особенно около старой мечети Ашрафийя, два минарета которой, похожие друг на друга, как близнецы, видны отовсюду в Таизе. Когда-нибудь город станет привлекательным для туристов, но сегодня еще нет для этого условий. Туристам нравятся исторические памятники, но они любят современные дороги, хорошие отели, горячую воду и увеселительные заведения. Всего этого городу не хватает, несмотря на то что хозяева рекламируют его очарование и строят отели, приспособляя их для нужд большого города. Однако бедность выглядывает из каждого закоулка Таиза, а водосточные каналы полны нечистот, которые вымывает только дождь.

В Таизе, как и во всем Йемене, явственно ощущается то, что называется экономической отсталостью и что в статистике фигурирует как показатель одного из самых низких в мире уровней национального дохода на душу населения²⁹, низким уровнем народного образования и промышленности. Нищета Таиза красочна, но она не скрывает ее существа. Милостыня, щедро раздаваемая богатыми мусульманами, не облегчает положение бедноты.

Несмотря на это, Таиз вызывает симпатию. Люди очень милы и общительны, интересуются всем, что творится в мире. Атмосфера здесь более свободная, чем на Севере, хотя в Санае люди тоже довольно любознательны. Дома в Таизе разноцветны, а в весеннюю и летнюю пору город утопает в зелени. Очень красочен базар, где торгуют приехавшие из деревень крестьяне. Здесь пестро от тюрбанов, белых и цветных юбочек — йеменских *фут*. Иногда появляется вооруженный полицейский с патронташем на груди. То тут, то там мелькают мужчины с джамбией у пояса. Но наиболее красочно выглядят на базаре в Таизе женщины. Они сидят перед тазами и корзинами с просяной мукой или сорго, с бананами и другими продуктами, торгуются с покупателями. Их веселые лица открыты, а шею увешаны нитками бус и ожерельями из амбры и металла. Шафийитские крестьянки пользуются большей свободой, чем жительницы гор Севера.

После северных городов, где ни одна женщина, выходя на улицу, не забывает, что вступает в мир чужих, в котором Аллах запрещает ходить с открытым лицом, вид женщин на базаре в Таизе, в пышных красочных турбанах, обмотанных вокруг их красивых голов, со смуглой, оливковой кожей лица и черными блестящими глазами, казался чем-то необыкновенным. Хотя мужчины Северного Йемена были республиканцами и мечтали о возрождении страны, о выходе ее из мрака средневековья, в сфере обычаев они остались консерваторами. Затворничество женщин здесь никогда не обсуждается, эта тема — табу. На одной и той же улице могут жить две семьи, одна из которых исповедует ислам зейдитского толка, а другая — шафиитского. Женщины этих семей следуют традициям своего рода: более либеральным — шафиитским и более консервативным — зейдитским. Но уважающая себя женщина в Таизе одевается во все черное и не выходит на улицу без паранджи.

*Ибб и Джибла — две резервации
средневековья*

Окрестности Таиза полны памятников прошлого, древних, средневековых городов. Но дороги находятся в таком ужасном состоянии, что поездка в дикий горный край всего на 50—60 километров к северу от Таиза превращается в многочасовую. Чтобы преодолеть горы, необходимо иметь хорошую машину и много времени. «Джип» министерства информации везет нас в сторону Ибба, древней йеменской крепости, необычайно живописно раскинувшейся на фоне гор. Город-крепость построен из ослепительно белого камня и кажется повисшим над черными массивными скалами.

Пробитая в скалах дорога с множеством крутых поворотов идет через горы и долины. Это настоящая «дорога через муки ада», неасфальтированная, полная камней и выбоин. Мы поднимаем тучи пыли, которая, несмотря на закрытые окна, проникает внутрь машины: нечем дышать.

Метр за метром мы поднимаемся все выше в горы, преодолевая множество поворотов, балансируя по краю пропасти. Одно неосторожное движение — и... Лучше об этом не думать. Отвесные скалы покрыты трещинами,

будто кто-то умышленно собрал их здесь, чтобы преградить доступ в глубь этой опаленной солнцем земли, когда-то шумевшей лесами и полной воды, собранной в водосборниках. Кое-где над дорогой виднеются серые террасы полей. Крестьянин с парой волов на серомеловой, высушенной солнцем равнине между горными склонами кажется черной точкой. После преодоления очередного подъема, опасного поворота вокруг отвесной гранитной скалы перед глазами открывается новый вид, новый мир. На склоне горы покажется то деревня или городок с белыми, сливающимися друг с другом стенами домов, то одинокая кубба. До того, как в горах прорубили эту дорогу, добраться сюда можно было только верблюжьей тропой. Долина внизу, как это ни удивительно, называется «Зеленой долиной». В сезон дождей она изобилует растительностью. Сейчас же она выжжена солнцем и присыпана пылью.

Ибб, столица «Зеленой долины», находится в 50 километрах от Таиза. Город застроен монументальными каменными домами, прилепившимися к голым скалам, господствующим над долиной. Средневековый город Ибб расположен на высоте около 2200 метров над уровнем моря. Я поднимаюсь по узким, вымощенным булыжником улицам, ведущим к вершине. Над городом вблизи старого *сука* возвышается мечеть. Древний Ибб расцвел во времена ислама. Его правители получали не только дань с подданных, но также плату, взимаемую с караванов, проходивших через «Зеленую долину». Ибб не единственный город, возведенный на горной вершине. Свое господство над «Зеленой долиной» он делит с Джиблой, другим древним городом.

Джибла еще более живописна, чем Ибб. Она напоминает картину, изображающую пейзаж средневекового мусульманского города. На сером холме поднимаются высокие дома этого города — города царицы Саиды. Удивительно, что в патриархальном обществе крестьян и кочевников с общественно-политической структурой, существенно не изменившейся с библейских времен, когда ислам обосновал превосходство мужчины, сохранилась память о славных женщинах, правивших страной. Царица Билькис вошла в легенду. Но легендой были окружены и мусульманские правительницы. Основанная около 1000 года Джибла, когда Болеслав Храбрый устанав-

ливал границы на востоке и на западе и консолидировал польское государство, своим величием обязана главным образом двум царицам — Асме и ее дочери Арве, известной позднее под именем Саиды. Обе они происходили из династии Сулейхидов, обе были шиитками, но не зейдитского толка и признавали власть Фатимидов Каира. Однако Арва-Саида чувствовала себя плохо в Санае, столице Сулейхидов, и, очарованная красотой «Зеленой долины», решила перевести свою резиденцию туда.

Я долго хожу по чистым улицам Джиблы, вымощенным почти 800 лет назад. Даже почтенные стены Саны, видевшие бесчисленные войны, не могут похвастаться таким прошлым, которое заставляет с должным уважением смотреть на давно не реставрированные, выщербленные от времени оборонительные стены Джиблы. Проходили столетия, насыщенные войнами и революциями, рушились троны, создавались новые формы власти, но на узких улочках Джиблы с видом на базальтовые скалы и плодородную полосу возделанной долины время как будто остановилось. Город не изменился с тех времен, когда царица Саида пригласила строителей и художников для создания Джиблы. Они творили подобно Микеланджело и Леонардо да Винчи, которые во времена Медичей создавали Милан и Флоренцию.

Перед входом в тысячелетнюю мечеть Саиды я снимаю туфли, чтобы пыль, которая осела на них во время езды по ухабистой, полной камней дороге, не осквернила святого храма. Стражник мечети царицы Саиды смотрит на меня одобрительно. Это одна из немногих мечетей Йемена, куда могут входить женщины. В другие мечети им входить запрещено, так как молиться и слушать стихи из Корана, которые читают с *минбара*, могут только мужчины. Пользуясь возможностью осмотреть мечеть, я не обращаю внимания на Мухаммеда, который показывает на часы, давая понять, что у нас слишком мало времени. Я смотрю на декоративный *минбар*, высокие колонны мечети, напоминающие по внешнему виду колонны романских храмов, суровые каменные стены и деревянную обшивку гробницы Саиды. Множеству нашествий подверглась эта земля, в прах превратились мечети и куббы первых святых и могущественных правителей империи. Гробница Саиды досталась завоевате-

лям — шиитская святыня на территории суннитского Юга.

Я выхожу из мечети на ослепительно белый четырехугольный двор. В аркадах мечети, между мраморными колоннами святыни, известное *медресе* — шиитская школа. Несколько десятков учеников в белых одеждах и белых фесках на головах сидят на полу и заучивают отдельные суры из Корана. Библия ислама, написанная свыше тринадцати веков назад, для этих молодых ребят все еще основной источник знаний о человеке и окружающем мире. Священное писание так глубоко проникает в их сознание, так формирует их личность, что они непроизвольно в разговоре используют слова и метафоры из этого, одного из самых прекрасных литературных памятников.

Я спускаюсь вниз из прелестного, словно сложенного из театральных декораций городка, который светлым мазком выделяется на сером фоне «Зеленой долины». Навстречу мне поднимается группа бородатых рослых мужчин на маленьких осликах. На узких улочках Джиблы не видно ни одной женщины. Они живут в затворничестве, во внутренних дворах своих домов — каменных крепостях, лишенных окон, как и в давние времена. Только когда на маленьком базаре не останется ни одного постороннего, они промелькнут по переулкам Джиблы, тщательно укутанные с головы до пят. У каменного колодца собрались дети. Колодцы Джиблы, в которых собирают воду со дна долины, построены еще во времена царицы Саиды. На поля выходят крестьяне. Они едут на ослах, подгоняя их босыми ногами. Волы тянут деревянные сохи. Скоро прольются первые дожди, и древняя житница Йемена зазеленеет, подтверждая свое название.

Я возвращаюсь в Таиз, в город, где уже есть электричество и по крайней мере к нескольким домам подведен водопровод. По сравнению с Джиблой Таиз выглядит более современно. Этот город уже видел революцию, которую не довелось пережить людям за стенами Джиблы, видел радость имама Ахмеда после подавления заговора Абдаллы Вазира, а потом танки республиканцев, обстреливающие дворец на холме Сала.

Однажды господин Саиди из местного отделения министерства информации в Таице спросил меня, не хотела бы я навестить его жену на женской половине дома. Разумеется, я приняла приглашение с удовольствием. Днем, так же как и в Сане, здесь никто не работает. Все предаются жеванию ката. Я приготовилась к тому, что встречу с двумя-тремя ближайшими родственницами господина Саиди. Но где там! Обширная гостиная, которую хозяин предоставил женщинам в эту пору, была полна молодых и пожилых дам. «Салам алейкум! — сказала я собравшимся, внимательно разглядывающим меня женщинам и добавила, обращаясь к молодой, элегантно одетой хозяйке: — Анти хильва!» Этот комплимент, которому меня научили, означает: «Как ты красива! Как ты прекрасна!» Здесь женщины тоже падки на комплименты, поэтому холодность, с какой они приняли меня в первую минуту, моментально улетучилась. Улыбки озарили лица женщин. Все сразу начали мне что-то говорить, усаживая рядом с собой, задавали массу вопросов. Хозяйка дома на ломаном английском языке пыталась переводить их вопросы. Они хотят знать, откуда я, что здесь делаю, одна ли, есть ли у меня дети и т. д.

Они чувствовали себя свободно, смеялись, были оживленны. Какие же они, эти йеменки, с которыми я, как журналист, встречалась редко, так как Аравия — край мужчин? Я видела их только закутанными с головы до пят в черные и реже цветные одеяния. Иногда из-под муслина, скрывающего молодую женщину с красивой походкой и гибким станом, выглядывали модные широкие каблуки чаще всего итальянской туфельки. Даже эта деталь подчеркивала их кокетство.

Теперь они сидели передо мной без покрывал, без тайн. Они сняли расшитые золотом и серебром верхние одежды и продемонстрировали мне такое разнообразие костюмов и ювелирных украшений, о которых я даже не подозревала. Все они были одеты очень красочно: в красные, фиолетовые, желтые парчовые платья, прекрасно сочетающиеся с оливковой кожей лица и рук. Шеи украшали ожерелья, золотые цепочки, руки — браслеты. Эти йеменки не принадлежали к трудовому люду. Они

не проводили часы за работой в поле, как жительницы Тихамы или жены бедняков, торгующие на базаре. Они могли себе позволить завести прислугу — мальчиков и женщин из бедных семей. Их руки были ухожены, не покрыты ссадинами от вращающегося камня, на котором мелют зерно для лепешек.

Женщины в деревнях заняты тяжелым трудом с рассвета до ночи. Рано, в возрасте 12—13 лет, едва они достигают половой зрелости, а иногда и раньше их выдают замуж. Они чахнут от тяжелой работы в поле и дома, оттого, что носят воду и дрова, строят дома, мелют зерно и при этом еще выполняют обязанности жен и матерей. Каждый год они рожают, так как йеменская семья, как и все арабские семьи, всегда нуждается в рабочих руках. Йеменские женщины рано теряют красоту, но стараются как можно больше рожать, так как в этом видят подтверждение своей привлекательности и женственности. На полигамию они смотрят как на вещь не только нормальную, но и необходимую. Когда йеменские крестьянки спросили у меня: «Сколько жен у твоего мужа? — и я ответила им с некоторой долей удивления и гордости, что я единственная жена своего мужа, они не стали мне завидовать. В их глазах появилось даже сочувствие, и они пожалели меня: «Ты достойна сострадания. Сколько же у тебя работы по дому, для мужа...»

Местные женщины воспитаны в полигамных семьях. Многоженство не считают злом, так как полигамия насчитывает вековые традиции — еще со времен Мухаммеда. Полигамные семьи особенно многочисленны в деревне. Когда мужчина может позволить себе уплатить *махр*, или «калым» (материальное обеспечение жены на случай развода), то он берет себе вторую или третью жену. Полигамия имеет под собой естественную экономическую и демографическую основу. Смертность среди детей очень высока, причем чаще умирают мальчики. Девочки менее восприимчивы к болезням, легче переносят самый трудный период младенчества. Поэтому их больше. Представительниц прекрасного пола больше в йеменских деревнях и городах еще и потому, что многие йеменцы эмигрируют за границу в поисках работы. Больше женщин — больше жен для мужчин. Проблема заключается не в многоженстве, а в справедливом отношении к женщи-

нам. Необходимо всем поровну дарить взгляды и подарки, чтобы обеспечить мир в доме, но и это не исключает раздоры и ссоры в семье.

В тех семьях, где жена получила образование и начала работать, она не желает мириться с присутствием других жен. Она — современная женщина и хочет быть единственной женой своего мужа. Такие новые идеи становятся сегодня популярными среди молодежи, школьников, городских женщин.

По случаю арабского Дня матери, приходящегося на 21 марта, меня пригласили еще во время моего пребывания в Санае на торжественное заседание. Собрались многочисленные жительницы Саны, закутанные с головы до ног. Заседание происходило на площади, окруженной стенами высоких домов, так что ни один мужской взгляд не мог проникнуть сюда. Женщин привезли из арабского квартала, а также из окрестностей Саны на автомобилях. Шоферы ждали их на улице, и так как это происходило днем, то коротали время за жеванием ката. Были на заседании, разумеется, и выступления. На возвышении установили огромный портрет председателя президентского совета кади аль-Арьяни. После выступления стоящей во главе Союза йеменских женщин госпожи Мухсин, жены премьер-министра аль-Мухсина, почтенным матерям вручили подарки. Они принимали их с равнодушным видом, не проявляя ни малейшего волнения, а может быть, скрывая его, как их учили. Однако с наибольшим интересом все ожидали выступления девочек. В их программе были стихи, а затем сценка из семейной жизни.

Основная тема сценки, конечно, была полигамия. Мужчина вначале женится на одной женщине. Все складывается хорошо. Но в молодую жену вселяется «дьявол», и она становится несносной. Мужчина целыми днями выслушивает ее жалобы и сбегает из дому на сиесту ката. Он решает, что, если одной жене живется плохо, значит, двум женам будет жить легче, и женится во второй раз. Снова в доме наступает гармония. Мужчина доволен.

Но, оказывается, ненадолго. С двумя женщинами жить не легче, чем с одной. Но тогда, может быть, лучше с тремя? Мужчина решает жениться в третий раз. Коран разрешает иметь четырех жен. Наш мужчина,

пользуясь привилегией мусульман, берет себе четвертую жену. Вы спросите, что же дальше? Муж близок к нервному расстройству, а покоя в доме не было и нет. Йеменки, эти, казалось бы, кроткие создания, обладают несносным характером. В каждой из них дремлет «дьявол».

Таким образом, досталось одному и другому полу, а смысл мимической сценки, разыгранной эмансипирующимся поколением девочек, заключался в том, что не гарем и полигамия, а совсем иные семейные отношения, опирающиеся на равноправие полов, способны решить проблему. Женщинам сценка очень понравилась. Юных исполнительниц наградили бурными аплодисментами.

Много можно было бы говорить об унижении женщин, об их низком социальном положении, их неравноправии, несправедливых законах о разводе, позволяющих, например, мужу избавиться от жены с помощью одной сакраментальной фразы: *анти мутлака* — «я тебя прогоняю, иди прочь». Женщина таким правом не обладала. Процедура развода, если его требовала женщина, была значительно усложнена. Кроме того, женщина с детьми на руках редко решается на развод. Разводы широко распространены, но происходят значительно реже в тех семьях, где есть дети. Мои йеменские собеседницы выразили мнение, что семейную жизнь нельзя менять при существующей общественной структуре, которая все еще остается традиционной, племенной. Семья и клан — вот настоящие пружины общества, оказывающие решающее давление на настоящую и будущую жизнь отдельных людей.

Несмотря на то что в йеменской жизни многое постепенно меняется: молодежь ходит в школу, светская власть стоит во главе государства, жизнь женщин продолжает идти по традиционному пути. Они, как и их бабки, ведут затворническую жизнь, часто полную лицемерия и невидимых драм. Хотят ли они, чтобы все было иначе? Только немногие из них отдают себе в этом отчет. Мои собеседницы не проявляли неудовольствия. Скорее, они не имели на этот счет собственного мнения. Им просто неизвестен другой образ семейной жизни. При современном положении вещей они находят способ отомстить мужу или злой свекрови, ловкостью или хитростью добиваются того, чего хотят. Они всегда найдут

способ «отыграться» на мужчине. За измену мужу их жестоко избивают. Анна Бёрнстерн рассказывала мне, что была свидетельницей осуждения девушки на смерть за тайные свидания с юношей. Но такие встречи продолжаются. Здесь еще мужчины верят, что ребенок, зачатый в его отсутствие, «пролежал» в лоне матери 15 месяцев. Женщины используют множество уловок, чтобы организовать свидание с возлюбленным. Атмосфера гаремных встреч насыщена эротикой. Это одна из основных тем всех бесед. Никто лучше не знал секретов дам из гарема, чем француженка Клоди Файен, врач, написавшая книгу «Аль-Хакима».

Женщины, собравшиеся в гостиной Саиди, не были похожи на жертвы мужской тирании. Все они были родственницами жены хозяина дома, молодой брюнетки, матери двоих детей. Лица женщин были накрашены, на щеки и лоб нанесена татуировка, а ногти покрыты хной. Перед встречей они много времени потратили на свои туалеты, которые также будут потом предметом их разговоров. Были среди них и две молоденькие женщины с явными признаками беременности. Они находились под опекой своих матерей.

Легкая, непринужденная беседа время от времени прерывалась взрывами смеха. Хозяйка дома отлучилась ненадолго и вернулась с большой порцией ката. Началась сиеста, которой оба пола в Йемене отдаются со страстью, только каждый по отдельности. Жена господина Саиди сказала, что даже дети охотно жуют кат под предлогом того, что так они легче запоминают уроки.

Одна из женщин, жгучая брюнетка с подведенными сурьмой глазами, запела традиционную песню женщин, исполняемую при обряде обручения. Другая затянула песенку о двух влюбленных, вздыхающих друг о друге: они желают всегда быть вместе, но им мешает отец девушки, который отдает ее в гарем пожилого мужчины. Тоскливая любовная песня уступила место другой, напоминающей топот солдатских ног и сигнал боевой тревоги. Это была *самель* — военная песня солдат имама.

Запах дыма и благовония ладана разлились по гостиной, устланной вдоль стен мягкими коврами и подушками. Посередине комнаты, там, где расположен очаг, слышалось бульканье воды в *наргиллях* — скрученных,

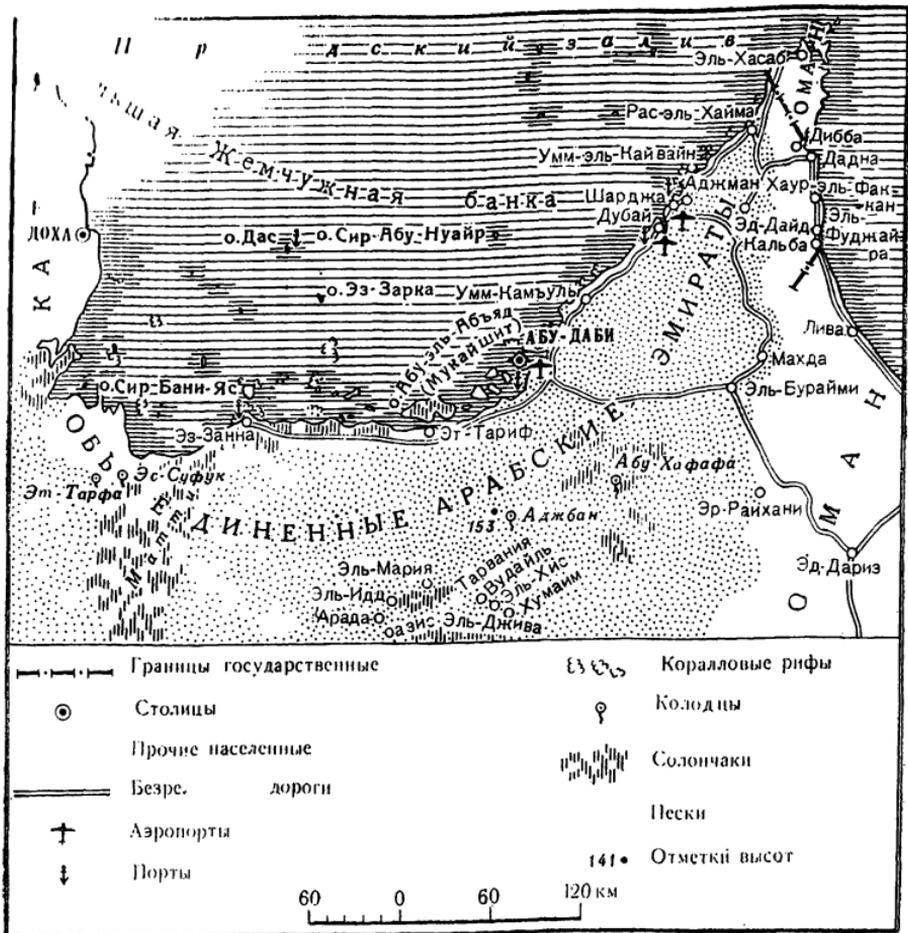
как змеи, водяных трубках, лежавших на коврах. Женщины затягивались не хуже мужчин. В светильнике с древесным углем тлел ладан, издавая приятный, тонкий аромат. Хозяйка дома внесла *кишр* в маленьких чашках. Веселый, оживленный гарем отлично провел время. Я чувствовала себя так, словно находилась в мире сказок «Тысячи и одной ночи».

Нефтяной Клондайк на Пиратском берегу

— Когда я приехал сюда семь лет назад, — сказал мне господин Куади, директор магистрата Абу-Даби, — здесь ничего не было, кроме древней башни, дворца эмира и полутора десятков *барасты* * на песчаном берегу. На базаре для пропитания можно было купить только финики и немного сушеной рыбы. Не было даже питьевой воды. Ее привозили на лодках с какого-то соседнего островка.

«Сегодня, — думала я, слушая Куади, — это столица самого богатого государства в мире, если мы за такое признаем государство с самым большим доходом на душу населения».

Я смотрела на Абу-Даби вместе с одним из его «отцов», строящего относительно его далеко идущие планы, с террасы высокого здания, возведенного, как и весь город, совсем недавно. Точнее говоря, это был еще не город, а его контуры, вернее, скелет будущих городских агломераций, кое-где уже обросший «мясом» — современными домами, резиденциями нефтяных компаний и банков, легкими белоснежными виллами, заасфальтированными улицами и даже травой и деревьями. Однако в городе преобладали строительные леса. Появились кварталы домов из бетона и стали, кругом копали котлованы под фундаменты, монтировали оборудование, разгружали ящики со строительными материалами и машинами. Абу-Даби напоминал мне гигантскую строительную площадку, где посторонним вход воспрещен не

Объединенные Арабские Эмираты

только потому, что они мешают работе, но и ради их же безопасности: они могут упасть в котлован, зацепиться за что-нибудь, заблудиться в кротовых траншеях, сломать или подвернуть ногу.

По правде говоря, эти улицы не что иное, как разъезженные машинами песчаные колеи, в которых нога утопает по щиколотку, как в пустыне. Шум машин и буров, сверлящих землю под будущие артерии коммуникаций, сопровождал меня в моих необычных прогулках по строящемуся городу, необычных еще и потому, что здесь не привыкли видеть гуляющую в одиночестве как белую женщину, так и женщину вообще.

Я приехала в Абу-Даби ночью. Мне прислали приглашение из министерства информации Объединенных Арабских Эмиратов, и, как одна из немногих представительниц Восточной Европы, я получила визу на въезд в это одно из самых молодых государств в мире (независимость эмираты получили 2 декабря 1971 года). Я подчеркиваю это специально, так как во времена, когда княжества Персидского залива находились под протекторатом Англии, ни один журналист из социалистической страны не мог получить визу для поездки в эти княжества с экзотически звучащими названиями, будящими мечты о далеких теплых морях, жемчужницах и кокосах. Немногим западным журналистам удалось пробраться в край песков, а в наше время нефти, так как это была необычная территория. На визовых формулярах можно было часто найти отметку, сделанную рукой чиновника, которая гласила, что «власти не отвечают за безопасность приезжего». Эта приписка станет понятной, если мы вспомним, что это был район кровавых бедуинских вендетт, где опасность грозила также и людям посторонним. Правители шейхств не хотели, чтобы кто-то писал про их внутренние дела, публиковал фотографии, говорил о жизни на восточных границах Руб-эль-Хали.

С моей поездкой в Абу-Даби также возникли кое-какие трудности, так как мне хотя и обещали визу, но посольство Объединенных Арабских Эмиратов в Кувейте не сделало соответствующей отметки в моем паспорте. В свою очередь, кувейтские власти не хотели меня отпускать без визы, ссылаясь на то, что в аэропорту Абу-Даби меня отошлют обратно на том же самом самолете. Однако все закончилось хорошо.

В Абу-Даби, в который я прилетела вместе с большой группой работников арабского радио и телевидения, прибывших на симпозиум по радиовещанию, меня встречал представитель министерства в коричневой *дишдаше* * и белом платке с черным *укалем* * на голове. Его звали Ламли. Он должен был поселить меня в отеле, что оказалось не таким-то простым делом, во-первых, из-за симпозиума, а во-вторых, потому, что отелей в Абу-Даби немного, а приток в столицу туристов огромный. Господин Ламли оправдывался тем, что мой визит был намечен на более раннее время, тогда и был забро- нирован мне номер, но я не приехала.

Поэтому остаток ночи я провела, изучая «ночную жизнь» Абу-Даби в поисках отеля. Город был погружен в глубокий сон, улицы пустынные и, за исключением центральной магистрали, не освещены. Наконец нашелся отель, а в нем свободный номер, но только с восьми утра. Однако ответственный за мою безопасность и... репутацию господин Ламли не хотел оставлять меня в одиночестве в холле гостиницы, где толпились мужчины. Они входили и выходили, пили кофе и пиво. Для женщины это было неподходящее место, поэтому он проводил меня в здание министерства информации, расположенное рядом с отелем, где я присидела в кресле до восьми часов.

Я поселилась в «Стрэнд отеле» на главной улице Абу-Даби, ведущей от аэродрома к центру города. Улица была заасфальтирована, но без тротуаров. Отель носил такое же название, как и одна из главных улиц Лондона, несмотря на то что владельцем отеля был ливанец. Привлекла его в Абу-Даби, как и многих других торговцев и предпринимателей из различных районов арабского мира, нефтяная лихорадка, которой обязан своим процветанием весь эмират. Все постояльцы этого отеля каким-то образом связаны с нефтью, эра которой началась в Абу-Даби несколько лет назад. Здесь живут европейцы, иранцы, индусы, пакистанцы, работающие по временным договорам. Они представляют английские, бельгийские и западногерманские фирмы, имеющие подряды на городское строительство. Есть среди них и бизнесмены, поставляющие строительные материалы. Они создают проекты, производят измерения, прокладывают новые улицы, подыскивают рабочих, следят за плановым строительством города, отпускают деньги, ассигнованные властями эмиратов, которые поставили перед ними задачу построить город, прекраснее которого еще не было на берегу Персидского залива.

Окна моего номера выходили на так называемое начало города: дворец правителя и древнюю, отреставрированную мечеть Нахайянов. Мечеть оказалась совсем рядом. В пять утра меня будило пение муэдзинов, усиленное мегафонами. По пятницам мечеть ярко освещалась, хотя в ней было не более многолюдно, чем в обычные дни.

Немного сохранилось в Абу-Даби древних памятни-

ков. На берегу моря, где когда-то прохаживались верблюды эмира, стоит старый дворец, окруженный глиняной стеной. Верблюдов угнали в другое место в пустыне. В круглых башнях-фортах остались старые португальские пушки. На окраинах города, в непосредственной близости от строящихся жилых кварталов, можно еще увидеть те *барасти*, о которых говорил Куади. Потом я видела их также в оазисах, прямо на голом песке и камнях. В них жили бедуины в ожидании новых жилищ и люди с еще не определившимся статусом гражданства. Семьи здесь ведут жизнь такую же, как и в пустыне, — кочуют со стадами коз и овец. Женщины, одетые во все черное и с закрытыми лицами, не ходят за водой к колодцам в пустыне, так как их там попросту нет, а пользуются общественным водопроводом на современной улице. Воду доставляют за 160 километров из оазиса эль-Бурайми.

Западня корсаров

Персидский залив называют в арабских странах и обозначили на древнейших картах мира Арабским заливом. Трудно себе представить более неприветливое для человека место, чем эта прибрежная полоса, для которой характерны высокая температура с мая по сентябрь и высокая влажность, доходящая до 100 процентов. Кроме того, прибрежная полоса на значительном пространстве лишена хорошей питьевой воды. Зато здесь в избытке есть нефть. Можно даже сказать, что Персидский залив «стоит на нефти». Самые лучшие и самые дешевые месторождения находятся на прибрежных островах, вокруг лагун и коралловых рифов. Все, что здесь не нефть, то соль. На многие километры протянулись солончаки. Кругом океан воды, но нет ни одной капли, пригодной для питья. Соленые воды богаты рыбой и жемчужницами. В летние месяцы, когда вода наиболее теплая, это привлекает в Абу-Даби бедуинов, занимающихся ловлей рыбы и добычей жемчуга. Дары моря до 50-х годов были почти основным доходом правителя княжества Абу-Даби, шейха из рода Нахайянов, а также других правителей бывшего Договорного Омана.

Это пустынное и печальное побережье, пестрящее

руинами древних корсарских крепостей, независимо от того, смотреть ли на него с нового моста, соединившего остров Абу-Даби с материком (до 1958 года на него переправиться можно было только на лодке), или с высоты птичьего полета, носило совсем другое название — Берег пиратов или Берег разбойников. С незапамятных времен пиратство мешало судоходству на оживленном морском пути. Вблизи современных княжеств лежали богатые и плодородные земли Месопотамии и зеленая долина Инда. Долины рек Тигра и Евфрата представляли некогда центр высокоразвитой сельскохозяйственной цивилизации, поддерживающей контакты с дальними странами на востоке и западе, севере и юге. Сельскохозяйственные районы Месопотамии были бедны металлом, деревом и камнем. Их привозили из Индии и Дальнего Востока, а также из Юго-Восточной Азии. Нужно было обеспечить безопасное судоходство, так как уже в это время на море свирепствовали пираты. Кодекс Хаммурапи (XVIII век до н. э.) предусматривал меры, которые следовало предпринять для обуздания пиратства, и определял меру наказания. Несмотря на это, в районе побережья пираты продолжали совершать нападения и грабежи, так как его естественные очертания как бы способствовали пиратству, хотя пиратский промысел не был изобретением жителей этого побережья. Занимались этим ремеслом народы и других приморских стран, не исключая самой Англии, которая может похвастаться самым прославленным пиратом в истории корсарства, каким был капитан Фрэнсис Дрейк, удостоенный королевой Елизаветой I дворянского титула «сэр».

Пираты побережья Персидского залива собирались главным образом вокруг мыса Рас-Мусандам и узкого, шириной в 40 километров, Ормузского пролива, представляющего собой как бы горловину Персидского залива. В этом месте они нападали на корабли, грабили и уничтожали суда, идущие также и под английским флагом в Индию. С корсарами было очень трудно справиться, так как их корабли скрывались в бесчисленных атоллах, за полуостровами, во внутренних заливчиках и в лабиринтах каналов. Благодаря пиратству в XVIII веке возросло могущество государства аль-Кавасим, занимавшего значительную часть современной территории Объединенных Эмиратов. Основу аль-Кавасима состав-

лял эмират Рас-эль-Хайма, расположенный на границе с Оманом. Династия аль-Кавасим правит там и по сию пору.

В конце концов англичане положили конец пиратству, угрожающему судоходству на торговом пути в Индию. В 1820 году с аль-Кавасимом был заключен мирный договор, по которому он прекращал пиратскую деятельность по отношению к английским кораблям. В 1853 году этот договор был дополнен соглашением о запрещении торговли невольниками, которой пираты занимались в свое время не в меньших масштабах, чем известные европейские колониальные державы. С тех пор бывший Пиратский берег стал называться Договорным Оманом или Договорным берегом. Англия, довольная тем, что на пути в Индию воцарился мир, уже меньше интересовалась тем, что делалось внутри шейхств. Ее беспокоили другие, более важные дела в ее обширной империи, а не район Персидского залива. Он имел главным образом стратегическое значение, поэтому Англия ограничилась открытием здесь своих консульств. Из Шарджи и Дубая английские губернаторы сообщали в Лондон о том, что происходило на побережье.

А происходило здесь многое, так как жизнь кочевых племен в районе Персидского залива нельзя было назвать легкой, впрочем как и во всей Аравии. Наиболее частыми поводами к спорам служили *дира* *, а также колодцы, права на которые предъявляли отдельные племена. Они могли разрешить некоторое время пользоваться пастбищами другим племенным группам за назначенное вознаграждение или же навсегда оставляли за собой право на *дира*. На этой почве происходили многочисленные столкновения и совершались нападения, а также процветала кража скота, что имеет место и по сей день. Соперничество бедуинских шейхств имело также и другую, религиозно-великодержавную подоплеку. Весь XIX век был периодом экспансии на восточные рубежи Руб-эль-Хали предводителей фанатичного пуританского движения ваххабитов с территории современной Саудовской Аравии. Под лозунгом возвращения к идеям чистого, первоначального ислама они пытались овладеть восточным побережьем Персидского залива, как ранее они сделали со Средней Аравией и восточным побережьем Красного моря. Они забрали у хашимитов ²¹

Мекку и Медину, священные города ислама. Ваххабитское влияние было очень сильно в некоторых районах Персидского залива, например в современном княжестве Рас-эль-Хайме, так как мусульманский фанатизм ваххабитов поощрял пиратство по отношению к кораблям неверных.

Однако с ваххабизмом боролись завоеванный ибадитами²² Оман и другие суннитские мини-государства Пиратского берега. Поэтому войны, грабежи и бандитские нападения обильно наводнили историю последних двух небольших государств Персидского залива точно так же, как это имело место в большем или меньшем масштабе в Йемене и Хадрамауте. Войны продолжались практически до 50-х годов нашего века, причем самыми яростными соперниками в объединенном в наши дни государстве эмиратов всегда были Абу-Даби и Дубай, а также Абу-Даби и Шарджа.

Это удивительно потому, что Абу-Даби и Дубай можно было бы назвать братскими эмиратами, так как их правящие династии происходили из того же самого племени аль-буфаласа, которое принадлежит к крупнейшему племенному союзу Пиратского берега Бани-Йас. Члены племенного союза настолько чувствовали себя не в своей тарелке, когда находились вместе, что вели постоянные войны друг с другом. Так, например, предводитель одного из родов, а именно рода аль-Мактум, Ибн Бути поселился в Дубае с 800 приверженцами и отказался платить дань своему брату из Абу-Даби. Это произошло в 1833 году. С этого времени отсчитывается отделение Абу-Даби от Дубая и не прекращаются братоубийственные войны. Войны продолжались месяцами и даже годами и прерывались только на молитвы и месячный пост рамадан. Пушечных ядер было так мало, что ежедневно после вечерней молитвы после захода солнца провозглашалось «перемирие», чтобы воюющие стороны могли... собрать ядра. На следующий день их снова использовали в военных действиях.

Нет ничего удивительного в том, что, когда в 1971 году Англия ушла из Персидского залива, никто не предсказывал не только спокойной, но даже долгой жизни провозглашенной федерации. В том, что федерация удержалась, огромная заслуга правителя Абу-Даби, самого богатого шейха эмирата Заида.

Жители Абу-Даби ведут свою историю с 1761 года, когда группа людей кочевого племени Бани-Йас переправилась на островок, населенный, как об этом свидетельствует название, газелями («абу-даби» означает «отец газели»). Обнаружив пресную воду, люди решили поселиться там и построили *барасти* среди немногочисленных финиковых пальм. Первым их правителем, заложившим в Абу-Даби столицу, был Зияд ибн Иса, внук Нахайяна, основатель правящей по сию пору династии из клана аль-буфаласа. Прошлое Нахайянов — тема многочисленных бедуинских сказаний. В них повествуется не только о героизме, но и о жестокости, а также о *дийя*.

У Абу-Даби есть свои герои. К ним принадлежит Шахбут бен Зийяд, правивший на стыке XIX и XX веков. Он расширил границу Абу-Даби и развил промысел жемчуга. Но впоследствии он отказался от власти в пользу своего сына и ушел в пустыню, чтобы вести там жизнь простого бедуина. Другим человеком, жившим на грани легенды и действительности, был шейх Заид бен Халифа, которого прозвали Великим, дед нынешнего правителя. Он правил в Абу-Даби довольно долго — пятьдесят четыре года (1855—1909). Авторитет шейха Заида был так велик, что ни один враг не осмелился отстранить его от власти, как было с его предшественниками и наследниками. Шейх Заид проводил мудрую политику союза не только с друзьями, но и с врагами. Он помирился с Дубаем и отодвинул восточные границы Абу-Даби до тех пределов, где они находятся сейчас, то есть до полуострова Катар. Рассказывают, что он ловко стрелял с верблюда, участвовал в лихих скачках по пустыне, которые так любят бедуины, а также в соколиной охоте. Он следил за состоянием оросительных каналов в оазисах и строительством судов для ловли жемчуга. В его правление Абу-Даби стал важным торговым центром по продаже жемчуга. Четвертая часть служащих для ловли жемчуга *самбуков* принадлежала правителю Абу-Даби. Шейх Заид поддерживал контакты с богатыми торговыми домами Европы, скупавшими жемчуг. Богатые европейские дамы мечтали о

настоящем жемчуге из Персидского залива, поэтому шейх имел солидный доход от его продажи.

Но вот пришли для Нахайянов тяжелые времена. Жемчуг не приносил им больше счастья. Наследство, оставленное Заидом бен Халифой Великим, поделила королевская семья. На Аравийском полуострове трон никогда не переходил к старшему сыну автоматически. Он переходил к наследнику, который сумел завоевать себе популярность и избирался *маджлисом* *. В таких условиях дело нередко кончалось войной или убийством. Из четырнадцати правителей, предшествовавших нынешнему эмиру, только трое умерли естественной смертью. Остальные погибли при различных известных и неизвестных обстоятельствах.

Однако то, что произошло после смерти Великого Заида, привело даже бедуинов, привыкших к *дийя*, в состояние шока. Сюжет, достойный пера Шекспира. Из пяти сыновей Заида бен Халифы трое были убиты. Обычно это делалось во время пиров, в «атмосфере братской сердечности», или во время соколиной охоты. В 1922 году шейх Хамдан, приглашенный на обед, получил пулю в спину от руки своего брата Султана. Три года спустя, когда Султан поднимался по лестнице башни дворца, чтобы помолиться перед заходом солнца, его точно таким же образом застрелил брат Сакр. Сакр, в свою очередь, был убит людьми Султана прямо у дверей своего дворца. После смерти трех братьев остался в живых Халифа, но он предусмотрительно, желая сохранить свою жизнь, отказался от трона в пользу своего племянника, шейха Шахбута. Но он мог не опасаться мести брата или дяди, так как годами находился за пределами Абу-Даби. Черная цепь братоубийств прервалась.

Это произошло в 1928 году. Шейх Шахбут, носивший то же имя, что и один из первых Нахайянов, счастливо правил до начала нефтяной эры, точнее, до 1966 года — исключительно долго для правителя династии Нахайянов, лишь немного меньше бен Халифы Великого. Насколько он обязан в этом своей ловкости и таланту разряжать семейную обстановку, а насколько — своей матери Саламе (умерла в 1970 году), останется тайной. Салама, используя то влияние и уважение, какими пользуется в патриархальном обществе мать, призвала всех

своих четырех сыновей, братьев Шахбута, и приказала им поклясться Аллахом, что они не будут отнимать друг у друга власть и убивать друг друга. Братья сдержали клятву.

Факт остается фактом, что Абу-Даби облегченно вздохнул после правления братоубийц, но немаловажную роль здесь сыграл также жемчуг, а вернее, крах на жемчужном рынке. В 30-х годах нашего века произошел резкий спад потребности на натуральный жемчуг, добытый в Персидском заливе. Выращенный искусственным путем японский жемчуг победил в конкурентной борьбе более дорогой натуральный, который можно было добывать только в определенное время года. К тому же ловля была малорентабельна. Иногда из 1000 жемчужниц только одна содержала жемчужину. Ловец жемчуга подвергал свое здоровье и даже жизнь большой опасности, так как Персидский залив кишит акулами. Доходы Шахбута значительно сократились, и, возможно, именно это спасло ему жизнь, но зато не спасло жизнь последнему крупному купцу в Абу-Даби, индусу по происхождению, который был владельцем *самбуков* и снаряжал команды на ловлю жемчуга. После смерти индийского купца в 40-х годах был положен конец ловле жемчуга в промышленном масштабе. Но вскоре жемчуг заменила нефть.

Шахбут был последним эмиром старой эпохи Абу-Даби. Тезка великого Шахбута, расширившего 150 лет назад границы племенного государства, приверженец пустыни, он был противником всего нового. Очень любил поэзию и соколиную охоту и неодобрительно относился ко всем новинкам, которые могли изменить патриархальную жизнь бедуинского общества. Шахбут любил собирать людей на *маджлис*, беседовать с ними, слушать их замечания, принимать подарки и дарить сам. Уилфред Тэсиджер, навестивший шейха Шахбута в конце 40-х годов, за несколько лет до нефтяного бума, когда велась только разведка нефти, пишет, что он жил в глинобитном дворце, построенном на песке рядом с *барасти*, ходил в обыкновенной белой *дишдаше* и *куфши* * с черным *укалем* — шнурком на голове, как рядовой член оседлого племени Бани-Йас. Единственным изысканным элементом его одежды была джамбия, оправленная чистым золотом. Шейх привык ходить по деревне, каковой

в то время был Абу-Даби, один и лишь иногда его сопровождала вооруженная гвардия. Он долго противился соединению острова с материком. Даже когда с прибрежного островка Дас около Абу-Даби и пустынных полей Мурбан потекла нефть, он все равно был против строительства моста, который заменил бы лодочную переправу. Шейх не любил автомобилей и предпочитал верблюдов, не любил роскошные дворцы и жил в старом доме из глины, несмотря на то что Абу-Даби уже перестал быть поселком рыбаков и ловцов жемчуга.

Сейчас в Абу-Даби рассказывают настоящие легенды с его страхе перед растущим денежным потоком, с которым он не знал что делать. Может быть, он все еще не верил в верность клятве, которую его братья дали своей матери Саламе, и боялся разделить судьбу своих дядей. Говорят, что он даже пытался ограничить добычу нефти, разрешив представителям компании забрать только ту нефть, которую они получили в обмен за сделанные инвестиции, и предложив им оставить Абу-Даби в покое. Любитель жизни в пустыне, куда он удалялся влажным душным летом из Абу-Даби, Шахбут недооценивал значения денег в современной жизни; он не знал, что с ними делать, и держал их первое время в бочках из-под нефти у себя под кроватью. Причем самой устойчивой валютой ему казались индийские рупии (которые издавна были в обращении на побережье), а не английские фунты или американские доллары.

Если же шейх Шахбут соглашался выдать немного денег на какое-нибудь строительство, то позднее отказывался от этого. Когда в Абу-Даби построили опреснительную установку, шейх не захотел пить эту воду и твердил, что соленая вода лучше. Он не соглашался на открытие почты в Абу-Даби, а когда наконец разрешил, то почтовые марки приходилось привозить из Омана, так как шейх запретил печатать марки в Абу-Даби. Вечно с ним были одни неприятности. Если его удавалось уговорить и он давал согласие на реализацию какого-нибудь проекта, то на следующий день отказывался от своего слова. Он не хотел строить новые дороги через пустыню к нефтяным месторождениям, так как считал, что они не нужны верблюдам, и отказывался от строительства современного аэродрома — боялся наплыва иностранцев.

Но тем не менее Шахбут собирал деньги как примитивный скупец, который хранит их в пресловутом чулке. Они были атрибутом его высочайшего положения в обществе, представлявшем собой «демократию родственников», так как, по понятию арабов пустыни, племя — это расширенная семья. Начиная с 1962 года, когда хлынули на поверхность первые тонны нефти в Абу-Даби, все деньги шли шейху. Он приказал складывать их в самых темных и хорошо охраняемых комнатах своего дворца. Там он лично упаковывал их в бочки из-под нефти и в ящики. Его невозможно было уговорить отдать их в банк. Он не доверял ни чекам, ни счетам и лично ходил проверять свои банкноты.

Шахбут оказался весьма обременительным партнером не только для нефтяных компаний и английского резидента, который, как только нефтяная лампа Аладина засветила над Абу-Даби, перенес сюда свою резиденцию, но и для семьи Нахайянов. Она была недовольна скупостью правителя, желала жить лучше, современной и богаче по примеру тех государств Персидского залива, где нефтяной бум начался значительно раньше, — Бахрейна, Катара и Кувейта. Приложили ли англичане руку к устранению Шахбута? Одни говорят, что да, другие — нет. Может быть, и нет, но его уход они встретили вздохом облегчения. Исчезла мешающая преграда. На этот раз семья Нахайянов не прибегла ни к кинжалу, ни к какому-либо другому оружию смерти. Просто семейный совет в 1966 году постановил, что Шахбут должен оставить трон, и на его место был избран его брат, правитель оазиса Бурайми, который был моложе Шахбута на пять лет (родился в 1908 году). Члены семьи правителя Абу-Даби ощутили вкус обладания большими деньгами.

В блеске нефтяного величия

Для Абу-Даби началась новая эра. Шейх Заид, племянник Заида бен Халифы Великого, сразу взял бразды правления в свои энергичные руки. Во времена правления Шахбута арендная плата, которую выплачивали нефтяные компании правителю страны за добычу нефти, была минимальной и составляла 12 процентов,

но уже в 1966 году она возросла до 30 процентов. Из года в год увеличивалась добыча нефти. Абу-Даби выдвинулся в ряды крупнейших в мире производителей нефти. Если в 1962 году он занимал одно из последних мест в мире, то в 1972 вышел на 12-е место в мире и на 5-е на Ближнем Востоке²³. В 1973 году доходы Абу-Даби от нефти превысили 3 миллиарда долларов. Если эту сумму соотнести с количеством жителей, то она окажется огромной. На 1973 год Абу-Даби насчитывал немногим более 100 тысяч жителей. Однако из этого числа следует исключить всех иностранцев, привлеченных сюда золотым миражем²⁴. У них нет гражданства. Они работают здесь по контрактам. На одного местного жителя приходится несколько иностранцев. Теоретически местный житель равноправен с шейхом в использовании нефтяных богатств.

Перед нефтяным бумом на островке Абу-Даби насчитывалось около 5 тысяч человек, из которых 2 тысячи — бедуины, жившие там только летом во время ловли жемчуга. Ничего нет удивительного в том, что шейха Заида называют крезом арабского мира. Он самый богатый человек не только в федерации, но и во всем этом районе, где нефть и деньги являются решающими в споре за власть.

О шейхе Заиде в Абу-Даби говорят только в превосходной степени. Все восхваляют его талант политика и экономиста, подчеркивают, что он неплохой бизнесмен и при этом, что немаловажно, пользуется большой популярностью у бедуинов. О нем говорят: «Заид — бедуин. Он знает толк в верблюдах, умеет стрелять и ездить, как мы. Он знает различные приемы борьбы». Такое признание — большое дело в обществе кочевников, где авторитет добывается прежде всего за счет личных качеств, а такой авторитет непререкаем.

За время правления шейха Заида Абу-Даби быстро изменил свой облик. Это один из уголков мира, который благодаря огромному спросу на энергетическое сырье делает головокружительную карьеру. Если бы не нефть, Абу-Даби и дальше жил в ритме библейского Авраама. В этот мир пустыни пришла эра денег, а с ней вожделение нефтяных монополий, старающихся наложить свою руку на месторождения «черного золота» Персидского залива. Сокровищница этого золота в Абу-

Даби считается одной из самых богатых на Ближнем Востоке ²⁵.

Достижения Абу-Даби за время правления шейха Заида впечатляющи. Строительные компании, приглашенные эмиром в Объединенные Арабские Эмираты из Бельгии, Италии и ФРГ, воздвигли в пустыне современный город. Планы на ближайшее время предусматривают дальнейшее расширение метрополии, достойное нефтяной державы, добыча нефти в которой должна возрасти в течение ближайших лет до 100 миллионов тонн.

В Абу-Даби уже построено несколько современных улиц с канализацией. По водопроводам подается в дома неплохая вода. Появились широкие путепроводы. Шестикилометровый приморский бульвар, придающий городу своеобразную красоту, приравнивают к средиземноморскому корсо. Многочисленные виллы, которые будут принадлежать людям, еще ведущим кочевой образ жизни, растут как грибы после дождя. Девизом шейха стала поговорка: «Деньги не представляют никакой ценности до тех пор, пока они не используются для счастья людей». Шейх Заид стремится быть дальновидным правителем, который заботится о нуждах своего народа не хуже легендарных правителей первых лет ислама, чьи идеализированные образы описаны в сказках «Тысячи и одной ночи». Поэтому в Абу-Даби строят очень много, может быть, даже слишком много. «Эмиры — отличные клиенты, — сказал как-то один бельгийский предприниматель. — Уличные фонари они разрешают нам устанавливать через каждые десять метров... И не надо экономить деньги».

За период с 1968 по 1972 год сделано капиталовложений на 300 тысяч динаров, то есть около 100 миллионов долларов в стране с 50-тысячным населением. Говорят, что по меньшей мере 80 процентов дохода от эксплуатации нефти возвращается в западные страны, представители которых вкладывают здесь свои капиталы, поставляют оборудование и потребительские товары, автомобили и т. п. Пресловутый «кадиллак», который здесь меняют так же часто, как модники одежду, стал своего рода символом; то же можно сказать о строительстве различных нужных и ненужных объектов.

Множество автомобилей французского, японского и итальянского производства снуют по улицам Абу-Даби.

Многие из них принадлежат предпринимателям и нефтяникам, работающим на острове Дас, который пропитан нефтью. Несколько тысяч людей живут на нефтяной сокровищнице, думают о нефти, живут за ее счет и делают на ней деньги. Бывают дни, когда сливки многонационального общества Абу-Даби можно увидеть почти в полном составе, например во время уик-энда, происходящего здесь на конец мусульманской недели, то есть на четверг. Клуб нефтяников до завоевания независимости могли посещать только европейцы, сегодня он открыт и для жителей Абу-Даби. Одни приходят сюда в европейской одежде, другие — в *дишдашах*. Это единственное место, где можно публично пить спиртное (правда, его подают еще клиентам «Палм Бич Отель»). Несмотря на то что Аллах запретил употреблять спиртные напитки, в этом интернациональном обществе, где оперируют миллионами, запрет не играет никакой роли. Уже существует проект создания в Абу-Даби казино для игры в рулетку, как по другую сторону Персидского залива, в Иране. Казино наверняка откроют, так как доходы растут.

Удивительный это город Абу-Даби, нефтяной Клондайк. За строительными площадками и финансово-нефтяным центром расположились тихие элегантные жилые кварталы, где живут нефтяники. Женщины почти не встречаются на улицах. В учреждениях тоже работают только мужчины. Лишь в министерстве социального обеспечения я встречаю одну или двух женщин. Однако они не коренные жительницы Абу-Даби, а египтянки. Если женщина войдет в магазин, филиал торгового дома (чаще всего бейрутского), с открытым лицом и в европейском платье, то это наверняка будет египтянка, иорданка или палестинка.

Некоторые дома пустуют. Должно быть, они ждут хозяев. Может быть, они еще не прибыли из пустыни? Иногда коренные жители сдают свои дома палестинцам или иорданцам, которые являются основной квалифицированной рабочей силой как в Абу-Даби, так и в других шейхствах, входящих в состав Объединенных Арабских Эмиратов. Сами же они дышат еще воздухом пустыни. Им трудно смириться с мыслью, что они перестанут быть *бадв* — кочевниками и станут *хадар* — оседлыми людьми.

Однако некоторым бедуинам городская жизнь пришлась по вкусу. Они поселились вместе со своими семьями в новых домах, распрощались с верблюдами, пересели в «кадиллаки», иногда даже с кондиционерами. Мне показали школы Абу-Даби. Как и город, они построены в последние годы, после ухода со сцены шейха Шахбута. В начале 1966 года во всем эмирате Абу-Даби было только пять начальных школ. Сегодня их несколько десятков, и учатся в них не только мальчики, но и девочки. В федерации, насчитывающей 300 тысяч жителей, в 1974 году ходило в школу свыше 60 тысяч учеников. Скоро будет введено всеобщее обязательное обучение детей.

Экономический подъем — так можно охарактеризовать жизнь современных жителей Абу-Даби, граждан этой страны.

Правда, на окраинах сохранилось много *барасты*. Но, как мне сказали, они исчезнут в ближайшие месяцы. Нет места трущобам и шалашам в городе, который так чудесно осветила волшебная лампа Аладина.

Министерство информации выделило мне шофера, Мухаммеда, который возил меня в течение дня по различным учреждениям. Найти какой-либо адрес было не легким делом, так как Мухаммед ненамного лучше меня ориентировался в городе, затаянтом в корсет лесов. Часто мы возвращались ни с чем, не найдя нужное учреждение, и по телефону выясняли дорогу к нему. К счастью, телефоны, как городские, так и иногородние, здесь работают отлично. Благодаря спутниковой связи можно соединиться почти с любым пунктом на земном шаре.

Однако в оправдание Мухаммеда я должна сказать, что он только несколько недель жил в Абу-Даби, сменив традиционную бедуинскую *дишдашу* и клетчатую *куфию* на брюки и рубашку. Как большинство его соотечественников, он прибыл прямо из пустыни. Эти люди осаждают учреждения в Абу-Даби, созданные якобы для того, чтобы выплачивать им пенсию. Члены правящей семьи получают самую большую долю с национального богатства, но и те, что стоят вдали от трона, тоже получают свою часть. По арабской традиции хорошим правителем считается не только тот, кто берет, но и тот, кто дает. Как мне сказали, размер пенсии иногда превышает

(в основном это зависит от занимаемого поста) заработную плату квалифицированных специалистов, представителей других арабских стран, выполняющих здесь наиболее важные работы. Они наряду с индийцами, иранцами и пакистанцами являются настоящим мозгом страны. Именно благодаря им в Абу-Даби забил нефтяной фонтан.

Уик-энд в Эль-Бурайми

Эра нефти наступила в районе Персидского залива несколько десятилетий назад, с того момента, как стали добывать нефть в Иране и в Ираке. Но только эксплуатация нефтяных месторождений в государствах Персидского залива — Кувейте, Бахрейне и ОАЭ — в связи с растущей потребностью мировой промышленности в энергетическом сырье превратила этот район в нечто подобное Рурскому бассейну. Прибрежная полоса здесь исключительно мрачная. Разнообразят ее только развалины корсарских крепостей. Она лишена воды и растительности. Это одно из тех мест, которые вызывают в воображении картины ада: песок, соленая вода, голые скалы и раскаленное небо над головой. Сегодня в этот мертвый пейзаж вписались современные конструкции из железобетона, аэродромы, построенные прямо в пустыне; многорядные транспортные артерии, освещенные по ночам лампами дневного света; факелы пылающего у самого моря подземного газа. Да и сам Персидский залив, откуда каждые 12 минут отплывает танкер с нефтью на восток или на запад — в Японию или в Европу, а также в Соединенные Штаты, — не напоминает больше ту таинственную акваторию, которая, по рассказам очевидцев, изобиловала коралловыми рифами и жемчужницами (последние здесь еще добывают). Буровые вышки выросли на островках в сотнях лагун, корабли-гиганты, с которых ведется добыча нефти, покачиваются скорее на черных, чем на голубых волнах залива. Нефтепроводы и насосные станции для выкачивания нефти с морского дна заполняют море, как выразился один инженер-нефтяник, подобно гигантским спагетти, из-за чего эта акватория уже сегодня считается самым загрязненным местом в мире.

По четырехрядной, освещенной по вечерам неоновым дорожке я еду в глубь Абу-Даби, в восточном направлении, где находится оазис Бурайми. Машину ведет Рашид, телевизионный репортер из Абу-Даби. Рядом с ним сидит его жена с маленьким сыном. Семья Рашида живет в Абу-Даби недавно. Сам он — египтянин, она — палестинка. Его жена занимается живописью. Она показывала мне свои акварели. Во время моего пребывания в Абу-Даби они активно занимались благоустройством квартиры, которую недавно получили в доме на еще не законченной улице, утопающей в песке.

Мы проезжаем мимо великолепного аэродрома, одного из самых современных на Ближнем Востоке, пригодного для приема реактивных самолетов.

Аэродром украшен флагами всех арабских стран по случаю упомянутого уже мной конгресса работников арабского радиовещания. Перед аэродромом в голой пустыне — цветники и бассейн с водой. По дороге в оазис Бурайми я отмечаю и другие признаки благосостояния или скорее нефтяного бума, преобразующего пустыню.

На всем 160-километровом участке дороги, ведущей в Аль-Айн, главный поселок оазиса Бурайми, который называют также второй столицей Абу-Даби, не только стоят фонари, но и высажены деревья и разбиты газоны. Эти деревья, а иногда и целые тамарисковые рощи по соседству с песчаными дюнами — настоящий вызов природе, пустыне, наступающей днем и ночью со всех сторон. Рашид говорит, что, когда дует *шамаль*, северный ветер, за несколько минут на шоссе образуются заносы. Как у нас снежные заносы, так и здесь песчаные бури, засыпающие шоссе, представляют очень большую опасность на дорогах, но не единственную. Дорожные знаки запрещают развивать большую скорость из-за верблюдов, которые, не обращая внимания на эру автомобилей в пустынях Абу-Даби, переходят дорогу где им вздумается.

Мы видим, как верблюды медленно и величественно шествуют, нагруженные вязанками хвороста, собранного в местах, где есть вода, ветвями акации и колючего кустарника. Иногда на них восседают жена бедуина и дети. Бывает, что они идут вдоль шоссе. Сейчас начало весны. После зимних дождей, наиболее интенсивных в ноябре и декабре, пустыня покрывается кое-где травой.

и цветами, соответствующими этой географической широте, которые пропадают уже в мае, когда начинается жаркое лето. Зима и весна — период откочевки бедуинов в пустыню к *дира*, местам выпаса скота, с козами, овцами и верблюдами. Кочевники отправляются в пустыню, чтобы в начале мая вернуться к оазисам и переждать самую сильную жару.

Место, где я нахожусь, римские историки называли Аравией Пустынной в отличие от Аравии Счастливой и Аравии Скалистой, расположенной к северу от Руб-эль-Хали. Древние историки делили Аравию на три части, принимая во внимание условия жизни населения и топографию района. Аравия Счастливая была краем сельскохозяйственной цивилизации, Аравию Скалистую населяли кочевники, а Аравия Пустынная представляла собой негостеприимный океан песка — Руб-эль-Хали.

Мы находимся на восточной границе Руб-эль-Хали. Со всех сторон нас окружают песок и мертвая пустыня. Шоссе, по которому мы едем, построено ценой огромных капиталовложений и поддерживается в надлежащем состоянии почти той же ценой (одна поливка деревьев и содержание газонов чего стоят). Оно пересекает местность, вид которой не менялся веками и которая в нашем сознании всегда ассоциируется с пустыней: волнистым морем песка, дюнами и сыпучими холмами, образующимися под действием ветра.

Бадия и аль-хадар

Песчаные просторы Аравии с незапамятных времен принадлежали кочевникам — *баде*, или *бадия*, как они называют себя сами, людям шатров, в противоположность *хадар*, то есть жителям домов, построенных из камня и глины, будь то в деревне или в городе. Арабы пустыни в большей степени сохранили чистоту расы по сравнению с жителями городов и деревень, сельскохозяйственных и торговых районов, которые завоевывались различными народами и где расцветали разные цивилизации. Когда в плодородных долинах Нила, Тигра и Евфрата возникали и приходили в упадок различные государства и культуры, в жизни кочевника Аравии Пустынной ничего не менялось. Он зависел только от вре-

мен года, а скорее вообще ни от кого не зависел, пас свой скот и контролировал дороги в пустыне.

Как и во всем районе Ближнего Востока, в Восточной Аравии сохранилось деление населения на две основные группы. Оно исторически обусловлено и связано с легендами о происхождении этих групп от Кахтана и Аднана. В то время как южные арабы, потомки Кахтана, создали доисламскую сельскохозяйственную цивилизацию, кочевники стали проповедниками ислама и огнем и мечом начали расширять мусульманскую империю. Язык северных арабов, кочевников, стал языком классической литературы, языком всего арабского мира, а южноаравийский язык был забыт. Религия, возникшая в Аравийской пустыне, стала господствующей на огромной территории от Атлантики до Китая, а арабская цивилизация, впитавшая достижения многих народов и государств, по сей день не утратила свою жизненную силу.

Хозяевами пустыни остаются *бадия* — люди шатров, кочевники. До нефтяной эры на просторах Восточной и Средней Аравии хозяевами дорог были воинственные бедуинские племена. Они решали, быть миру или войне в данном районе, усилить власть шейха или сместить его. Престиж бедуина был и остается очень высоким. Шейхи Абу-Даби, Дубая, Шарджи и Рас-эль-Хаймы всегда стремились добиться расположения бедуинских племен и заручиться их поддержкой. Они занскивали перед ними, задаривали подарками, часто брали в свои гаремы женщин-бедуинок. Иногда шейхам необходима была их помощь в войне с соседом или же они хотели обезопасить себя от их набегов. В многовековой истории пустыни никому не удавалось надолго подчинить себе кочевников.

Кочевые бедуинские племена, *бадия*, оставались хозяевами положения. С ними считались и их боялись как крестьяне оазисов, так и купцы, которые платили соответствующий налог вождю бедуинов за проход своих караванов в глубь Аравии. Жители оазисов поддерживали отношения с кочевниками, разрешали им выпустить скот на поля после уборки урожая, что представляло традиционную форму сосуществования земледельцев и кочевников. Кочевники, в свою очередь, защищали крестьян от нападения разбойников, которые чаще

всего представляли собой отбросы племенного общества, стоящие вне закона. Их выгнали из племени или семьи за запятнанную честь и считали умершими, поэтому им нечего было терять. Чаще всего именно они беспокоили жителей оазисов и кочевников.

Экономические и социальные преобразования, связанные с развитием добычи нефти в Персидском заливе, положили конец беспорядку жизни и скитанию свободных, ни от кого не зависимых бедуинских групп, вызвали волнения в не замутненной за столетия и даже тысячелетия жизни пустынных племен.

Развитие добычи нефти требует новой рабочей силы, пополняемой в настоящее время из Ирака, Пакистана или Ирана. Однако постепенно бедуины будут включаться в цивилизованную жизнь эмиратов Персидского залива, как это частично произошло в соседней Саудовской Аравии, правительство которой расселило кочевников по деревням, превратив их в *хадар*. Власти эмиратов также взяли под свой контроль дороги, где раньше господствовали воинственные племена, занимавшиеся *газвом* — грабежом и разбоем.

В 100 километрах от Абу-Даби начинаются села *хадар*. Каменные дома довольно удобны, снабжены электричеством и водой. Строят здесь также школы и центры здоровья. Не жалеют затрат на строительство деревень у новых или хорошо известных источников воды, бедуинских колодцев, находящихся на пути традиционных переходов. Рядом с селениями растет «искусственный лес»; каждое дерево поливают, каждое дерево имеет свою собственную ирригационную систему, благодаря чему десятки людей имеют здесь работу.

Кое-где перед домами стоят даже автомобили. Кочевник сравнительно легко привыкает к автомобилю, особенно если это подарок самого шейха, и не считает работу шофера в каком-нибудь министерстве унижающей его достоинство независимого хозяина пустыни. Другое дело, если надо работать под началом у чужого, европейца или даже азиата, человека другой веры.

Аль-Айн — жемчужина пустыни

Движение на трассе Абу-Даби — Эль-Бурайми весьма оживленное. Ежеминутно нас обгоняют большие легковые автомобили, едущие с огромной скоростью.

Один из «кадиллаков» белого цвета принадлежит, как мне сказал Рашид, сыну шейха Заида. Штраф никто не взимает, несмотря на то что дорожные знаки на шоссе запрещают развивать слишком большую скорость, но, как правило, машины мчатся со скоростью свыше 120 километров в час. Любителей больших скоростей не останавливают даже останки разбитых машин на обочине шоссе. Кто здесь думает о правилах движения? Кому они нужны? Жители этого края часто еще в том же самом поколении, то есть 10—15 лет назад, пересели с верблюдов в «кадиллаки». Кто же учится управлять в пустыне верблюдом?

Близится заход солнца. Я люблю вечера в пустыне, когда небо на западе одевается в золотые и багровые тона, а песчаные дюны становятся как бы нежнее и мягко вырисовываются на горизонте. В эту пору автомобили останавливаются, и их пассажиры в *дишдашах* отбивают поклоны Аллаху на расстеленных ковриках. Это горожане, приехавшие в пустыню из Абу-Даби на уикэнд, чтобы провести ночь в привезенной с собой палатке.

Мы остановились рядом с автомобилем, в котором приехала бедуинская семья: мужчина и две женщины в черных праздничных, украшенных вышивкой платьях, с татуированными лицами и браслетами на руках. С ними были дети. Мужчина так и не дал вразумительного ответа, что за женщины приехали с ним — то ли жены, то ли жена и сестра. Они угостили нас кофе из термоса. Кофе был хороший, крепкий и пах кардамоном — сушеными зернами растения, произрастающего в далеком Сиккиме²⁶. В арабских странах кардамон добавляют в кофе. Кофе нас подкрепил, но на зубах скрипел песок, который ветер нес с дюн. Мужчина вспомнил, что пришло время вечерней молитвы, *салата*, и обмыл руки водой из другого термоса. Сидя в автомобиле, мы смотрели, как он отбивал поклоны о песок. Привязанность к традициям — отличительная черта повседневной жизни кочевника и горожанина.

Уже становится темно, когда мы подъезжаем к освещенной электрическими огнями круглой площади Аль-Айна. Вдоль шоссе стоит ряд одинаковых домов. В городе много магазинов, есть кинотеатр. Современный город расположен посреди голой пустыни, правда не та-

кой уж голой. Аль-Айн снабжается водой, благодаря чему зеленеют скверы и цветут цветы.

Мы едем в отель «Хилтон», предоставленный на несколько дней делегатам, прибывшим в Абу-Даби на упомянутый конгресс работников радиовещания. Отель суперсовременный — название говорит само за себя. Двери отеля открывают вход в иной мир в буквальном и переносном смысле. В буквальном, потому что благодаря кондиционеру здесь царит приятная прохлада по сравнению с раскаленным воздухом пустыни, окружающей оазис. Иной мир «Хилтона» — это богатые бизнесмены из Абу-Даби и других арабских стран. Они приехали сюда по своим делам или на отдых, так как Аль-Айн — летняя столица эмирата Абу-Даби. Летом город пустеет, люди прячутся в оазисах. Так было всегда. Эту самую трудную пору года лучше провести в зеленых рощах Аль-Айна.

Отель «Хилтон» построен в неоарабском стиле, и подражании старым султанским дворцам: красивые лампы, колонны, арки, мозаика, пушистые ковры и сочетание с максимумом современного комфорта и роскоши, о которых даже не могли и мечтать прежние правители: кондиционер, телефоны, бассейны и т. п. Проживание в отеле «Хилтон» Аль-Айна, который принадлежит правительству (читай: шейху Заиду), несколько лет назад стоило около 70 долларов в сутки.

Аль-Айн лежит у подножия гор Хаджар. Горные хребты на горизонте уже принадлежат Оману. Оман, некогда захвативший два оазиса, сейчас предъявляет свои претензии на все районы пустыни, где есть вода. Такие же притязания выдвигает Саудовская Аравия, которая с трех сторон граничит с Абу-Даби. Эль-Бурайми — жемчужина пустыни, одно из самых древних населенных мест Аравии. Дожди, проливающиеся на горы Хаджар, впитывает равнина у их подножия, образуя богатейшие подземные хранилища воды. Вода Эль-Бурайми, которая слаще нектара, — основная тема бедуинских песен. Вдоль шоссе от Аль-Айна до Абу-Даби протянулся водопровод, доставляющий столице эмирата пресную воду, хотя часть воды город получает из опреснительных установок.

Новый Аль-Айн с рядами одинаковых каменных домов ничем не примечателен. Зато его старая часть пом-

нит далекое прошлое: войны в пустыне, торговлю невольниками, вторжение ваххабитов. Помнит она и недавнее прошлое, когда здесь правил шейх Заид до того, как он взял власть в свои руки во всем эмирате. Эта часть города полна своеобразного очарования. Я снова вижу древний арабский мир: ослов, верблюжий торг, на который собираются бедуины из окрестных деревень (их всего шесть), женщин, несущих на голове кувшины с водой или черпающих ее из *фаладжи**, древних оросительных каналов, толстые оборонительные стены замка, резиденции эмира, превращенного сегодня в музей.

История Эль-Бурайми насчитывает много веков. На автомобиле министерства информации мы едем по возвышенностям и пустынным каменным равнинам. Иногда встречаются высохшие акации, вцепившиеся корнями в каменистую почву. Кругом полно ям и воронок, как после взрывов снарядов.

В полутора десятках километров от Аль-Айна находится деревня Хили. Здесь датская экспедиция открыла остатки древних гробниц, откуда грабители унесли все ценности. Каменные надгробные плиты покрыты иероглифами и рисунками. Как показал радиоуглеродный анализ, гробницам 5 тысяч лет.

Как лежащий в глубине пустыни Руб-эль-Хали Эль-Бурайми, так и побережье богаты археологическими памятниками прошлого. Вблизи острова Абу-Даби открыты развалины древнего порта Умм-эль-Нар, основанного в III веке до н. э. Богатые находки керамики указывают на связь не только с культурой Месопотамии, но и с культурой Инда. Эти места на краю одной из негостеприимнейших в мире пустынь, Руб-эль-Хали, были в свое время связаны с самыми развитыми мировыми цивилизациями. Сегодня песок засыпал то, что создали здесь жители этих негостеприимных мест.

Оазис Эль-Бурайми среди холмистой пустыни выглядит как цветная открытка. Он — прекрасная натура для поэта или художника. Длинные песчаные улочки огорожены высокими глиняными стенами, за которыми прячутся сады и дома. Когда идешь по такой улочке, то создается впечатление, что идешь по зеленому туннелю. Густые кроны пальм образуют над головой не пропускающую палящие солнечные лучи крышу. Даже в пол-

день здесь царят полумрак и прохлада. Что же удивительного в том, что в Эль-Бурайми охотно приезжают на уик-энд шейхи из Абу-Даби. В оазисе тихо и пусто. Иногда вынырнет из-за угла зеленого туннеля осел, проедет мужчина в белой *абайе* на велосипеде или выбегут шумной гурьбой дети, и снова тишина.

Сады оазиса — не только тень и прохлада текущей воды, освежающей в 50-градусную жару, но и тяжкий труд феллаха или, как бывало прежде, невольника. Ни одно растение не вырастет здесь без интенсивного полива, и каждому из них требуется определенное количество воды. Овощи, фруктовые деревья и цветы сажают на различных уровнях.

Как во всех арабских оазисах, самым ценным деревом здесь считается финиковая пальма. Богатство семьи и ее благосостояние измеряются количеством принадлежащих ей финиковых пальм. Плоды финиковой пальмы и урожай проса или кукурузы обеспечивают существование феллаха. Излишки идут на обмен с кочевниками или продаются на рынке. Сегодня Эль-Бурайми не только располагает достаточным количеством продуктов питания, но экспортирует их в Абу-Даби. Эль-Бурайми расположен недалеко от оазиса Ливы, который лежит еще дальше в пустыне. Они главный, если не единственный источник продуктов питания эмирата. На солончаках вокруг метрополии не выросла бы даже тернистая акация или кустарник *ghaf*.

Перипетии потомка пророка по прямой линии

Еще около 100 лет назад рабство было естественным институтом в жизни Аравии, а также и в Эль-Бурайми. Невольник в арабском обществе известен очень давно, еще до ислама. В Мекке до появления там Мухаммеда во дворцах князей, приносящих жертвы языческим богам, работало много рабов — *ахабиш* *. Их источником были войны, которые велись между враждующими племенами и даже родами. Рабов покупали и продавали, лишали свободы и одаривали ею, но, вообще говоря, к ним относились в мусульманском обществе неплохо. Они могли получить свободу за хорошую работу или за заслуги перед хозяином. Невольница часто

становилась женой господина, а ее сын уже не был рабом. Много освобожденных рабов, чаще всего африканского происхождения, достигли высоких постов, некоторые из них даже стали эмирами и султанами.

Но рабами становились не только негры, но и должники, попавшие в рабство за долги. Иногда в рабство продавали людей, взятых в плен бандитами в пустыне. Поэтому не удивительно, что до недавнего времени английские власти, давая разрешение какому-нибудь европейцу на проезд в глубь страны, не брали на себя ответственность за его безопасность. Возможность попасть в рабство была вполне реальной в условиях Восточной Аравии.

В 50-х годах на территории Эль-Бурайми еще действовал известный торговец живым товаром, некий купец Али аль-Мурри. Он господствовал на водах Персидского залива вблизи Абу-Даби. Однажды там разбился корабль, плывший из Сингапура, на котором возвращался один сейид из Хадрамаута. Потерпевшие кораблекрушение были спасены *доу*, принадлежавшим торговцу невольниками. Недолго они наслаждались свободой. Купец решил продать их в глубинные районы Аравии, не обращая внимания на то, что сейид был благородного происхождения. Правда, сейид стоил гораздо меньше молодого, здорового и сильного негра, но для купца любой товар был хорош. Даже вмешательство шейха Заида, сегодняшнего эмира Абу-Даби, который был в то время верховным правителем Бурайми, не помогло. Однако в конце концов дело приобрело огласку, и Али аль-Мурри освободил сейида и двух его друзей, вероятно, потому, что, несмотря на низкую цену, не мог найти покупателя на не первой молодости потомка пророка по прямой линии.

В настоящее время торговля невольниками официально запрещена, но она все еще имеет место на необозримых просторах Аравии, особенно в Омане — наиболее стойком бастионе арабо-мусульманского традиционализма и феодализма. В деревнях Эль-Бурайми, принадлежащих Оману, все еще существует опасность попасть в рабство. Часто это рабство приобретает специфический характер — его жертвами становятся девушки. Несколько лет назад были отмечены случаи, когда мужчины с побережья, сообщники позорного промысла

живым товаром, женились на молодых арабках и возвращались с ними в Оман, после чего быстро разводились. По традиции получение развода не составляет для мужчин никакого труда, а девушки, лишённые родных, не имея другого выбора, вынуждены были выходить замуж за того, кого им подсовывали. В будущем их могли продать кому-нибудь другому.

Женщин в оазисе мы не видели вообще. Не было их ни на песчаных улочках, ни на полях, где растут просо и кукуруза. Впервые мы их повстречали около древних *фаладж*, где они собирались, чтобы зачерпнуть воды в кувшин и при случае посудачить с подругами. Небольшое женское собрание. Некоторые женщины были с головы до пят закутаны во все черное, но молодые девушки выглядели нарядно. Была пятница, мусульманский праздник. Как у нас в воскресенье, жительницы оазисов надели свои лучшие платья из разноцветной, расшитой золотом и серебром парчи. На руках браслеты. На лицах небольшие легкие покрывала, оставляющие открытой половину лица, которые скорее подчеркивают, чем скрывают выразительность их черт. В покрывалах они выглядят более привлекательными и таинственными. Глаза, подведенные сурьмой, красивые и бездонные. Я поняла, почему женщины оазисов Эль-Бурайми так ценились в Саудовской Аравии и в Омани и почему работоторговцы платили за них до трех тысяч рупий, в два раза больше, чем за здорового, сильного негра.

Рашид и его жена Ибтисам свободно разговаривали с ними по-арабски. Они знали их очень хорошо, так как Рашид не раз снимал на пленку танцы женщин Эль-Бурайми. Арабы пустыни очень любят смотреть танцы, которые занимают значительное место в телевизионных программах Абу-Даби. Телевидение, самая молодая из муз, очень быстро проникло в жизнь богатого эмирата. Можно часто видеть, как житель Абу-Даби в белой *дишдаше* несет телевизор в *барасти*. Это одно из проявлений неслыханного «нефтяного чуда», благодаря которому меняет свой облик не только пустыня, перерезанная лентами шоссе, которые освещаются лампами дневного света, но и древнее бедуинское общество. Несмотря на то что его структура до сих пор опирается на законы доисламской эпохи, оно все чаще вкушает до-

стижения современной цивилизации с ее обилием потребительских товаров.

Мы снова приехали в оазис, где все еще процветает сельская жизнь или, если хотите, доминирует романтика пустыни, верблюдов, ослов, древняя мораль и семейное право. Мы минуем глиняные стены, ограждающие дома с садами от внешнего мира. «Это одна из самых своеобразных деревень, — говорит Рашид. — Обитель ваххабитов. Их женщины по-прежнему живут в затворничестве. Ни одна из них не выходит из дома. Только очень молоденькие девушки ходят за водой».

Ваххабизм — социально-религиозное движение, связанное на протяжении двух последних веков с историей Саудовской Аравии.

Ваххабиты — пуритане Саудовской Аравии, призывающие к возрождению ислама и абсолютной чистоте его доктрины, освобожденной от всяких «идолопоклоннических» наносов. Во время своих завоевательных походов в XIX веке ваххабиты захватили оазис Эль-Бурайми и провозгласили возврат к первобытной аскетической жизни времен Мухаммеда. Позднее правители Абу-Даби отбили Эль-Бурайми, но ваххабитское влияние здесь еще очень сильно, не говоря уже о деревнях, принадлежащих Оману.

За домами и садами раскинулся рынок. Несколько десятков верблюдов, которых пригнали кочевники, ждут покупателей. Бедуины носят длинные одежды, *абайи*, стянутые поясом, за который заткнут кривой бедуинский нож с затейливой резьбой. Бедуинские джамбии немного отличаются по форме от йеменских, но носят их с той же гордостью и с такой же лихостью, что и йеменские горцы.

Бедуины продавали своих верблюдов и покупали у феллахов сушеные финики, сахар, соль. Эти товары становятся все дороже. «Раньше, — говорят бедуины, — за верблюда можно было получить несколько мешков фиников. Сейчас подорожали сахар, чай, кофе. Без этих товаров мы обойтись не можем, а источники заработка сократились». Что же удивительного в том, что и здесь многие кочевники переходят на оседлый образ жизни.

В оазисе мы осмотрели школы, которые правительство открыло для крестьян и кочевников, поселившихся во вновь построенных домах. Каждое утро в деревню

присажает машина и забирает девочек, а потом мальчиков. Дети ездят отдельно и учатся отдельно. Девочки носят школьную форму, но по традиции надевают также суживающиеся книзу брюки. Учат здесь, как почти во всех эмиратах, учителя из арабских стран: Египта, Палестины, Иордании. Учителям хорошо платят, а высокие ставки — своеобразный магнит, притягивающий специалистов из более бедных арабских стран. Согласно ближайшим планам к 1980 году вся молодежь эмиратов, в том числе все девочки школьного возраста, будет учиться.

Большие перемены происходят на негостеприимной земле, некогда пользовавшейся мрачной славой у мореплавателей, — на Пиратском берегу. Скоро караванам и вообще кочевому образу жизни придет конец. По словам шейха Заида, все население будет жить в современных поселках и пользоваться благами цивилизации XX века. Переход к оседлой жизни уже произошел в некоторых странах, которые охватил нефтяной бум. Уменьшается территория для кочевий.

В 1973 году я часто видела кочевников в Аравийской пустыне. На фоне волнистых песчаных дюн перед моими глазами, как в старом, хорошо известном фильме, проходил десяток верблюдов, которых вели за собой бедуины. Чем будет пустыня без кочевников? К счастью, *бадия*, люди шатров, предпочитают трудную жизнь в пустыне. Они защищают свой образ жизни, защищают свою свободу.

Дубай, Шарджа и другие

Из Абу-Даби я отправилась в поездку по Объединенным Арабским Эмиратам, царству песка и редких оазисов, а также рыбацких поселков, жители которых по-прежнему, хотя и в значительно меньшем масштабе, занимаются ловлей жемчуга и рыбы. Площадь, которую занимают эти эмираты, колеблется от 250 тысяч (Аджман) до 70 тысяч квадратных километров (Абу-Даби), а число жителей — от 5 тысяч до 80 тысяч человек. Общая численность населения составляет 300 тысяч человек, большая часть которого — пришлые люди²⁷.

Дорога идет вдоль берега моря, иногда отдаляясь от

него, чтобы обогнуть горы песка. Нефтяной бум уже сумел наложить на пустыню свой отпечаток в образе первоклассных шоссе, реклам, нефтепроводов, современных аэродромов и городов, возникших на месте прежних рыбацких *барасты*.

Территория семи эмиратов Персидского залива, которые в декабре 1971 года создали федерацию, освободившись от английского протектората, напоминает своим очертанием серп месяца с изрезанной береговой линией по острию, окруженному сотнями небольших островков, которые в свое время служили пиратам идеальным убежищем.

Граница государства площадью 83,6 тысячи квадратных километров проходит по береговой линии от мыса Хор-аль-Уайд до владений Омана на конце полуострова Мусандам. Она протянулась почти на 600 километров. Сухопутная граница не такая извилистая. Она пересекает пустыню Руб-эль-Хали и строго установлена только с Оманом. С Саудовской Аравией она временная. Но бедуины никогда не обращали внимания на границу. Для них границы имеют только *дира* — места выпаса скота. Некоторые пастбища издавна принадлежат отдельным племенам. Племя может разрешить членам других племенных групп пользоваться пастбищем или колодцем, но будет горячо протестовать, если кто-нибудь захочет установить между пастбищами постоянную границу. В августе 1973 года это послужило поводом для вооруженных столкновений между кочевниками Абу-Даби и Дубая. Спор возник, как это часто бывало до нефтяного бума, из-за пастбищ и колодцев.

Абу-Даби, временная столица федерации (до завершения строительства новой столицы, которая разместится между Абу-Даби и Дубаем), лежит на полпути между Катаром и Оманом. До Дубая отсюда около 160 километров, от Дубая до Шарджи — 15, до Аджмана — 5, а до Рас-эль-Хаймы — 100 километров. Умм-эль-Кайвайн расположен на полпути между Шарджей и Рас-эль-Хаймой. Только Эль-Фуджайра вместе с Кальбой, которая была самостоятельным эмиратом до ее присоединения к Эль-Фуджайре, расположены на берегу Оманского залива.

По пути из Абу-Даби в Дубай мы пересекли «границу». Это единственное место в глубине федерации,

где тщательно проверяют документы, паспорта, а также багаж, словно вы въезжаете в другое государство. Водитель автомобиля, пакистанец, показал чиновникам письмо от министерства информации. Это спасло нас от проверки. Однако мы вынуждены были встать в очередь и терпеливо ждать, пока полицейские управились с багажом пассажиров, направляющихся в Дубай. Возвращающихся из Дубая проверяли еще более тщательно. «Ищут золото», — сказал мне по секрету пакистанец, когда я спросила его о причинах такой тщательной проверки. Дубай — старый центр контрабанды золота всего Персидского залива.

Венеция или Гонконг Арабского Востока?

Наш автомобиль быстро мчался по пустому шоссе посреди пустыни, которую разнообразили маячившие иногда далеко на горизонте караваны верблюдов. Вблизи Дубая движение стало более оживленным. Нас обгоняли «кадиллаки» с важными пассажирами в белых *бурнусах*, спешившие грузовики; наконец показались очертания серебристых бензиновых цистерн.

Дубай — один из тех известных портов Персидского залива, которые окутаны туманом таинственности и повосточному красивы. Город выглядел вполне современно. Он не был недостроенным, как разбогатевший на нефти Абу-Даби, который размахом своего строительства, пышностью и оригинальностью стремился затмить портовые города. Дубай весь обращен в будущее, но не стыдится своего прошлого. Небольшой портовый городишко некогда получил свое название от слова «даба», молодая саранча, и стал во времена английского протектората важнейшим портом по заправке английских судов. Отцы города, который сегодня может похвастаться всеми атрибутами современности — банками и резиденциями крупнейших компаний (среди них «Семь сестер», известный нефтяной картель), с гордостью подчеркивают, что еще военачальники Александра Великого поили коней в водах Персидского залива, у ворот Дубая. Город на протяжении 1500 лет был главным центром торговли жемчугом. Следует вспомнить также о пиратском прошлом Дубая. Город раскинулся по обеим

сторонам залива Хор-Муса, который врзался в глубь суши на 12 километров. Этот канал, который называют «артерией жизни» города, ведет с древнейших времен бурную торговую жизнь. По нему снуют десятки маленьких *доу*. Более крупные суда тоже бороздят его воды. Это настоящая «Венеция Востока», или, как любят говорить влюбленные в свой город жители, «самая драгоценная жемчужина» побережья, бывшего Пиратского берега.

Дейра, старый квартал Дубая, еще несет на себе следы той жизни, которую десятилетиями вели его жители — арабы, иранцы, индусы, словом, целое смешение рас — под заботливыми крыльями бога торговли и спекуляции.

Мой проводник по Дубаю, сотрудник министерства информации Абдалла, в своей белой *дишдаше* выглядит как князь из восточной сказки. В районе Персидского залива такую одежду носят с гордостью арабы ОАЭ и соседней Саудовской Аравии, как горожане, так и бедуины, пришедшие из пустыни. Между одеждой бедуина и одеждой горожанина нет большой разницы. Бедуинское происхождение и традиции кочевой жизни в почете в странах Персидского залива, которым улыбнулась фортуна.

Знакомство с Дубаем лучше начинать со старой его части — Дейры. Туда можно добраться по суше, через мост Рашида, который в 1958 году построил правитель Катара. Это был подарок по случаю бракосочетания его сына с дочерью эмира Дубая. Свадебный подарок был не совсем семейным. Эмир Катара преследовал также политические цели, так как хотел «сделать назло» шейху Абу-Даби, который косо смотрел на катарско-дубайские связи. Мост выглядит великолепно, особенно вечером, когда он освещен тысячами огней. Но гораздо интереснее приплыть из современного квартала в старую Дейру на гондоле. Множество таких гондол кружит среди этих кварталов, обеспечивая быструю связь между обенми частями города. На них же перевозят значительную часть товаров.

Я плыву в старой арабской лодке через залив Хор. В его водах отражаются дома, построенные в традиционном стиле *gulf*, то есть в смешанном арабско-индийском стиле. Здания с квадратными башнями напоми-

нают дома средневековой Италии. Когда смотришь со стороны современного квартала на старый квартал с его мечетями и на залив, кишущий быстроходными арабскими одномачтовыми суденышками, то создается впечатление, что время остановилось и словно продолжается эпоха, в которую жил и которую описал знаменитый Марко Поло. В заливе Хор-Муса стоят на якоре сотни *доу*, а тысячи спуют, как во времена Синдбада Морехода, вдоль побережья Аравийского полуострова и Южноазиатского субконтинента.

О Дубае стало известно в Европе из рассказов португальских мореплавателей, которые в 1560 году оставались здесь по дороге в Индию. Но настоящий расцвет города начался с того момента, когда часть племени аль-буфаласа из союза Бани-Йас, поссорившись с правителем Абу-Даби, ушла и поселилась в пришедшем в упадок порту.

Я спускаюсь по переулкам Дейры мимо лавочек, торговых складов и уличных баров. Дубайский *сук* похож на каирский, дамасский или багдадский. Магазины и лавки полны восточных чудес не только арабского мира, но и Дальнего Востока: персидских ковров, индийских тканей, китайского фарфора и готового платья, японских транзисторов. Не менее богато представлен и Запад: везде продаются товары европейского и американского производства. Дубай всегда был раем для торговцев.

Правитель эмирата Дубай, представляющего собой прибрежную полосу длиной 70 километров и шириной 60 километров, исповедует принцип «свободной торговли», принцип «открытых дверей» для иностранного капитала. Шейх Рашид, эмир Дубая, одновременно является вице-президентом ОАЭ. О нем говорят, что искусству торговли он начал учиться, сидя еще на коленях отца, и называют его «купцом среди эмиров». В противоположность многим своим соседям, правителям пустынь и оазисов, которые привыкли оценивать богатство по количеству верблюдов и финиковых пальм, шейх Рашид ценит прежде всего банковские счета. Он много времени отдает бизнесу и политике и, как полагается бизнесмену, свой рабочий день начинает с прочтения сообщений о положении на бирже, курсе золота и т. п. Благодаря ему Дубай называют Танжером или арабским Гонкон-

гом. Дубай — одно из тех мини-государств, которые свою карьеру строят на торговле.

В Дубае можно торговать всем: машинами, тканями, даже оружием. Теоретически каждый, кто только в состоянии и у кого есть деньги, может открыть в Дубае собственное предприятие или торговую компанию. Город беспешинный. Здесь налог на ввозимые товары самый низкий в мире (2—4 процента). Спутниковая телесвязь обеспечивает быстрый контакт со всеми наиболее важными торговыми центрами в мире. Здесь представлены главным образом торговые фирмы капиталистического рынка, действует свыше 50 филиалов иностранных банков. Ничего нет удивительного в том, что эту Венецию Арабского Востока называют также Бейрутом Персидского залива.

Тон торговому облику города задают индийцы. Индийская буржуазия издавна занимает здесь солидные позиции, выросла корнями в эту арабскую землю. Некоторые кварталы полностью заселены индийцами. (Священные коровы свободно разгуливают по улицам, создавая иллюзию, что находишься где-то в Индии.) Не менее прочную позицию занимают иранцы и пакистанцы — настоящая международная финансовая элита.

Без торговли Дубай не был бы тем, чем он есть — процветающим портом, крупным импортером или скорее реэкспортером. В 1963 году импорт достигал 8 миллионов фунтов стерлингов, пять лет спустя он достигал уже 66 миллионов, а в 70-х годах превысил 100 миллионов. Дубай — крупнейший на Ближнем Востоке импортер швейцарских часов, сиамских шелков, а также мебели, пищевых продуктов, электротехнической аппаратуры, строительных материалов и даже оружия и спиртных напитков, которые он реэкспортирует в другие эмираты и в Саудовскую Аравию.

Здесь всегда процветала контрабанда, а спекуляция и мошенничество — принятый образ жизни многих уважаемых сегодня торговых семей, которые в свое время помимо торговли жемчугом занимались и работоторговлей. До недавнего времени через Дубай поставляли рабов в глубинные районы Аравийского полуострова. По сей день в оазисах эмирата Дубай работают бывшие рабы.

В 40-х годах Йорген Бич, рискуя жизнью, отправил-

ся из современной Южной Аравии в глубь Саудовской Аравии на поиски белого инженера, работавшего там по контракту с правительством. Он нашел его, но тот был уже не свободным человеком, а рабом. Рабами часто становились также паломники, идущие через Аравийский полуостров в Мекку. Не раз случалось, что «предпринимчивый» или скорее корыстный капитан пассажирского судна, курсирующего между Аравийским полуостровом и Дальним Востоком, сажал на палубу сотни крестьян-мусульман из Пакистана или Индонезии. Эти бедняги, желающие исполнить хоть раз в жизни свой долг правоверного мусульманина, отдавали иногда все состояние, чтобы оплатить проезд до Мекки. Вместо того чтобы доставить их к восточному побережью Красного моря, капитан высаживал путников в пустыне в районе Персидского залива и говорил им, что дальше надо идти пешком, так как Мекка находится якобы в полтора десятках километров отсюда, тогда как в действительности до нее было 1500 километров. Многие паломники уже никогда не увидели не только Мекки, но и собственного дома, так как погибли от жажды и истощения в песках Руб-эль-Хали.

Золото и жажда нефти

Различные грязные аферы, в которых были замешаны Дубай и все побережье, совершались относительно недавно, еще на памяти современников. Но зачем ворошить прошлое? Ни для кого не секрет тот факт, что источником процветания здесь до нефтяного бума была торговля золотом, которая вообще не фигурирует в официальной статистике Дубая, впрочем как и торговля наркотиками. Между тем эти два товара по сей день совсем не пустяковый источник доходов торговых домов Дубая.

Многие годы Дубай выполнял функцию транзитного порта для золота на пути Европа — Азия главным образом в Индию. Цена золота в Индии очень высока, намного выше, чем на мировом рынке. Когда, например, в Европе в 1971 году унция золота стоила 37 долларов, то в Индии за нее платили 75 долларов. Поэтому торговля им очень прибыльна. Золото легально

доставляют самолетам из Лондона и Цюриха в Дубай, где его принимают торговцы из шайки контрабандистов. Золото переплавляют в слитки и грузят в *доу*. Весь год, за исключением сезона ветров, не благоприятствующих плаванию, из залива Хор на восток отплывают десятки таких *доу*. После четырехдневного плавания, если ничего им не помешает, лодки достигают Бомбея, где товар реализуется. Всей операцией как в Дубае, так и в Индии руководит мафия, к которой принадлежат владельцы *доу*. В Индии золото играет важную роль как предмет тезаврации, а также как средство урегулирования многих семейных (при заключении браков) и религиозных отношений.

Риск, конечно, велик, так как индийское правительство стремится пресечь нелегальную торговлю золотом, однако до сих пор безрезультатно, поскольку «золотая» сеть Дубая имеет своих посредников и союзников и на другом конце контрабандного пути — в Индии. Спрос на золото и быстрый рост его стоимости в последние годы затормозили спекуляцию им, но не остановили.

Богатство Дубая было накоплено в другую эпоху, в период работорговли и ловли жемчуга, ушедший сегодня в прошлое, однако правящий с 1958 года шейх Рашид бен Саид аль-Мактум, четырнадцатый правитель эмирата, стремится воспользоваться и другими средствами, благоприятствующими развитию государств Персидского залива. Нефть забила здесь позднее, чем в Абу-Даби, и в небольшом количестве. Если в 1972 году Абу-Даби экспортировал свыше 50 миллионов тонн нефти, то Дубай — только 6,5 миллиона.

Следует сказать, что правитель Дубая умеет извлекать немалую прибыль из нефти. Если правитель Абу-Даби благоустривает столицу эмирата, строит роскошные поселки, то шейх Рашид, унаследовавший от своего отца крошечное государство в пустыне, но более богатое, чем другие эмираты, благодаря торговле, думает о том, как использовать в интересах Дубая нефтяные богатства, открытые на территории его более могущественных соседей.

Хотя руководство федерацией находится в руках Абу-Даби, который финансирует пять крошечных бедных эмиратов, Дубай является ее торговой столицей. Дубай, чьи нефтяные запасы едва превышают миллиард

баррелей (против 16 миллионов, какими с начала 70-х годов располагал Абу-Даби), имеет самый большой и роскошный аэродром, прекрасные отели и рестораны, казино и прежде всего самый крупный нефтяной порт Мина ар-Рашид. Порт, сданный в эксплуатацию в 1972 году, был построен менее чем за два года. Стоимость строительства составила 26 миллионов фунтов стерлингов. Он может одновременно принимать 15 танкеров грузоподъемностью 35 тысяч тонн нефти каждый. Его пропускная способность сейчас многократно превышает огромные торговые возможности Дубая.

Однако шейх Рашид думает уже о далеком будущем. Нефтяное поле (открыто в 1966 году), с которого в 1969 году потекли первые тонны нефти, шейх назвал арабским словом «фатх», то есть «открытие». Шейх Рашид верит, что нефть упрочит богатство Дубая. Дубайскую нефть, как и всю нефть Персидского залива, эксплуатируют известные «Семь сестер», международный консорциум английских, американских и голландских монополий, и кроме них «аутсайдеры», не входящие в трест, как, например, «Компани франсез де петроль». Гордостью правителя Дубая является гигантский подводный нефтесборник неподалеку от порта. Он имеет форму перевернутого гриба, погруженного шляпкой в море. Сборник такой большой, что в нем с успехом может поместиться 20-этажный дом весом в несколько тысяч тонн. Его емкость превышает полмиллиона баррелей нефти. К нему могут подходить танкеры и брать нефть. Огромные капиталовложения, связанные с его постройкой, должны окупиться в ближайшие годы.

Как и полагается правителю района, живущего на доходы от нефти, шейх Рашид заботится о представительности. Он оставил доставшийся ему в наследство от отца старый дворец в индийском стиле, который сейчас переоборудован под школу, и переехал в огромный дворец на морском берегу. Дворец шейха Рашида превосходит размахом и пышностью резиденцию Нахайянов в Абу-Даби. Ярко освещенное здание по вечерам было во время моего пребывания пусто. Шейх вместе с другими правителями эмиратов уехал на охоту в пустыню.

Зато в роскошных ресторанах Дубая было многолюдно и шумно. Здесь выступали многочисленные современные ансамбли из Западной Европы. Популярных звезд

манит блеск дубайского золота. Спиртные напитки подаются без ограничений, а среди одетых по-европейски завсегдагаев храма развлечений можно было видеть дубайцев в *дишдашах*.

Федерация или бочка пороха?

От Дубая только шаг до Шарджи, некогда могущественного пиратского государства, которым управляла семья Касим, подчинившая большинство государств Пиратского берега. Сегодня Шарджа — бедный родственник своих богатых нефтяных соседей. Эмират площадью 2600 квадратных километров еще полон следов недавнего прошлого: старых португальских пушек, которые использовались в войнах между шейхствами, глинобитных крепостей и древних резиденций правителей, окруженных оборонительными стенами. Все это превратилось в развалины. Только жители оазисов, вооруженные кинжалами и старым огнестрельным оружием, ведут прежний образ жизни, присматривают за садами и финиковыми пальмами и продают сушеные финики бедуинам.

Во времена английского протектората Шарджа была резиденцией губернатора всего Договорного Омана. Здесь размещался единственный международный аэродром. Сегодня Дубай и Абу-Даби значительно опередили Шарджу, которая, может быть, и обладает некоторыми запасами нефти, но они еще практически не используются²⁸. 30-тысячная Шарджа была в хороших отношениях с Англией. В 1940 году в Шардже появилась английская военно-воздушная база, куда были переброшены военнослужащие с английской базы в Адене после ее эвакуации в 60-х годах. Это привело к раздорам в королевской семье. Тогдашний правитель Шарджи шейх Сакр, пользовавшийся славой поэта и мечтателя, был противником базы на территории эмирата. Он был известен как горячий почитатель Насера. Однако факт остается фактом, что в 1965 году шейх Сакр был отстранен от власти не без помощи, как говорили, англичан, а его место занял шейх Халид.

Халид пытался с помощью английских денег по примеру своих богатых соседей построить новую Шарджу.

Одержимый желанием возвести престижные сооружения, он приступил к строительству порта по соседству с портом Рашида в Дубае, несмотря на то что эмираты находятся друг от друга в 15 километрах, а также вошел в контакт с американскими компаниями и с английской «Шелл», предоставив им концессии на поиски нефти. Затем был разработан план нового города и снесены пальмовые шалаша. Было решено пробить новую транспортную магистраль, застроить побережье, чтобы привлечь туристов. На них рассчитан современный отель «Шеба», в котором поселили меня. Он всего в нескольких километрах от центра Шарджи.

Немногое из намеченных планов удалось реализовать Халиду, поскольку он не слишком гвердо сидел на троне. Некоторые члены семьи считали его узурпатором, лишившим власти законного наследника. На него несколько раз организовывались покушения, но он оставался невредимым. Однако в январе 1972 года, два месяца спустя после провозглашения федерации ОАЭ, судьба настигла шейха Халида. Заговорщики, сторонники шейха Сакра, тяжело ранили его, и вскоре он умер. Власть перешла к Сакру Султану, который пользовался поддержкой Абу-Даби.

И сегодня поводов для конфликтов достаточно как внутри эмиратов, так и между ними. Это старые антипатии с пиратских времен и новые, связанные с нелегким стартом федерации: неурегулированные пограничные вопросы, необычайно важные сегодня, поскольку любой клочок пустыни может быть нефтеносным и каждый эмират предъявляет на него свои права. Вновь созданная армия, так называемая «Трушиэл Оман скаутс», обученная английскими офицерами и находящаяся под командованием полковника Роя Уотсона, стоит на страже мира и порядка в федерации. Она то и дело вмешивается в мелкие и крупные конфликты между членами федерации. Например, в 1972 году произошло вооруженное столкновение между граничащими эмиратами Эль-Фуджайрой и Шарджой. Неизвестно, кто дал первым повод для вооруженных действий — новый правитель Шарджи, молодой шейх Сакр Султан, или правитель эмирата площадью 1300 квадратных километров и с населением 15 000 жителей старый шейх Эль-Фуджайры Мухаммад бен Хамад аш-Шарки, которого называли «ко-

ролем пустыни». Эль-Фуджайра расположена у Оманского залива. Это край пустынных гор и долин. Патриархальный правитель Эль-Фуджайры почти ежедневно встречался со своими бедуинами, которые приходили воздать ему почести и просили разрешить споры между соседями, семьями или супругами. Силы воюющих были не равны. Вооруженные старыми винтовками бедуины шейха аш-Шарки воевали против значительно лучше вооруженных воинов Сакра Султана из Шарджи. И на этот раз армия федерации положила конец раздорам.

Не лучшим образом складывались также отношения в дальнем эмирате, расположенном на востоке, Рас-эль-Хайме (что означает «верхушка шатра»). Это название очень удачно соответствует природе эмирата. Мы ехали на машине министерства информации в надежде встретиться там с правителями эмиратов, которые должны были разбить свой охотничий лагерь неподалеку от города. Я уже видела в своем воображении современных князей из сказок «Тысячи и одной ночи» в их роскошных *дишдашах*, *куфиях* на голове, с джамбиями. Мы ехали по прекрасному шоссе. С одной стороны простирался берег моря с руинами древних пиратских крепостей, с другой — на горизонте виднелись горы Омана, а вокруг — каменистая, скалистая пустыня. Поэтому здесь особенно остро чувствовался контраст между садами Рас-эль-Хаймы и пустынными горами. Стекающие с оманских гор дождевые потоки образуют здесь, как и Эль-Бурайми, бесценные запасы воды. Благодаря этой воде, которую достают из десятков колодцев с помощью насосов, Рас-эль-Хайма не только полностью обеспечивает себя продуктами питания, но и экспортирует их в другие эмираты, прежде всего в Абу-Даби и Дубай. На полях Рас-эль-Хаймы выращивают овощи, а в садах — фрукты.

В рамках «разделения труда» между членами федерации Рас-эль-Хайма должна стать житницей государства. Однако у правителя эмирата шейха Сакра бин Ибрахим аль-Кавасими свои планы. Он не хочет оставаться бедным родственником нефтяных магнатов федерации и брать у них денежные дотации. Соблазнившись обещаниями международных нефтяных компаний иранского шаха, шейх Сакр, наследник правителей ревнего пиратского государства Кавасим, не сразу

вступил в федерацию. Он согласился на присоединение только в 1972 году, когда опытное бурение не подтвердило предположений о сказочных запасах нефти в пустыне Рас-эль-Хайма. В счет этого нефтяного Эльдорадо шейх Сакр начал даже строительство единственного легального на всем Ближнем Востоке (кроме Ливана) казино, дома азартных игр. Сегодня казино пусто, и шейх Сакр вынужден спасать свой бюджет подачками Саудовской Аравии. Он понял, что у него нет другого выхода, как вступить в федерацию эмиратов, находившихся еще в то время в ссоре после стольких лет войн, которые они вели между собой.

В соответствии с конституцией каждый эмират сохраняет автономию во внутренних делах, но внешняя политика, оборона страны, законодательство и те сферы жизни, которые выходят за пределы компетенции одного из партнеров, находятся в ведении федеральных властей. Из федерального бюджета, весь вклад в который практически осуществляет Абу-Даби как самое богатое государство федерации, деньги идут на развитие народного просвещения и здравоохранение, строительство домов и дорог. Наши хозяева с неподдельной гордостью демонстрировали нам свои достижения, результаты последних лет объединенного государства. Мы посетили школы для мальчиков и девочек в Шардже, больницу в Дубае, новые дома в эмирате Аджман, единственным источником дохода которого был до 1971 года выпуск почтовых марок. Абдалла, сопровождавший меня в поездке по эмиратам, был очень горд этими достижениями, а его взгляд, казалось, говорил: мы не только строим дворцы и покупаем «кадиллаки», мы хотим, чтобы наше общество могло пользоваться теми же достижениями цивилизации и прогресса, что и ваши страны.

Я осматриваю школу и центр здравоохранения в Рас-эль-Хайме. Город благодаря зелени, требующей огромных расходов, производит приятное впечатление. Сейчас городской совет работает над расширением электрической сети, а также водопровода и канализационной системы.

Мне не повезло в Рас-эль-Хайме. Все учреждения были закрыты, информационный центр пуст, на улицах почти никого (то есть мужчин: на бывшем Пиратском берегу очень сильно влияние ваххабитской религиозной

доктрины — держать женщин взаперти). Я не увидела ни одной женщины, закутанной с головы до ног. Поток золота не изменил образа мышления ваххабитских семей.

Но я не такая пессимистка, чтобы не видеть изменений, которые здесь происходят. На телевидении ОАЭ, а оно здесь очень популярно, работают дикторы-женщины. Эти девушки прибыли из-за границы, из давно эмансипированных ближневосточных стран, а также из Омана. Точнее говоря, из тех арабских семей, которые вернулись с Занзибара после происшедшей там в 1964 году революции. Они вернулись на Аравийский полуостров, но не туда, откуда их предки сотни лет назад отправились в далекие африканские страны, а туда, где есть нефть. Рас-эль-Хайма — государство мореплавателей. Выходцы отсюда некогда на своих *самбуках* добрались до мыса Доброй Надежды.

Охота эмиров в пустыне

Из Рас-эль-Хаймы мы возвращаемся в Абу-Даби через Шарджу, Аджман и Дубай. Шейхи отправились в пустыню охотиться с соколами. Этот вид спорта, который в Европе давно исчез, переживает настоящее возрождение в нефтяных эмиратах Персидского залива. В Европу обычай охотиться с соколами был некогда завезен крестоносцами. На протяжении веков шейхи Аравии увлекались этим спортом — своего рода символом наивысшей власти в патриархальном обществе.

Соколиная охота проводится зимой, когда после дождей на свежих пастбищах появляются королевские дрофы. На охоту правитель отправляется в сопровождении слуг, знати и сокольничих. Трудно найти лучших специалистов по обучению соколов, чем бедуины. Если, например, в Европе на обучение дикого сокола уходит 50 дней, то бедуинам на это требуется самое большее три недели. Ускоренное обучение соколов основано на том, что бедуины практически не расстаются с птицами ни во время кормления, ни во время отдыха, разговаривают с ними, неустанно наблюдают за ними и обучают.

Бедуины очень любят соколиную охоту. Они дают птицам ласковые имена, заботятся о них. Существуют

породы соколов, которых предпочитают всем остальным. Хороший сокол может поймать четыре, пять и даже больше дроф зараз. Хороший сокол в цене. Он стоит 30—40 фунтов стерлингов. Поэтому соколиная охота — спорт богатых. Когда-то в Европе она была развлечением королей и магнатов. Охота часто обходится в тысячу фунтов стерлингов. Соколы, дрофы и другие птицы, а также звери покидают те места, куда проникает современная цивилизация с механизацией и техникой, выхлопными газами и сточными водами, уничтожающими окружающую среду. Эта цивилизация достигла и эмиратов. Соколиная охота некогда процветала в древней Месопотамии и Персии. Сегодня соколов привозят в нефтяные эмираты Персидского залива из Афганистана и Пакистана.

Соколиная охота необычайно популярна в районе Персидского залива. В такие моменты оживает прежняя жизнь бедуинов. Охота продолжается обычно недели три, и в ней принимает участие от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Если, как это обычно бывает, охотятся все шейхи федерации, участников набирается до тысячи человек. Соколиная охота — это целый церемониал: ритуальные приемы, пожелания удачи и веселые развлечения.

Три недели, в течение которых правители развлекались с соколами в пустыне, эмираты были погружены в своеобразный летаргический сон. Только нефть непрерывно текла по трубопроводам в пустыне и из буровых вышек, установленных в море. Это был период сотрудничества и взаимопонимания между концернами и правителями нефтяных эмиратов.

Весной 1973 года еще ничто не предвещало включения Объединенных Арабских Эмиратов в бойкот западных стран, поддерживающих агрессию Израиля, и наложения эмбарго на поставку им нефти.

Короче говоря, одно из самых молодых государств мира, оказавшееся в ряду самых богатых, находится на границе двух, если не больше эпох. Общественные отношения в ОАЭ немногим отличаются от тех, что существовали в феодальную эпоху, особенно это касается глубинных районов, оазисов и жизни кочевников, которые, как и несколько веков назад, кочуют по одним и тем же дорогам и питаются верблюжьим молоком. Не-

заселенность и необычайная бедность — все еще характерные черты значительной части территории эмиратов.

Общественной основой власти в эмиратах является племя, а бедуины остаются самой надежной опорой шейха. Правитель с вождями племен рассматривает дела подданных, принимает подношения и сам делает подарки. Традиционное судопроизводство существует независимо от современного, которое также введено в эмиратах. Ни один правитель не рискнет пренебречь традиционными связями, не забудет встретиться с жителями пустыни, не упустит случая прослыть щедрым и добрым.

Поскольку все «бедуинское общество» представляет собой как бы большую семью, то прямыми доходами эмиратов от эксплуатации нефти пользуется значительная группа населения. Шейхи щедрой рукой выделяют деньги на социально-экономические нужды, на строительство домов, школ и больниц, но тем не менее часть этих доходов остается в их распоряжении. Насколько велика эта часть? Она различна в нефтяных эмиратах Персидского залива. Говорят, что она колеблется от 30 до 60 процентов.

Деньги вторглись в социальную жизнь федерации эмиратов точно так же, как они вторглись раньше в жизнь Бахрейна, Катара и Кувейта. Развитие нефтяной промышленности ведет к дезинтеграции общества, живущего в эпоху, отстоящую от нашей на тысячу лет. На протяжении жизни всего одного поколения совершен огромный скачок в современность. В эмиратах умирает старая и рождается новая жизнь. Какой будет эта новая жизнь? Ответ даст будущее, развитие которого, как и во всем арабском мире, направляют как внешние, так и внутренние факторы.

Нефтяной кризис 1973 года дал понять арабским хозяевам нефти, насколько велики их сила и значение. Они сумели увеличить свои доходы в весьма ощутимых размерах. Эмираты оказались в одном ряду с теми странами Арабского Востока, которые превратили свои природные богатства в политическое оружие, что имело важные последствия для Запада, они добиваются пересмотра договоров с концернами с целью увеличить долю своего участия в добыче «черного золота».

Однако нефть только один из факторов развития федерации. Доходы от нефти вполне достаточны для

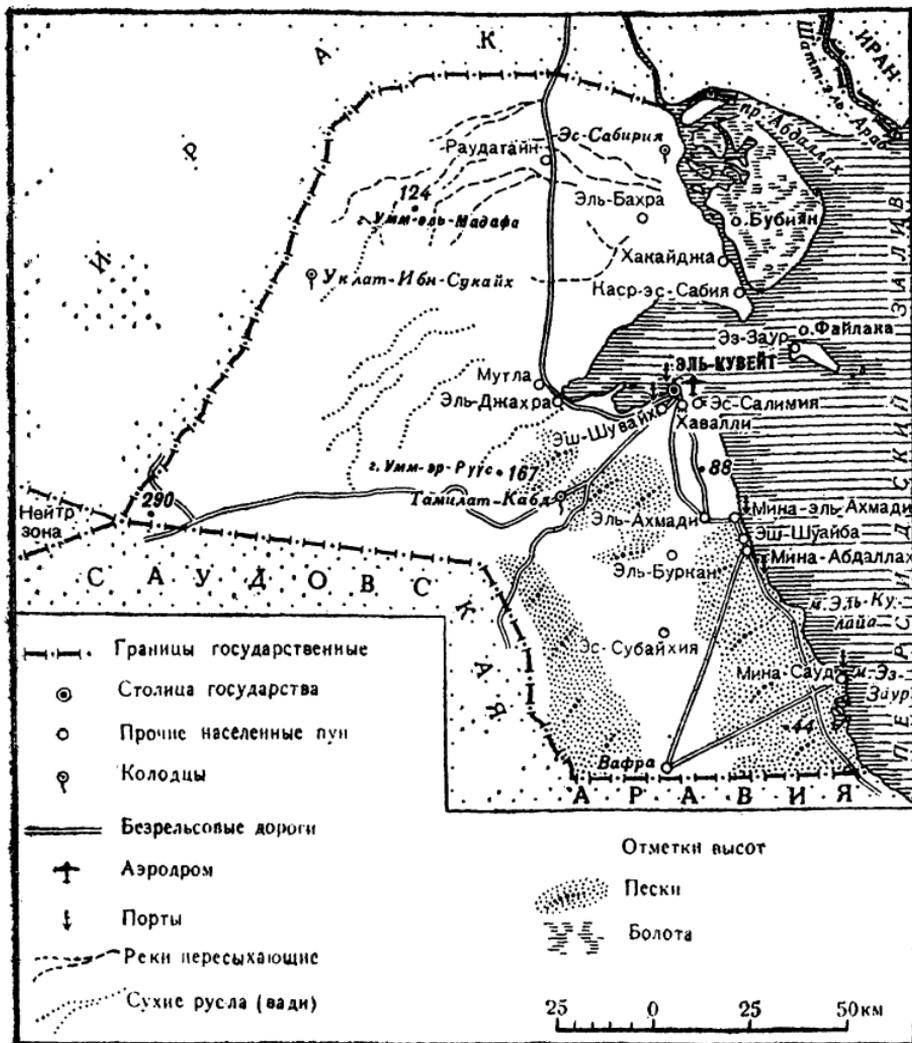
удовлетворения всех нужд мини-общества эмиратов. Часть этих доходов даже размещена в западных банках, а министр экономики господин Баккечи на мой вопрос, как молодое государство намеревается использовать «нефтяные», или, как их некоторые называют, «верблюжьи», деньги, сказал, что небольшие эмираты вполне могут жить на проценты, как это делает, например, Швейцария.

Но деньги, даже опроцентованные, имеют тот недостаток, что подвержены девальвации. В эмиратах готовятся планы, предусматривающие выделение части сказочных доходов на подъем экономики «для будущих поколений». Кроме того, планируется развитие сельского хозяйства, которое сейчас очень дорогостоящее, закладываются экспериментальные сельскохозяйственные центры, как, например, ферма на островке Садият, которую мне удалось посетить. Она специализируется на выращивании фруктов и овощей, в настоящее время не совсем рентабельных.

Несмотря на все это, некоторых наиболее дальновидных граждан Абу-Даби беспокоит призрак оскудения нефтяных богатств. Если бы нефтяные запасы внезапно иссякли, завтра или послезавтра страна вернулась бы к прежней жизни в пустыне.

Такая перспектива, по существу, довольно неприятна. В 1974 году молодое государство проявило активность в рамках Организации стран — экспортеров нефти в области охраны своих интересов и богатств, которым угрожает усиливающаяся в капиталистическом мире инфляция. Благосостояние нефтяных миллионеров опирается на непрочный фундамент.

В 1974 году Абу-Даби удалось увеличить долю своего участия в нефтяном концерне, действующем на территории эмирата (который объединяет пять международных концернов), с 25 до 60 процентов! Разумеется, Абу-Даби выплатил концерну компенсацию, очень небольшую по сравнению с выгодой и прибылями, ожидаемыми в будущем. ОАЭ по примеру других государств этого района стремится развивать нефтехимическую промышленность. В 1975 году предполагалось пустить в строй первый нефтеочистительный завод. Он послужит укреплению независимости небольшого государства. Подумать только, всего несколько лет назад мечты о буду-

Кувейт

щем этих негостеприимных земель у жаркого и душного Персидского залива можно было назвать фантастическими!

Мини-государство на песке

В Объединенных Арабских Эмиратах прежняя жизнь умирает под напором нового. Дезинтегрируется бедуинское общество, создается новое общество, строя-

щееся на непомерном спросе на «черное золото» пустыни, то есть потребительское общество. Эмираты сегодня — это Кувейт 15—20 лет назад.

Кувейт, небольшое по площади государство, доход которого на душу населения в 1974 году достиг 11 тысяч долларов, расположен недалеко от устья реки Шатт-эль-Араб, образованной слиянием Тигра и Евфрата и впадающей в Персидский залив в том районе, который путешественники и мореплаватели называют «пеклом тропиков». Трудно выдержать в этом влажном, «липком» климате, где значительную часть года температура воздуха в тени достигает 50 градусов, а так как этой тени немного, потому что пустыня покрыта солончаками и в ней трудно встретить даже крохотное деревце, то температура там еще выше. Ничего нет удивительного в том, что все население этого района ютилось в редких оазисах. Целые столетия эти территории были безлюдны, и их редко посещали кочевники.

В наши дни пустыня превратилась в богатый, современный, полный всяческих чудес город-государство, магната арабского мира, члена клуба банкиров Западной Европы и Америки. Его годовая добыча нефти составила в 1973 году 140 миллионов тонн, а доходы в 1974 году, после принятия решения Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК) о повышении цен на нефть, должны были превысить 10 миллиардов долларов, то есть увеличиться в несколько раз по сравнению с концом 60-х годов. Этот город-государство занимает площадь 15 тысяч квадратных километров, а его население составляет около 900 тысяч человек²⁹. В течение жизни одного поколения его общество совершило скачок из жизни в пустыне в современные условия.

С террасы многоэтажного отеля «Хилтон» я пытаюсь сфотографировать город, который 30 лет назад был небольшой рыбацкой деревней наподобие сегодняшней Шарджи в ОАЭ. Сегодня он протянулся вдоль побережья на 25 километров в длину и 6 километров в ширину. Перед вашим взором встают гигантские сооружения из стекла и бетона, высотные здания и жилые дома, между которыми виднеются купола и минареты многочисленных мечетей, чистеньких и аккуратных, как игрушечные. Если бы не эти мечети, можно было бы принять Эль-Кувейт за какой-нибудь западный город, ули-

цы которого с многорядовым движением запружены автомобилями. В нем комфортабельные отели с бассейнами и филиалы самых известных банков и предприятий, магазины и универмаги, забитые товарами, привезенными из Лондона, Парижа, Токио. Купить в них можно все: от зубной пасты до холодильника, кондиционеры, которых в стране используют больше, чем где-нибудь в мире, стереоаппаратуру, телевизоры и автомобили новейших марок.

А ведь этот город расположен в самом центре пустыни. Его окружают со всех сторон желтые пески, которые вторгаются в современные кварталы, засыпают парки и газоны, заботливо возделанные горожанами. Каждый дом здесь, по сути дела, возведен в пустыне, в пустыне же высажены каждое деревце, каждый цветок. Когда я в приморском квартале Шувайх выходила из бунгало в садик, где Ядвига Бучковска, не обращая внимания на наступление пустыни, ухаживала за своими кустами и цветами, я дышала тем же насыщенным песком воздухом Аравийского полуострова, что и кочевники в своих шатрах. Меня хлестал тот же самый ветер *шамаль*, и пекло то же самое солнце, что и на окраине города, застроенной сараями, и точно так же, как и в оазисе Джажра, где бедуины на базаре продавали овец и верблюдов.

Деревце дороже, чем «кадиллак»

Смотришь ли на Эль-Кувейт с террасы самого высокого здания или присматриваешься к нему вблизи, часами прогуливаясь по элегантной Фахд ас-Салим, трудно не восхищаться размаху строительства и красоте этого города, выросшего наперекор законам природы. Площади в форме звезд огибают широкие дороги с вереницами автомобилей, соединяют кварталы, бульвары, напоминающие японские или нью-йоркские. Чем дальше от центра, тем реже дома, многочисленные виллы восхищают глаз не только внешним фасадом, но и цветом: от пастельного, сливающегося с фоном пустыни, до контрастирующего с ней. Об архитектуре тщательно отделанных кувейтских вилл, об их удивительных формах, крышах, террасах, стенах и так далее можно говорить бесконечно. Я восхищалась зеленью и цветами, но преж-

де всего я считала деревья и парки, которые оживляют мертвый пейзаж из песка, бетона и стекла. На улицах деревья высажены на одинаковом расстоянии друг от друга. Газоны, разбитые на площадях, вблизи часто посещаемых мечетей и в местах традиционных встреч людей, напоминают драгоценные ковры. Несмотря на палящее солнце, здесь растет множество цветов, которые приспособились к тропическим или, скорее, к пустынным условиям. Каждое деревце, каждый куст имеют свое обводняющее устройство. Капля воды здесь ценнее нефти; ее получение путем дистилляции обходится дороже добычи нефти, которая легко выплескивается на поверхность под давлением газа. Выращивание дерева в Эль-Кувейте обходится дороже, чем покупка «кадиллака», или, если использовать другое сравнение, требует столько денег, сколько идет на обучение одного школьника. Кто знает, не зелень ли должна служить в пустынных краях мерилom богатства и экономического развития?

Эль-Кувейт без преувеличения можно считать самым богатым городом Арабского Востока. А его арабская принадлежность бросается здесь в глаза больше, чем в любом другом городе. Если, например, в Бейруте богатые шейхи из нефтяных стран охотно переодеваются в европейские костюмы, на которые меньше обращают внимания в отелях, игорных и увеселительных домах, то в Эль-Кувейте доминируют *дишдаши*. *Дишдаша* — символ принадлежности к Кувейту, символ бедуинской традиции. Люди, родившиеся в песках, гордо шествуют в белых или клетчатых *кутрах** с черным *укалем*.

С самого начала приезжий чувствует, что попал в богатую страну. Носильщики не ждут *бакшиша* от пассажиров, прибывших на самолете, не предлагают ему назойливо своих услуг в надежде на щедрые чаевые.

Что явилось источником процветания крошечного государства на западном побережье Персидского залива, о котором до 60-х годов было мало что известно в мире? Ответ напрашивается сам собой: это пылающие на горизонте факелы подземного газа, которые олицетворяют нефтяную эпоху, начавшуюся здесь полтора десятка лет назад. Вид пылающих факелов особенно впечатляет по вечерам. Все небо освещено розовыми языками пламени, что напоминает яркую иллюминацию,

Двадцать процентов известных мировых запасов нефти, одна треть запасов стран Персидского залива сконцентрирована под песками и скалами Кувейта. Согласно одним источникам, добыча нефти здесь может продолжаться 50 лет, согласно другим — 100. Разница большая, но независимо от этого Кувейт считается самым крупным резервуаром нефти западного мира, а относительно небольшая площадь государства или, точнее говоря, небольшое число жителей создают условия, благодаря которым в пустыне расцвел центр современной цивилизации с высоким уровнем жизни. Его символом, как подчеркивают сами кувейтцы, является большой автомобильный парк. Он возрос с 33 тысяч в 1960 году до 150 тысяч в 1970 году, то есть почти в пять раз. Ежегодно сюда доставляют 15—20 тысяч новых автомобилей (они очень быстро изнашиваются, о чем свидетельствуют огромные автомобильные кладбища за Кувейт-Сити).

Кувейт занимает первое место в мире по размеру импорта на душу населения, так как практически импортируется всё: от хлеба, молока и сахара до промышленного оборудования. Любое повышение цен на продукты питания отражается на балансе кувейтской иностранной торговли. Современный высокий уровень жизни зависит от незначительных изменений конъюнктуры.

Трудно себе представить, что в этой богатой стране, располагающей такими денежными запасами, некоторые пищевые продукты, такие, как сахар или мясо, выдаются по карточкам. Разумеется, эти продукты можно купить у частных торговцев, но по более высоким ценам. Государство «общественного благоденствия» зависит от колебаний конъюнктуры в мире, а повышение цен на нефть привело к немедленному повышению цен почти на все товары, в которых нуждается кувейтское общество, привыкшее уже к высокому жизненному уровню. Цены на продовольственные и промышленные товары повышаются, и, по существу, благосостояние общества, которое в основном живет на доходы от эксплуатации «черного золота», зиждется на очень зыбкой почве.

В Кувейте все, за исключением песка, имеет цену, а вода самая дорогая в мире.

У страны очень скудные запасы собственной пресной воды. Раньше ее привозили на лодках из Шатт-эль-

Араб. Когда в конце 40-х годов пришел первый сухопутный транспорт с водой из Ирака, то для жителей глинобитного Кувейта это был большой праздник. Сегодня наравне с пылающими факелами подземного газа, благодаря которым Эль-Кувейт освещен по вечерам лучше, чем многие города мира днем, неотъемлемым элементом пейзажа стала дюжина водонапорных башен, видных с любого конца Кувейт-Сити.

Среди множества рекордов, какие побивает Эль-Кувейт, следует упомянуть также самые большие опреснители воды; благодаря им жители не только не умирают от жажды, но и имеют в достатке чистойшую воду, я бы сказала, и необычайно вкусную.

Однако только часть воды попадает в жилища по городскому водопроводу. Большинство домов, как легкие, элегантные виллы в предместье, так и здания в центре города, сегодня уже самой старой его части, снабжены собственными водопроводными системами. Характерной деталью таких домов являются водосборники, установленные на крышах. Почти каждый день к такому дому подъезжает цистерна с водой, и воду перекачивают в эти индивидуальные водосборники. К небольшим домам подъезжают местные водовозы с бочками. Страшно подумать, чтобы могло бы случиться, если бы произошла авария на «фабрике» воды и город оказался без живительной влаги. Работники самых крупных в мире водоочистительных установок заверили меня, что такая авария исключена.

Я внимательно слушала объяснения кувейтского инженера, который водил меня по фабрике. Вода, думала я, такая естественная у нас, здесь ценится на вес золота или, вернее, нефти. Шесть огромных стальных рук опущено в Персидский залив. Они загребают соленую воду. В результате дистилляции получается почти абсолютно чистая вода, что является ее недостатком. Поэтому ее смешивают с пресной водой из немногочисленных источников пустыни.

«Государство благоденствия»

Можно бесконечно говорить о различных аспектах карьеры, какую за последние 20 лет сделало это минигосударство, которое сами кувейтцы называют «государ-

гвом благоденствия» за те благодеяния, какие правительство оказывает своим гражданам.

Среди них бесплатное медицинское обслуживание, школьное образование и множество других мероприятий о социальном обеспечении, например строительство так называемых дешевых домов для людей с меньшим доходом, меньшим по сравнению с доходом миллионов, которых здесь довольно много. Такие дома предназначены для семей с месячным заработком ниже 90 динаров (1 динар = 3 американским долларам), семей, раумеется, кувейтского гражданства.

Следует также отметить достижения кувейтцев в области здравоохранения. Благодаря доходам от продажи нефти медицинское оборудование здесь самое современное в мире. Но дело не только в оборудовании больниц, каким располагают лишь немногие страны, но и в числе жителей, приходящихся на одного врача. Это ставит Кувейт в один ряд со странами с наиболее развитым медицинским обслуживанием. В 1949 году в Кувейте не было ни одной больницы, не считая крохотной лечебницы, принадлежавшей американской религиозной миссии.

Сейчас в Кувейте десять больниц, несколько десятков клиник и центров здоровья. Больница «Ас-Саба» на 800 коек, построенная в 1961 году, обошлась в 10 миллионов долларов. В два раза дороже будет стоить новая больница в Фахахиле.

Еще в 50-х годах в Кувейте насчитывалось всего несколько десятков врачей-иностранцев. В 1957 году был единственный врач-кувейтца, занимавшийся частной практикой, и несколько училось за границей. Еще 15 лет назад большая часть жителей лечилась у знахарей. Они читали больному соответствующие стихи Корана или переписывали на клочок бумаги какой-нибудь текст из него, после чего написанное поливали водой и давали пациентам пить эту воду. Применялись и другие средства. Например, при болях в животе применялось иглокалывание, а для заживления ран использовали мочу маленьких детей.

Сегодня на одного врача приходится 800 жителей. Если местные врачи не могут гарантировать больному выздоровление, то его независимо от стоимости лечения направляют за границу.

Мне удалось ознакомиться с пансионатами для слепых и глухонемых детей. Эти пансионаты носят оптимистические, обнадеживающие названия: Ан-Нур («Свет») для пятидесяти слепых детей и Аль-Амаль («Надежда») для ста глухонемых. Современное оборудование уютные помещения, наглядные пособия, педагоги, получившие подготовку в специализированных центрах медицинской науки, равно как и забота правительства о бедных малышах, — все это не может никого оставить равнодушным. Раньше эти дети были обречены если не на смерть, то на пожизненные страдания. В наши дни богатое государство полностью взяло заботу о них на себя. Оно не только поддерживает их жизнь, лечит их, что несомненно дает свои результаты, но и учит их ремеслу или какой-нибудь профессии. Даже тяжелобольные работают с пользой для окружающих, находят свое место в жизни.

Велики также достижения Кувейта в области народного образования. Первая государственная школа здесь была открыта еще в 1912 году. Однако вскоре ее закрыли, и на протяжении многих лет главными учебными заведениями были коранические школы, а главным предметом Коран, строфы которого заучивали наизусть. В 1946 году в Кувейте было 12 школ, 10 лет спустя — 60, а в начале 70-х годов — свыше 200, причем в них обучалось 160 тысяч детей.

Кувейт гордится также тем, что принадлежит к странам с самым большим количеством учителей. Например, в средней школе на одного учителя приходится двенадцать детей. Созданы также курсы просвещения и для взрослых. В конце 60-х годов их посещало 16 800 мужчин и 5200 женщин. В открытом в 1966 году университете в начале 70-х годов обучалось 2 тысячи студентов, в том числе 900 девушек. В университете пять факультетов: физический, филолого-педагогический, права и мусульманского права (шариата), торговый, экономико-политический. Для женщин лекции читают отдельно. Девушки, однако, более старательные студентки, чем юноши, что приводит иногда к затруднительным ситуациям. Эмир Кувейта обыкновенно лично вручает награды за успехи в науках отличившимся студентам. На 35—37 выпускников, окончивших университет с отличием, пришлось только 3 юноши. И это в стране, где

по традиции привилегированное положение занимают мужчины.

Ну что ж, юноши больше времени проводят в развлечениях, они более свободны и не связаны запретами, как девушки, которым традиция предписывает находиться в доме. Они сидят дома и учатся. Но некоторые считают, что юноши учатся хуже потому, что им приходится помогать отцам, например вести торговлю и т. д. Может быть, и так...

Обучение, так же как и медицинское обслуживание, в Кувейте бесплатное. Учащиеся обеспечиваются не только одеждой и учебными пособиями, но и транспортом и питанием, причем каждое ведомство, которым подчиняются школы, оказывает помощь своим подшефным. Я осматриваю университетские корпуса. Над главным входом надпись, цитата из Корана: «Боже, сделай меня умнее». Лекционные залы, библиотека и лаборатории превосходно оборудованы. Гимнастический зал и бассейн могли бы с успехом служить олимпийским чемпионам. Столовая радуется глаз стерильной чистотой и разнообразием меню.

Существует множество местных анекдотов о беззаботной жизни студентов, которым государство платит, только чтобы пробудить у них желание учиться. Каждый студент может учиться там, где хочет, даже не доказывая своих способностей и подготовки высокими оценками на экзаменах. Кроме того, он может учиться за границей, что многие и делают. Разумеется, стипендию платят только гражданам Кувейта, родившимся в этой стране.

Можно было бы еще немало рассказать об этой миниатюрной стране, условиям жизни которой позавидовали бы не только развивающиеся, но и некоторые высокоразвитые страны. Кувейт — крупный потребитель золота. Ювелирные магазины представляют собой здесь настоящие сокровищницы и широко распахивают двери перед обладателями денег. В этой стране самое большое количество миллионеров. Как подсчитал американец Дэвид К. Кук, здесь один миллионер приходится на 75 человек. Страна побивает все рекорды по количеству кондиционеров на душу населения (2,3). Государство оплачивает за воду, потребляемую кувейтцами, по 120 долларов в год на каждого жителя. Телефон в этой

стране бесплатен, а благодаря спутниковой связи можно почти свободно вести переговоры с любой точкой земного шара. Можно было бы и дальше перечислять достижения Кувейта. До недавнего времени здесь был самый высокий показатель дохода на душу населения (сейчас этот рекорд принадлежит эмиратам, где меньше жителей). Один автомобиль здесь приходится на пять жителей, что также является мировым рекордом.

В это трудно поверить, особенно когда знаешь, что еще полтора десятка лет назад в этом районе, сегодняшнем Кувейте, господствовали пустыня и бедность.

От доу до «черного золота»

Свой первый визит я наношу в фольклорный центр, подчиняющийся министерству информации. Центром управляет египтянин, господин Савфат, женатый на варшавянке, выпускнице факультета ориенталистики. У них две красивые девочки, которые прекрасно акклиматизировались в Кувейте. Господин Савфат посоветовал мне прежде всего познакомиться с историческими памятниками Эль-Кувейта, которые в этой одной из самых молодых стран мира высоко ценятся. Я начинаю осмотр с остатков оборонительных стен старого города с их историческими воротами Джахра Гейт, которые были построены... в 1927 году. Ворота, а скорее часть глиняной стены, как и полагается историческому памятнику, разместились в парке, в шумном центре города, возникшем на месте снесенных глиняных халуп. Еще полтора десятка лет назад стены длиной 8 километров и высотой 4,5 метра опоясывали город. Их разрушили только в 1957 году.

К давней истории Кувейта относятся также старые вентиляционные башни, которые называются *багадир*, то есть ветряные башни. Их устанавливали на крышах высоких зданий, где они «захватывали» ветер, дующий из пустыни, который проникал в жилые помещения и охлаждал их. Такая система работала не хуже современного кондиционера.

Кувейтцы с гордостью говорят, что, когда в 1765 году известный нам датский путешественник К. Нибур, единственный оставшийся в живых член экспедиции в

Аравию Счастливую, достиг Кувейта, это уже был многолюдный поселок, насчитывающий 10 тысяч жителей, которые занимались рыбной ловлей, но в основном добычей жемчуга. В водах залива стояли на якоре, как писал Нибур, около 800 доу.

Когда Нибур добрался до Кувейта, там правил эмир Сабах I, основатель династии ас-Сабахов, пришедший к власти в 1756 году.

Файлака и Кут

Прошлое Кувейта насчитывает многие тысячелетия. В древности этот край, так близко расположенный к мощному центру цивилизации, какой представляла собой Месопотамия, вел интенсивную жизнь. Западное побережье Персидского залива было усеяно торговыми факториями, развалины которых открывают сейчас около Абу-Даби и Рас-эль-Хаймы. Полон исторических памятников остров Файлака, лежащий напротив Кувейтского залива, один из немногих населенных островков Кувейта, обладающий значительными запасами пресной воды. Файлака известен еще тем, что здесь останавливался во время своего похода в Индию Александр Македонский, который дал название острову Икар. Это, вероятно, был центр древней месопотамской цивилизации. Здесь найдены древние стелы и барельефы, созданные в III веке до н. э. Снова мы встречаемся с историей пятитысячелетней давности. Храмы Файлака такие же древние, как и египетские пирамиды в Саккара.

Кувейтцы гордятся тем, что через Кувейт шли на Восток отряды воинов ислама, что это был транзитный пункт для караванов, направлявшихся в Мекку. Название «Кувейт» происходит от арабского слова «кут», то есть «крепость». К. Нибур — первый европеец, нанесший это название на карту Персидского залива; сейчас эта карта находится в Британском музее. Крепости на Пиратском берегу построены португальцами, укреплявшими свое господство на пути в Индию.

Но оборонные крепости приходилось строить и жителям побережья, так как эта территория постоянно подвергалась нападениям и разбойничьим вылазкам различных вооруженных групп. Здесь постоянно велись

войны между враждующими племенами. В XIX веке кувейтское побережье залива стало объектом нападения фанатичных ваххабитов из саудидского государства в Аравии³⁰. Отношения Кувейта и государства Саудидов не раз переходили из дружеских во враждебные, особенно на протяжении последних пятидесяти лет. В начале XX века в Кувейте нашел убежище будущий создатель Саудовской Аравии Ибн Сауд, врагами которого были его отец, король Фейсал, и брат Сауд, предыдущий правитель государства Саудидов. С помощью кувейтцев Ибн Сауд сумел разгромить своих противников. Позднее ему удалось завоевать большую часть Аравийского полуострова. Он планировал завоевание всего полуострова и даже княжества ас-Сабахов. Вот тогда-то Кувейт и отгородился мощной восьмикилометровой стеной, которая просуществовала до 1957 года.

Пиратство — отдельная глава недавней истории Кувейта. В кувейтских анналах XIX века можно найти имя некоего Рахмана бен Джабира, одного из известнейших морских разбойников. Двадцать лет свирепствовал он на акватории Индийского океана и в районе Адена, не пропуская ни одного торгового судна. В конце концов его корабль был окружен английскими судами. Убедившись, что ему не удастся прорвать окружение, Рахман бен Джабир взорвал свой корабль.

Англия заинтересовалась пустынным эмиратом только в конце XIX века, когда усилилось соперничество империалистических держав в этом районе.

Английский протекторат над эмиратом был установлен только в конце XIX века во время правления седьмого эмира, Мубарака, которого прозвали «Великим». В 1899 году он подписал договор о дружбе с Англией, который ничем не отличался от тех, что были подписаны ранее с правителями миниатюрных шейхств Южной Аравии и Персидского залива. Эмир Мубарак взял на себя обязательство не предоставлять концессии и не заключать договоры ни с какими другими государствами. Этот пункт договора имел важное значение, так как в то время в этом районе Ближнего Востока соперничали две державы: Англия, успевшая уже за сто лет пустить корни в зоне Персидского залива, и империалистическая Германия, которая вынашивала идею строительства железной дороги Берлин — Персидский залив. Планам кай-

зеровской Германии в районе Персидского залива противодействовала не только Англия, но и царская Россия. Кроме того, Кувейт представлял собой лакомый кусок для ваххабитов. Формально он все еще находился под турецким правлением и был частью вилайета Басры, провинции Ирака. Это явилось впоследствии причиной напряженных отношений между Ираком и Кувейтом, которые не угасли и в наши дни. Ирак считал, что англичане искусственно оторвали от его территории провинцию Кувейт, чтобы сделать из нее самостоятельное шейхство, когда обнаружили здесь запасы нефти. Ирак выступал против независимости Кувейта, которую страна приобрела в 1961 году. Правда, спустя два года Ирак признал новое государство. Однако на иракско-кувейтской границе часто возникает напряженность.

Главное занятие жителей Кувейта до эпохи нефтяного бума было связано прежде всего с морем. Это отражено в экспонатах исторического музея города. Там представлены *доу* и приспособления, которыми пользовались ловцы жемчуга. С зажимом для носа они ныряли в воды залива, вооруженные только ножом, и в одиночку противостояли опасностям, поджидавшим их. Их грозным противником были акулы, кишасие в водах залива. Прошлое не полностью исчезло из жизни современного Кувейта. Достаточно посетить старый порт, где стоят на якоре многочисленные *доу*, чтобы представить себе жизнь древнего Кувейта. В Кувейте продолжают строить крошечные *доу*, которые бороздят воды Персидского залива в поисках жемчуга.

Профессор Збигнев Бучковски из Варшавского политехнического института, работающий в Кувейте от ЮНЕСКО, привез нас на верфь, где некоторые семьи на протяжении многих поколений занимаются благородной профессией — строят *доу*. В этих «скорлупках» кувейтские моряки господствовали на морях и океанах от Восточной Африки до Гонконга. *Доу* бывают самых разных размеров. Их грузоподъемность колеблется от 75 до 300 тонн. Эти суденышки называли в зависимости от их предназначения: рыболовные — *джалибут*, *балам*, *бутаир*, *батил*, *шуай* и *самбук*, для дальних морских путешествий — *бум* и *бахали*. В период благоприятных муссонных ветров моряки предпринимали далекие путешествия с различными грузами на борту. Чаще всего

везли финики, которые экспортировались из района Шатт-эль-Араб в Ираке в Азию или Восточную Африку. Но нередко они везли и запрещенные товары: чернокожих рабов или украденных из какой-нибудь страны белых невольниц или мулаток.

Судостроители встречают нас дружелюбно, разрешают подняться на палубу, знакомят со своей работой. Дерево привозят из Индии, а в последнее время из Советского Союза. Прежде самые лучшие породы дерева привозили из Ливана, откуда его волокни по земле, а потом сплавливали по реке до самой Басры. Некогда было не так-то просто попасть на верфь. Владельцы строящихся судов были очень суеверны. А вдруг кто-нибудь посмотрит на *доу*, постоянно подвергавшееся опасности в море, которое справлялось и не с такими суденышками, «дурным глазом»? Если поблизости появлялась женщина, не имеющая детей, это была плохая примета. Считалось, что женщина забеременеет, но кто-то из команды погибнет, так как Аллах, подарив жизнь одному, должен забрать ее у другого. Поэтому день и ночь верфи находились под неусыпным надзором двадцати мужчин, которые далеко отгоняли от них всех женщин.

Владельцами судов — как больших *бумов*, так и малых *джалибутов* — были богатые купцы или же капитаны, которых называли *нахуда*. Моряки вечно были в долгу у *нахуды*, как и ловцы жемчуга. Некоторые из них работали по 8—10 месяцев в году, чтобы оплатить свой долг, который числился еще за их отцами. Они никогда не могли освободиться от этого долга, так как их заработки были слишком низкими, а долги росли год от года.

Каждый третий или четвертый пожилой житель современного богатого Кувейта работает в порту. Если он не занимается ловлей жемчуга, то ходит в дальние рейсы по морям и океанам. Даже после второй мировой войны, когда были добыты первые тонны нефти на нефтяных полях Буркана, мало кто из них обратил на это внимание. Да и могли ли предвидеть столь радикальные изменения в своей жизни кувейтские потомки Синдбада Морехода, ожидающие в десятках *бумов*, *бахали* и *джалибутов* благоприятного ветра или спокойного моря, чтобы отправиться в путь?

Сегодня место *доу* заняли танкеры и многочисленные корабли торгового флота со всех уголков мира, в том числе и польские, которые заходят в порт этого мини-государства, второго в мире и четвертого на Ближнем Востоке производителя и экспортера «черного золота», живущего и процветающего на доходы от него.

Нефть была открыта в Кувейте в 1938 году, но ее эксплуатация началась только в 1946 году. С кувейтской нефтью связана целая история. О нефти кувейтские бедуины знали и раньше, до того, как ее открыли английские и американские геологи. Они не раз замечали в пустыне небольшие углубления в песке, заполненные коричнево-красной жидкостью, непригодной для питья. Они использовали эту жидкость в качестве лечебного снадобья или для дубления кож. Нефти здесь было больше, чем питьевой воды. Как анекдот сейчас рассказывают такой случай. В 1951 году делегация кувейтцев отправилась в Соединенные Штаты, чтобы закупить там опреснительные установки. «Ищите источники воды, — посоветовали им американцы, — наверняка где-то должна быть вода». — «Бесполезно, — ответили гости. — Стоит только копнуть песок, как оттуда начинает бить нефть...»

Из 800 скважин, пробуренных в 1946—1970 годах, только десять оказались пустыми. Нефть выходит здесь на поверхность под высоким давлением. Добыча кувейтской нефти самая дешевая в мире — 10 центов за баррель, в то время как в Венесуэле она обходится в 70 центов, а в США — в 1,75 доллара. Второе преимущество кувейтской нефти в том, что она сосредоточена на относительно малой площади, протянувшейся с севера на юг и с востока на запад на 150 километров, что сокращает до минимума строительство нефтепроводов. Кроме того, побережье Кувейта обладает исключительно удобным портом. Многотоннажные танкеры могут подходить почти к самому берегу.

Главная компания, оперирующая в Кувейте, — «Кувейт ойл компани» (КОК). В нее входят два известных нефтяных концерна — «Бритиш петролеум» и американская «Галф ойл корпорейшн». КОК — самая крупная нефтяная компания западного мира, если говорить о тоннаже добываемой нефти.

В 1934 году, еще до открытия нефти, эти концерны заключили с эмиром контракт на 75 лет на добычу нефти на территории всего Кувейта. Доля Кувейта в прибылях была в то время минимальной — 13 центов с барреля. Правда, в 1951 году прибыль Кувейта от каждого барреля возросла до 80 центов, но одновременно был продлен срок англо-американской концессии до 2026 года! Уже много лет в Кувейте бьют тревогу по поводу того, что концессия будет продолжаться до тех пор, пока в стране останется хоть капля нефти. «Кувейт ойл компани» — крупнейший добытчик нефти, на который в конце 60-х годов приходилось около 90 процентов всего объема продукции кувейтского «черного золота».

В распоряжении компании находятся самые большие нефтеносные поля Буркан. Концессию на добычу нефти получили также и другие компании: американские, испанские, японские и английские. В итоге на территории Кувейта действуют шесть нефтяных компаний, в том числе отечественная Кувейтская национальная нефтяная компания, созданная в 1960 году. 60 процентов акций принадлежит государству, а остальные 40 — частному кувейтскому капиталу. В 1968 году эта компания начала сотрудничать с государственной испанской компанией «Хиспан ойл», однако контрольный пакет акций находится в руках кувейтского правительства. Таким образом, возникла кувейтско-испанская компания с преобладанием кувейтского капитала. Три года спустя компания приступила к эксплуатации своей территории, полученной по концессии.

Деятельность Кувейтской национальной нефтяной компании сначала ограничивалась продажей на местном рынке продуктов очистки основного производителя кувейтской нефти — КОК. Однако с течением времени она стала серьезным конкурентом для зарубежных компаний. Она открыла свои многочисленные филиалы в Европе и на Дальнем Востоке и занимается продажей нефтепродуктов.

Компания владела одним из трех нефтеперегонных заводов на территории Кувейта (остальные принадлежали КОК и «Аминойл»). Я познакомилась с нефтеперегонным заводом, открытым в мае 1968 года. Он расположен в Эш-Шувайхе, в 55 километрах от Эль-Кувей-

га. На обширном пространстве пустыни смонтировано оборудование, которое считается самым современным в мире. Кувейтец, представитель компании «Кувейт кемикел фертилайзер компани» (ККФК — Кувейтская компания по производству искусственных удобрений), и английский инженер объяснили мне, что на нефтеперегонном заводе в Эш-Шувайхе впервые в мире в технологии нефтеочистки используется водород. Производительность нефтеперегонного завода составляет 95 тысяч баррелей в день, причем здесь производят различные виды нефтепродуктов высокого качества, которые экспортируют во многие страны мира. В 1969 году нефтеперегонный завод экспортировал 3 миллиона тонн нефтепродуктов, главным образом в европейские страны и в Японию.

Кувейт гордится тем, что использует свои природные богатства для преобразования пустыни в развитой в экономическом отношении район. Отсутствие воды и плодородных земель ограничивает возможности развития сельского хозяйства. Только один процент кувейтской земли годен для возделывания. Недостаток плодородной земли будет компенсирован развитием промышленности, опирающейся на нефтехимическое сырье.

В Эш-Шувайхе мы осмотрели первый промышленный комплекс, который знаменует переход Кувейта на более высокую ступень экономического и социального развития, ознакомились с электростанцией мощностью 210 мегаватт, водоочистительными сооружениями производительностью 3 миллиона галлонов воды в день, нефтехимическим комплексом, принадлежащим Кувейтской компании по производству искусственных удобрений. Завод был построен в 1967 году и постоянно расширяется. Он принадлежит компании со смешанным капиталом: кувейтским, американским и английским. Здесь работает 400 человек, причем производится профессиональное обучение рабочих. Дневная продукция нефтехимического комплекса превышает тысячу тонн различных удобрений. В пейзаже Эш-Шувайха доминируют многометровые стальные трубы, пузатые резервуары для хранения аммиака, мочевины и сульфата аммония.

Представитель нефтехимической компании с гордостью подчеркнул, что завод мочевины с производственной мощностью 150 тысяч тонн в год — самый круп-

ный в мире и самый современный. На мочевины и сульфат аммония, которые производятся в Эш-Шувайхе, сейчас большой спрос во всем мире. Искусственные удобрения почти все предназначены на экспорт. Их потребителями являются страны Восточной Африки (Кения, Танзания, Судан, Уганда, Малави, Маврикий, Замбия), Ближний Восток и Европа (Египет, Ирак, Иордания, Сирия, Турция, Греция, Кипр), а также некоторые азиатские страны (Шри Ланка, Индия, Пакистан и КНР). Прибыли от продажи искусственных удобрений уже в 1970 году составляли второй источник доходов государства после экспорта нерафинированной нефти.

«Верблюжьих деньги»

В Кувейте все начинается нефтью и все ею кончается. Однако нефть создает свои проблемы, и весьма значительные. Ее добыча дает чуть больше 90 процентов дохода государства, но занимает не более 4 процентов трудоспособного населения. Призрак медленного, но неуклонного уменьшения запасов нефти висит как дамоклов меч над государством в пустыне. Мысли о будущем стали в Кувейте в 60-х годах настоящей навязчивой идеей, когда, с одной стороны, нефтяной бум начал приносить свои плоды, а с другой — оказалось, что доллары, полученные от иностранных компаний и депонированные в банки, быстро теряют свою цену. Правители Кувейта, так же как и другие «князья арабской нефти», знают о том, что их деньги способствуют упрочению западной валютной системы. Так, например, английский фунт стерлингов удержал свою позицию на мировом рынке исключительно благодаря кувейтским «нефтяным», или «верблюжьим», как их называют некоторые экономисты, деньгам, помещенным на банковские счета в Англии. Изъятие этих денег и обмен на золото могли бы в этой ситуации привести к серьезным осложнениям на валютном рынке.

В Кувейте скопились огромные деньги, миллионы и даже миллиарды долларов. Этот факт налагает определенный отпечаток на внутреннюю и международную политику правительства ас-Сабахов. В 1961 году Кувейт создал фонд помощи экономическому развитию арабских

стран. Из этого фонда выделяются долгосрочные и краткосрочные кредиты арабским странам под небольшие проценты, от 2,5 до 3,5, в рассрочку на 15—25 лет, причем кредиты на развитие сельского хозяйства самые низкие. И все же, несмотря ни на что, это важная экономическая помощь арабским странам, находящимся в более трудных по сравнению с Кувейтом экономических и социальных условиях.

Этой помощью воспользовались уже многие страны, среди них Алжир (кредиты на строительство нефтепровода), Судан, Египет (углубление Суэцкого канала и строительство нефтепровода Суэц — Александрия), Тунис, Ливан, ЙАР, а также, хотя и в значительно меньшей степени, НДРГ. Кувейтский фонд влияет на развитие политической ситуации в районе Ближнего Востока, способствует развитию все большей независимости и освобождает от так называемого экономического колониализма.

Кувейт — один из защитников дела палестинцев. Благодаря кувейтским фондам это движение сумело превратиться в серьезную политическую силу, и, как некоторые считают, только благодаря Кувейту и его финансовой помощи, а также убежищу, которое нашли на его территории многие палестинцы и иорданцы, вообще можно говорить о сохранении палестинского народа, которому угрожает диаспора. Этот тезис, конечно, дискуссионный, но тем не менее помощь Кувейта в этой области огромна.

Во время нашей беседы, состоявшейся с заместителем министра иностранных дел Кувейта в марте 1973 года, была особо подчеркнута солидарность Кувейта с палестинским народом, борющимся за свои права. Эти слова нашли свое подтверждение во время арабо-израильской войны 1973 года, когда Кувейт вместе с другими арабскими странами объявил бойкот на поставку нефти странам, поддержавшим израильскую агрессию, и был одним из руководителей этой кампании.

Заместитель министра иностранных дел особо подчеркнул позицию и роль своей страны в международной политике, сделав акцент на мирном сосуществовании (агрессивная война запрещена конституцией этой страны) и нейтралитете, под которыми понимались дружественные отношения со всеми странами (за исключением

Израиля и расистского правительства Южной Африки, а также фашистской Португалии, ведшей колониальные войны, что после правительственного переворота в этой стране весной 1974 года потеряло свою актуальность). В противоположность некоторым консервативным нефтяным государствам Аравийского полуострова Кувейт гордится тем, что поддерживает дружеские отношения не только с западными государствами, которые являются главными торговыми партнерами Кувейта (первое место здесь занимают Соединенные Штаты, затем Англия, ФРГ и Япония), но также со всеми социалистическими странами.

Именно Кувейт, месторождения которого в свое время были отданы нефтяному концерну КОК, был одним из инициаторов основания в 1965 году Арабской организации стран — экспортеров нефти, действующей как самостоятельная группа в рамках ОПЕК. Кувейт призвал создать общий флот танкеров, а также предложил взять в свои руки торговлю нефтью и развитие нефтехимической промышленности, используя в качестве сырья нефть и газ.

Не провозглашая открыто лозунг «национализации нефти», Кувейт сумел за минувшие 15 лет получить серьезные финансовые выгоды от своей монополии. В конце 1973 года, в период обострения энергетического кризиса в мире, который был использован монополиями для повышения цен на различные товары, кувейтское правительство сумело приобрести 60 процентов акций «Кувейт ойл компани», важнейшей нефтяной компании, владевшей самыми крупными месторождениями «черного золота». Это, несомненно, серьезный успех, который имеет очень большое значение для арабского мира. Это один из этапов борьбы стран — поставщиков сырья за право распоряжаться своими природными богатствами, начало которой положила неудачная попытка национализации нефтяных месторождений в Иране двадцать лет назад. Этот процесс усилился на пороге 70-х годов, когда Алжир и Ливия национализировали самые крупные иностранные нефтяные компании на своей территории.

Так в этом государстве, пришедшем в XX век словно из сказки, в течение одного десятилетия исчезли голод, нищета и отсталость. Однако Кувейту предстоит еще решить немало серьезных проблем.

Как-то я посетила дворец на набережной, штаб-квартиру эмира Сабаха ас-Салима ас-Сабаха, двенадцатого правителя Кувейта.

Четырехугольная башня дворца с часами, увенчанная миниатюрным куполом, отлично видна с верхних этажей кувейтских зданий. Дворец построен в традиционном стиле и опоясан мощной стеной. Его охраняют гвардейцы, одетые в разноцветную униформу, они стоят перед входом в здание и во дворце. Суровый на вид дворец напоминал больше реставрированную крепость, чем резиденцию одного из самых богатых людей мира. Зато внутреннее убранство могло послужить иллюстрацией к сказкам Шахразады. На портретах правителя Кувейта, украшающих стены различных учреждений, добродушное, улыбающееся лицо 60-летнего человека (он родился в 1915 году) в белой *дишдаше* и такой же *кутре* с черным *укалем*. Прежде чем стать эмиром, он занимал многие ответственные посты в государстве во время правления его брата Абдаллы (1950—1965), которому достались первые пятнадцать лет эпохи нефтяного бума. Начиная с 1938 года эмир Сабах ас-Салим был начальником полиции, потом министром внутренних дел, затем получил портфель министра здравоохранения, а в 1961 году принял руководство ведомством иностранных дел. Через год его объявили наследником трона, в 1963 году — главой правительства, а с 1965 года он стоит во главе государства.

В зале, где выдают пропуск на осмотр дворца, сидят бедуины, прибывшие, как сказал начальник дворцовой стражи, просить аудиенцию у эмира. В своих *дишдашах* они ничем не отличаются по внешнему виду от знаменитых представителей племени аназа, из которого происходит правящая семья Кувейта. Они идут к эмиру не как к правителю, а прежде всего как к своему отцу, патриарху рода, так как, по понятиям людей пустыни, племя представляет собой как бы одну большую семью. Кувейтцы называют свой строй демократическим, который сочетает древние патриархальные традиции бедуинов с современными требованиями. Они не стремятся наследовать «демократию» Запада, хотя его влияние на

экономику все растет, а хотят сохранить собственную систему правления, «бедуинский социализм».

Согласно традиции каждый кувейтеец имеет право прийти во дворец и просить приема у правителя, причем этот прием чаще всего носит радушный характер. Разумеется, недостаток времени не позволяет правителю слишком часто общаться со своими земляками, однако чувство дистанции между правителем и подданными здесь как бы слабеет. Законы пустыни предписывают вести себя просто и естественно, но одновременно уважительно по отношению к старшим по рангу или по возрасту. Они в значительной мере ограничивают общественную жизнь рамками мусульманского, традиционного стиля³¹.

Будет ли продолжаться так и дальше? По крайней мере сейчас, когда у власти находятся представители правящего клана ас-Сабахов, которые помнят времена, когда фонтаны «черного золота» еще не били в пустыне, а большинство населения жило не в суперсовременных виллах и дворцах, а в шатрах, продолжают доминировать черты бедуинской общественной системы, приспособленной к изменившимся общественно-экономическим условиям.

Портрет бедуина

Исчерпывающий портрет бедуина дал в книге «Араб пустыни» знаток арабских кочевников полковник Х. Р. П. Диксон. Он много лет служил в арабских странах в качестве английского чиновника, и благодаря тому, что в детстве его кормилицей была женщина из племени аназа, племя относилось к нему почти как к своему. Поэтому у него была возможность узнать многие стороны жизни племени, что было бы невозможно в других условиях.

Книга «Араб пустыни», как и другая книга того же автора, «Кувейт и его соседи», описывает различные аспекты общественной жизни кочевников, их занятия, время кочевок, проблемы арабской чести, отношение к женщине, религии, врагам и т. п., но прежде всего их сильную внутреннюю связь, чувство общности, без чего трудно понять поведение «арабов пустыни», кувейтцев.

Знатоки и «завоеватели» Аравийского полуострова Х. Диксон, Дж. Филби, Б. Томас, Т. Лоуренс, У. Тэсиджер, которые преодолели значительные расстояния в пустыне и целые годы провели среди кочевников, изучили их язык и ознакомились с обычаями, питались вместе с ними сушеными, твердыми как камень финиками и лепешками, а чаще верблюжьим молоком, прониклись уважением к бедуинам. Бедуин не лишен недостатков. Он может быть жестоким, его поведение порой трудно объяснить, его захлестывают эмоции, он считается только с силой. У него десятки других отрицательных черт, очень усложняющих общение с ним. Однако характер бедуина сформировался в непрестанной, безжалостной борьбе с пустыней. Он отважен и вынослив, гостеприимен сверх всякой меры, делится всем, что у него есть, сохраняет верность своему слову, честь ценит дороже жизни, презирает слабость и измену. Бедуин умеет сохранить свое достоинство и тогда, когда его мучают голод, жара или холод. При любых обстоятельствах он остается свободным человеком.

Но не все бедуины одинаковы. Жизнь пустыни, жизнь кочевых племен Аравийского полуострова пропитана неприязнью, враждебностью и предубеждением, кровавыми вендеттами, начало которым, может быть, положено много поколений, а то и веков назад.

В этой части Аравии дает о себе знать насчитывающее тысячелетия деление племен на асилин, то есть «самого чистого» происхождения, берущих свое начало от патриархов Кахтана и Исмаила, и на тех, которые не могут похвастаться благородным происхождением. Это древнее деление оказывает существенное влияние на общественно-политическую жизнь. В зависимости от происхождения человек занимает место в общественной иерархии пустыни. По законам кочевых народов Аравии племена асилин стоят выше племен, смешавшихся с другими народами. К аристократическим племенам принадлежат правители Кувейта, Саудовской Аравии и Бахрейна (все они происходят из одного племени аназа, хотя и из разных кланов), эмиры Катара и Объединенных Арабских Эмиратов. Издавна эти племена, аристократы пустыни, вели кочевой образ жизни, подерживали свое существование благодаря огромным стадам верблюдов, с которыми кочевали девять месяцев

в году. Только люди менее благородных племен селились в городах, служили у владельцев парусников, *нахуда*, моряками или ловцами жемчуга. Ни один благородный род не выдал бы замуж девушку за члена племени с неизвестной генеалогией. В любом случае, как пишет Диксон, они не позволили бы увести ее из дома. Ее муж должен был жить с родственниками девушки и вести такой же образ жизни, как и они, зачастую более скромный, чем он вел раньше в племени неблагородного происхождения.

В эпоху нефтяного бума древнее деление племен стало анахронизмом, но происхождение и принадлежность к благородному роду по-прежнему оказывают влияние на положение человека в обществе и занимаемую им должность. Самые высокие посты в правительстве занимают те, кто принадлежит к благородному роду. Они продолжают оставаться элитой общества, которое сейчас в изменившихся социально-экономических условиях пользуется в полной мере плодами благосостояния. Но благородное происхождение и обязывает. Символом его является щедрость, обычай делиться с другими своим имуществом. В арабском обществе пустыни правитель должен быть щедрым, он должен доказать, пишет Диксон, что «является отцом своего народа».

Здесь, как и в других арабских шейхствах, не происходит наследования, то есть сын не считается преемником только потому, что его отец занимал пост правителя. Но все-таки трон остается за семьей правящего клана. Совет племени, *маджлис*, решает, кому из сыновей или родственников умершего доверить трон. До приобретения независимости на такой выбор оказывала влияние также позиция государства, установившего протекторат над эмиратом, то есть Англии. Но и английский протекторат не внес больших перемен в структуру и иерархию эмирата, в отношении между аназа и другими племенными группами.

Сабахи и конституционная монархия

Семья ас-Сабахов пользуется огромным престижем. Наследование трона обуславливается принадлежностью к потомкам великого Мубарака или, точнее, к

двум ветвям его рода: Салима и Джабера. Два последних правителя — внуки Мубарака, дети его сына Салима, зато Ахмед, во время правления которого (1921—1950) в Кувейте началась нефтяная эра, был потомком Джабера. После смерти Абдаллы в 1965 году трон должен был перейти к клану Джаберов — сыну Ахмеда Джаберу (родился в 1926 году). Джабер, сторонник более решительных мер по отношению к монополиям, действовавшим на территории Кувейта, считался поклонником Насера и поэтому не пользовался симпатией в английских кругах, которые сохранили сильное влияние на политику Кувейта после провозглашения им независимости. Шейх Салим ас-Сабах имел репутацию более «прозападного» правителя. Поэтому выбрали его.

С 1962 года Кувейт — конституционная монархия. С 1963 г. эмир делит законодательную власть с Национальным собранием. Исполнительная власть принадлежит эмиру и совету министров. Самые ответственные посты в правительстве занимают члены двух кланов королевской семьи Сабахов. Так, например, потомкам Салима, отца эмира Сабаха, принадлежат посты министра обороны и внутренних дел. Зато пост премьер-министра находится в руках Джабера, сына Ахмеда, который также является наследником трона. По линии Джабера еще следует упомянуть второго сына шейха Ахмеда, Сабаха, который является министром иностранных дел и информации. Представленная таким образом позиция королевского рода ас-Сабахов, их внутреннее соглашение о распределении важнейших постов дают ключ к пониманию «анатомии власти» в Кувейте, приводившую в прошлом к созданию напряженности, братоубийственным войнам и династическим распрям.

Бедуины-аристократы аназа допустили к власти членов других племен пустыни более низкого происхождения (они управляют министерством финансов, образования и т. д.). В правительстве имеется также группа людей, принадлежащих не к бедуинам, а к купеческому сословию: владельцы *доу* или семьи *нахуда*, которые и до нефтяного бума были самыми богатыми людьми эмирата в противоположность рыбакам, морякам и ловцам жемчуга. Как говорят в Кувейте, тот, кто был богат до нефтяной эпохи, по-прежнему богат, но только еще больше разбогател благодаря нефти. Когда говорят о систе-

ме власти в Кувейте, то никто не называет ее «диктатурой», зато многие обозреватели используют определение «олигархия».

Почему же олигархия? Помимо своих многочисленных рекордов во многих областях Кувейту принадлежит еще один, и весьма интересный, а именно: количество иностранцев, работающих в этой стране, превышает количество граждан. Ежегодно Кувейт предоставляет гражданство 50 иностранцам, но с условием: они должны прожить в стране не менее десяти лет. Кроме этого существует еще масса других требований. Но, несмотря на это, Кувейт чуть ли не единственное государство в мире (не считая ОАЭ), где иностранцы составляют большинство — около 55 процентов. Число кувейтцев с кувейтским гражданством колеблется в пределах 400 тысяч человек³².

Из этого числа только около 50 тысяч обладают избирательным правом, так как в соответствии с племенной традицией к голосованию допускаются только мужчины, достигшие 21 года, то есть люди достаточно зрелые. Эти 50 тысяч избирателей представляют собой бедуйско-купеческую финансовую олигархию, с которой правительству выпадало больше всего хлопот. Из 60 членов Национального собрания около одной трети приходится на оппозицию.

В условиях Кувейта понятие «оппозиция» весьма неопределенно. Она не призывает ни к какой революции и состоит главным образом из образованных кувейтцев. Последние стремятся ограничить влияние старшего поколения, которое в молодости еще кочевало с верблюдами по пустыни, а теперь препятствует молодым занимать посты в учреждениях и министерствах Кувейта. Оппозиция добилась ревизии нефтяных договоров с самым могущественным нефтяным концерном, действующим на территории Кувейта, — англо-американской «Кувейт ойл компани». Борьба, как уже говорилось, увенчалась успехом. Благодаря нажиму Национального собрания участие государства в «Кувейт ойл компани» возросло до 60 процентов с перспективой получения остальных 40 процентов в течение ближайших лет³³.

Оппозиция не имеет легального партийного представительства. Партии, как таковые, запрещены в Кувейте.

Однако оппозиция пустила корни в студенческом движении, а также, хотя и в меньшей степени, в профсоюзах, которые объединяют только кувейтских граждан. Представители оппозиции добиваются предоставления избирательных прав женщинам, а также смягчения строгих законов о кувейтском гражданстве.

Кувейтец имеет преимущество

Когда говорят «иностранец», то имеют в виду главным образом арабов с Севера. О них ходит много анекдотов. Вот один из них:

На курсах по вождению автомобиля инструктор, проводящий занятия, спрашивает палестинца, кому, находясь на площади, он должен уступить дорогу. «Кувейтцу», — отвечает тот без запинки.

Кувейтцам в своей стране в принципе все разрешено. То, что проходит для местных жителей безнаказанно, для иностранца может стать причиной немедленного выдворения из страны. Несмотря на то что иностранцы обладают более высокой квалификацией, их зарплата ниже, чем у кувейтцев, не имеющих образования. Кроме того, им недоступны многие должности и те привилегии, которыми пользуются местные жители. Английский писатель и публицист Дэвид Холден в книге «Прощание с Аравией» называет их «евнухами в золотом гареме шейха». Они обладают богатством, которым не могут воспользоваться. Их контракт с правительством должен возобновляться ежегодно. Кувейтское министерство внутренних дел ведет исключительно тщательный учет.

Привилегированное положение местных жителей пустыни порождает раздоры и напряженность. Однако трудно не увидеть и обратную сторону медали. Сказочное богатство Кувейта привлекает сюда со всего арабского, да и не только арабского мира толпы людей, желающих только пожить здесь. Суровые иммиграционные запреты должны, по существу, возвести преграду для вторжения мошенников и комбинаторов и отобрать наиболее ценные кадры. Есть иностранцы, которые после полутора десятков лет образцовой работы в Кувейте были удостоены его гражданства. Но, несмотря на суще-

ствующие ограничения, не дающие пустить в этой стране корни, иностранцы охотно соглашаются здесь работать. Заработная плата и условия жизни в Кувейте значительно лучше, чем в любом другом месте. Поэтому иностранцы рассматривают свое пребывание в этой стране как средство обогащения. Они могут свободно вывозить из Кувейта заработанные ими деньги и без препятствий выезжать за границу. Они свободны. Им ставится только одно условие: не заниматься никакой политической деятельностью, которая бы противоречила нейтральной политике Кувейта, а также принципам, действующим внутри страны.

Кто же эти иностранцы? Основную группу их представляют палестинцы, около 35 процентов общего числа. Затем идут иорданцы, иракцы, ливанцы, египтяне, индусы, иранцы, пакистанцы. Они занимают почти все рабочие места. За совершение какого-нибудь преступления их выдворяют из страны в 24 часа. Кувейтская полиция, прошедшая курс криминалистики у английских специалистов, действует исключительно эффективно. Поэтому иностранцы стремятся не вступать в конфликт с существующими в стране законами. Кувейт принадлежит к тем немногочисленным странам, где в принципе нет воров. Можно оставить квартиру незапертой и застать ее совершенно нетронутой, но это не означает, что не бывает исключений. Проблема иностранцев и их статуса, несомненно, со временем будет как-то разрешена.

Кувейт переживает эпоху бурного развития, направление которого в принципе определено: индустриализация, предоставление кредитов и вывоз капиталов за границу.

О капиталовложении в другие страны в Кувейте и за его пределами пишут много. За границей пишут в саркастическом тоне или с грустной иронией. «Угрожает ли нам колонат богатых арабских шейхов?» — вопрошает французская газета «Монд» и добавляет, что не только иранский шах скупает акции Круппа. Богатые шейхи с берегов Персидского залива размещают свои деньги в Европе. Лес Рамбуйе, французская верфь и некоторые поместья на Лазурном побережье — все это перешло в руки таинственных богачей из района Персидского залива, «новых фокусников, у которых карманы полны денег. Они входят во дворцы, которые только

что купили, и требуют, чтобы их обслужили». Деньги открывают им любые двери.

Действительно, кувейтские, как и вообще арабские, капиталы помещены во многие банки и вложены во многие предприятия. Например, кувейтская инвестиционная компания строит отели в Атланте и туристический центр в Луизиане на территории США. Правда, говорят, что так называемые нефтедоллары больше быгодились на самом Аравийском полуострове для экономического развития стран, не имеющих природных богатств. Но это уже совсем другое дело.

Прибыльное размещение капиталов за границей кажется кувейтским политикам самой надежной формой обороны от инфляции и дороговизны, результаты которых ощущают все нефтяные эмираты Персидского залива. Впервые лишь в 1973 году в Кувейте серьезно задумались над тем, стоит ли в дальнейшем увеличивать добычу нефти, не являются ли неиспользуемые залежи нефти большим богатством, чем все увеличивающиеся суммы долларов на банковских счетах, на которые можно покупать все меньше и меньше. Отсюда стремление ограничить добычу нефти вопреки желаниям нефтяных монополий. В 1973 году добычу нефти сократили до 140 миллионов тонн, в то время как в 1972 году она составляла 150 миллионов. В том же, 1973 году впервые в Кувейте и в других нефтяных государствах Аравийского полуострова нефть стала оружием экономической политики. Разумеется, Кувейту необходимо экспортировать свою нефть. В этом заключается вопрос жизни и смерти крошечного эмирата, который столь внезапно перешел из эпохи кочевничества в эру общества с высоким уровнем потребления.

Вопрос: «Что же дальше?» — беспокоит кувейтского «богача на песке». Обществу изобилия угрожает призраок оскудения «черного золота». Делается все необходимое, чтобы оградить себя от такой опасности. Развиваются те области экономики, которые обеспечат другие источники дохода. Производятся капиталовложения, прежде всего в промышленность, опирающуюся на местное сырье — нефть и газ. Но существуют сторонники более интенсивной индустриализации: закупки готовых объектов за границей, целых заводов и развертывания их в кувейтской пустыне. Однако такая промыш-

ленность не будет рентабельной и сможет развиваться только при постоянной финансовой помощи государства. У Кувейта нет иного сырья, кроме нефти, и здесь очень дороги рабочая сила и вода.

Некоторые политики делают ставку на сельское хозяйство. Земледелие в пустыне? Это уже настоящее безумие! Однако это дело не такое уж безнадежное. В мире преобразена уже не одна пустыня, а отсутствие продуктов питания будет со временем все большей проблемой для Кувейта с его постоянно увеличивающимся населением.

Кувейтцы принялись интенсивно сажать деревья и закладывать леса. Миллион деревьев должен вырасти в голой пустыне. Большинство из них требует регулярной поливки. Значительная часть этого плана уже выполнена.

Во время моего пребывания в Кувейте я имела возможность ознакомиться с экспериментальной сельскохозяйственной фермой. Результаты, достигнутые на ней, впечатляют. Крупные помидоры, дыни, огурцы, клубника — все это выращено в голой пустыне, вернее не в пустыне, а под пленкой на земле, обводняемой с помощью так называемой системы гидропоники. Суть ее заключается в том, что искусственные удобрения растворяют в воде и эту воду подводят к каждой грядке и к каждому кусту. Вода испаряется, но это неизбежные потери. Воду подливают через каждые 3—5 дней. Наградой за труд служит обильный урожай, который в пять раз превышает урожай тех же самых культур, выращенных в обычных условиях. Используется также метод выращивания культур без земли, так называемый воздушный способ (аэропоника). Выращенные в земле растения пересаживают в металлические трубы с отверстиями, поднятые под пластмассовый потолок. Растения подкармливают смесью воды с искусственными удобрениями. Кувейтцы стремятся хоть часть продуктов питания, которые они закупают за рубежом, производить у себя и не жалеют денег на эксперименты.

Ясно, что для таких мероприятий необходимы специально обученные кадры. И на это Кувейт не жалеет денег. Уже сейчас он располагает большой группой нефтяников и инженеров-химиков. Развивается профессиональное обучение.

Говоря о Кувейте, следует подчеркнуть, что здесь постоянно чувствуешь противоречия между прошлым и настоящим, контрасты между старым и новым, проблемы, возникшие в результате резкого перехода в эпоху интенсивного экономического развития. Завтра в быстро развивающемся мире они станут чем-то нормальным или исчезнут совсем. Несмотря на то что кувейтцы сопротивляются модернизации, тем не менее в их жизни происходят перемены.

Зов пустыни

Это был один из тех дней, которые кувейтцы называют *истикбаль* — день приема гостей. Гости собралось много, да и время благоприятствовало этому. Кто же откажется провести уик-энд в шатрах, вдали от шума и грохота современной метрополии, вилл с кондиционерами и блестящих от золота дворцов?

Вокруг нас расстилалась пустыня. Стоял март, последний месяц кувейтской зимы. Время от времени накрапывал дождь. Кое-где виднелись кустики пустынной растительности, слабой и немногочисленной, а иногда и яркий цветок, едва приподнявшийся над землей. Окружающая нас пустыня являла собой интересное зрелище. Куда ни кинешь взор, всюду возвышались серые или цветные шатры, как у нас на Мазурах во время летних отпусков. Разница заключалась только в том, что здесь не было мазурской зелени, а воду нужно привозить с собой. Вокруг шатров стояли автомобили. По вечерам зажигались электрические огни. Лагерь имел собственные генераторы, привезенные из города.

Обитатели шатров не были обычными жителями пустыни, бедуинами, которые ночью довольствуются светом звезд и месяца и спят на верблюжьих или козьих шкурах. Обитатели шатров оставили свои городские дома, чтобы вкушать удовольствия жизни в пустыне.

По соседству с роскошными шатрами, освещенными электричеством, расположилось много бедуинов. Вероятно, они пришли из Саудовской Аравии или Ирака. Соглашения между этими странами предусматривают свободное перемещение кочевников через государственные границы к *дира*, местам выпаса скота. Черные шат-

ры бедуинов сотканы из козьей или верблюжьей шерсти. Все их имущество составляют несколько циновок и стопка посуды, иногда музыкальные инструменты. Жители некоторых бедуинских шатров не были бедняками, как могло показаться вначале. Над их шатрами возвышались телевизионные антенны. Иногда хозяин шатра отправлялся к колодцу за водой не на верблюде, а... на приспособленном для езды по пустыне вездеходе. Эти бедуины полными пригоршнями черпали богатство, которое им предоставила нефтяная эпоха. Однако они выбрали жизнь в пустыне, так как не могли еще решиться жить в коробках современных зданий в полутора десятках километров от Кувейт-Сити. Мне говорили, что многие из них сдают свои городские дома иностранцам, работающим по временным контрактам, а сами живут в пустыне.

Этих жителей пустынь можно встретить и в центре города. Они идут по улице среди густого потока автомобилей, не подозревая о подстерегающих их опасностях, и удивляются, когда услышат за спиной скрип тормозов, словно город является для них продолжением пустыни, где достаточно места для них самих и их верблюдов.

Однако и те, что уже глубоко вросли корнями в городскую почву, тоскуют по пустыне. Часто рядом с домом они строят ферму для лошадей и верблюдов. Однажды мы поехали на такую ферму Салаха Тарики, представителя одного из благороднейших кувейтских родов. На ферме, расположенной среди искусственно выращенной тамарисковой рощи, содержался отличный табун лошадей и верблюдов. Салах Тарики, владелец современного дома с прекрасной коллекцией старого арабского оружия и бедуинских фигурок, часто покидал свою виллу и выезжал в пустыню. Он, как и другие жители Кувейта, тосковал по прежней жизни и внимал «зову пустыни».

Арабская гостеприимность

В пустыне руководствуются другими законами жизни, отличающимися от городских.

Как предписывает обычай, в одних шатрах живут

только женщины, в других — мужчины. В тех и других курится мирра и ладан. В мужской части, *диванийя**, ведутся главным образом излюбленные арабами споры, которые время от времени прерываются взрывами смеха, а в женской части, гареме, «месте запретном для мужчин», танцуют и поют. Меня, как гостью, посадили в шатре на почетное место, устланное мягким ковром и подушками; на них можно было полулежать. Хозяйки, женщины молодые и пожилые, угощают крепким кофе, пахнущим пряностями, гвоздикой и кардамоном. Пожилые матроны, одетые в традиционные черные *абайи*, затягиваются дымом из огромного чубука, другой конец которого находится в очаге.

В арабский дом не приглашают незнакомого человека. Арабы не бросаются такими банальными словами, как «заходи ко мне». Они приглашают друзей и тех, кого давно и хорошо знают. Тогда гостеприимство хозяев не имеет границ, и оно распространяется на друзей их друзей. Пани Вончикова, муж которой работал тогда в нашем посольстве в Кувейте, была как раз в дружеских отношениях со знакомой хозяев, а я была совершенно посторонней для них. Однако атмосфера очень скоро стала непринужденной. Женщины были разного возраста. Рядом с пожилыми матронами в *абайях*, которые не вмешивались в беседу и с недоверием смотрели на нас, сидели молодые девушки в цветных модных платьях из бейрутских домов моделей. Они верховодили как в беседе, так и позднее в развлечениях. Одни из них были студентками Кувейтского университета, другие учились в женских средних школах, но были и такие, что учились в Бейрутском университете, очень модном учебном заведении для детей богатых торговцев и шейхов.

Время прошло в питье кофе, курении наргилей и оживленной беседе. Мы разговаривали так, словно знали друг друга очень давно. Молодые владели английским языком. Старшие интересовались всем, что касалось нашей семейной жизни, одежды, обычаев и, разумеется, возраста. Естественно, мы оставались для них «людьми из другого мира». Однако, как и везде, главная тема — дети. Они составили основу для взаимопонимания. Спустя некоторое время мы почувствовали себя полностью «освоившимися», Служанка-индианка

(в богатых кувейтских домах в качестве домработниц трудятся индианки, иногда детям привозят нянек из более бедных арабских стран) наполнила наши маленькие чашечки кофе с приправами, которые придают характерный аромат восточным напиткам.

В это время в мужских шатрах, *диванийя*, расположились мужчины, оставив, как предписывает обычай, обувь на улице. Точно так же и в современных домах, хотя там и нет традиционного деления на мужскую и женскую половины, вечера в гостиной принадлежат мужчинам. Там часто собирается немногочисленный круг друзей, кто-то приходит, кто-то уходит. Головные уборы, *кутры*, можно не снимать, но обувь обязательно оставляется у входа в гостиную. Все сидят на ковре, поджав под себя ноги.

Арабское гостеприимство берет свое начало от образа жизни в пустыне. В таких трудных условиях человек должен был помогать человеку. Это касалось даже врагов. Кувейтцы рассказывают, что прежде, когда велись войны между племенами, случалось, что в лагерь попадал кто-нибудь из враждебного племени. Священный закон пустыни предписывал принять его и угостить как лучшего друга. Он мог пользоваться убежищем и гостеприимством целых три дня, после чего ему давали все, что ему было необходимо в дороге, и выпроваживали из лагеря. Вместе с тем его предупреждали, что если он случайно наткнется в пустыне на патруль из членов их племени, то пусть не рассчитывает на милосердие.

Сегодня это уже история, но дух гостеприимства остался неизменным. Тот, кто не умеет проявить гостеприимство в отношении гостей, принять и угостить их хотя бы кофе или чаем с кардамоном, заслуживает прозвища *бахиль* *, то есть «скупец». Здесь это самое большое оскорбление. Поэтому в доме и в учреждении, если тебе нужно кого-нибудь или что-нибудь подождать, всегда найдется кофе, а иногда и пирожное. Даже если дело закончится для вас неудачно, то неудачу подсластят ласковый прием, улыбка, слова ободрения, просьба не огорчаться: в следующий раз обязательно все будет хорошо.

Я могла свободно фотографировать, особенно когда начались танцы, но женщины в *абайях* при звуке затво-

ра фотоаппарата инстинктивно отворачивались или натягивали на голову покрывала — *бурку* *. Еще в молодости им привили мысль, что фотографирование — это похищение души или причина бесплодия. Хотя они уже были в том возрасте, когда нельзя иметь потомство, но старые предрассудки еще не изжили себя.

Свобода женщин

Жены и дочери из богатых кувейтских семей далеко ушли от эпохи своих бабушек. Девушки работают в различных учреждениях и в школах. Профессия учительницы высоко ценится в Кувейте. Разумеется, овладение этой профессией дало возможность распахнуть окно в большой мир, правда тоже женский, но с более широким горизонтом. Работа позволяет проявлять свои таланты и способности. Кувейтские женщины, которые по традиции почти не покидали дом или, точнее говоря, шатер, стремятся сейчас с необычайной энергией в мир, до сих пор принадлежащий только мужчинам. Дорога эта нелегка, но кое-что уже достигнуто.

Как и в других районах Аравийского полуострова, положение женщины здесь формировалось столетиями в соответствии с законами, записанными в Коране. В городе женщина не могла показаться чужому мужчине без паранджи. Ее жизнь ограничивалась гаремом, то есть женской частью шатра. Она не могла выбрать себе мужа. Чтобы уравновесить показания одного мужчины, необходимо было иметь двух или трех свидетельниц. При разделе имущества, обладая равными правами в наследовании, она получала всегда меньшую часть по сравнению с мужчиной. Она всю жизнь зависела от мужчины, отца или брата, а потом от мужа, а если у нее не было ни отца, ни брата, ни мужа, то от двоюродного брата — в любом случае от какого-нибудь мужчины.

Сегодня в элегантных кварталах Кувейта можно видеть множество модно одетых кувейток, служащих или студенток, хотя все еще большая часть образованных женщин, которые работают в области народного образования и здравоохранения, это арабки из других стран или индуски. Кувейтские женщины сбрасывают покрыв-

вала, и молодежь считает их уже пережитком. А ведь еще несколько лет назад, как мне рассказывали, увидеть кувейтскую женщину без паранджи можно было очень редко. Даже палестинки и египтянки, отправляясь на улицу или на базар, для собственной безопасности надевали *бурку*, так как могли столкнуться с весьма жестоким обращением. Женщина без паранджи в городе могла подвергнуться нападению, ее могли изнасиловать, и общественное мнение вставало не на ее сторону, а на сторону того, кто ее изнасиловал, так как она «спровоцировала его».

И еще сегодня пожилые матроны ходят на базар во всем черном, а на лицо натягивают *бурку*. Бедуинки из пустыни, жизнь которых проходит в постоянных кочевках между Иорданией и Саудовской Аравией, в городе носят паранджу. Однако она уже не такая плотная, как прежде. Легкая и воздушная, она как бы сделала небольшую уступку исчезающей традиции.

Многие женщины в Кувейте ищут работу не потому, что их вынуждает к этому материальное положение. Работая, они находят свое я. Работа — это их свобода, которую они очень ценят.

Свобода? Все зависит от того, как ее понимать, потому что самая образованная женщина — врач, учитель или директор школы — не самостоятельна в том смысле, как это понимает ее подруга из Европы или Америки. Кувейтки, не говоря уже о том, что они лишены права голоса, все еще остаются под опекой мужчин. Например, ни одна уважающая себя женщина не выйдет на улицу после наступления темноты и не будет искать такси, чтобы доехать до своего дома. В этом случае на ее семью может пасть тень позора, может быть затронута честь ее мужа.

Кувейтки ходят в кино, но не одни. Их всегда сопровождает кто-нибудь из членов семьи. Места в кинотеатрах поделены на две части — семейную и мужскую. Очень неприлично, если девушка сядет в ту часть кинозала, которая предназначена для одиноких мужчин. По местному этикету женщина, идущая в обществе своего мужа, не должна отвечать на поклон мужчины, даже если это ее коллега. Дружеские отношения она может поддерживать только с родственниками и очень хорошими знакомыми. Мужчины, не принадлежащие к

семье, для нее табу. По сей день считается дурным тоном спрашивать мужчину о здоровье его жены. Если же вы хотите это сделать, то вопрос надо задавать не прямо, а приблизительно так: «Как поживает мать ваших детей?» Сфера интимной жизни является сугубо приватной, и было бы неприлично разговаривать на эту тему.

Само супружество, а скорее способ его заключения, подверглось значительным изменениям. В традиционном кувейтском обществе девушка никогда не решала вопрос о выборе мужа. Решали за нее ближайшие родственники, причем она выходила замуж обычно за своего кузена, *валад амм**, за сына брата отца. Сын брата отца имел на нее больше прав, чем остальные двоюродные братья или мужчины, не входящие в состав семьи. Такой уклад родился во время жизни в пустыне, когда семья, клан, племя были опорой человека и нужно было делать все, чтобы усилить семейно-клановые связи, так как они лучше всего гарантировали его благополучие. Что еще может укреплять кровные связи, кроме супружества? Поэтому браки между кузенами со стороны тетки, брата матери или брата отца стали правилом для многих арабов, даже если эпоха примитивного пастушества для них далекое прошлое. Раньше строго придерживались этого закона. Если девушка отказывалась выйти замуж за предназначенного ей *валад амм*, то он мог помешать ее браку с кем-нибудь другим, так как его согласие было необходимо, поскольку он единственный законный претендент на ее руку.

Сегодня, разумеется, девушка не обязана выходить замуж за своего кузена, если он ей не нравится, но в семьях по-прежнему соблюдается неписанный закон *валад амм*. Супружество пока остается делом семьи. Древняя кувейтская поговорка гласит: «Кровь никогда не превратится в воду», то есть семья всегда остается важнейшей опорой в жизни человека. Однако современные кувейтские браки заключаются не только в кругу породнившихся семей, например среди лиц с кувейтским гражданством. Члены аристократических семей ищут партнеров из своего круга. Браки с лицами, не имеющими гражданства, или с некувейтцами по происхождению практически невозможны.

Тем не менее практика браков в Кувейте говорит о

том, что девушка лучше знает своих ближних и дальних кузенов и чаще всего с одним из них связывает свою судьбу. Брак кузенов иногда бывает удачным, так как молодые знают друг друга почти с детства. Если же складывается иначе, что также случается нередко, молодые разводятся. Разводы часты, хотя больше их сейчас или меньше, сказать трудно. Среди бедуинов разводы никому не приносят позора — ни женщине, ни мужчине. Разница лишь в том, что мужчине легче получить развод. Достаточно ему сказать в присутствии свидетеля: *ма аридик* — «я не хочу тебя», и дело сделано. Разведенной женщине, если она не имеет детей, не представляет труда снова выйти замуж. Иногда она снова выходит за бывшего своего мужа. Известен случай, когда одна красивая женщина из благородного рода шейхов несколько раз выходила замуж, и трижды за одного и того же мужчину.

Семья — ячейка общества, и в ней решающий голос принадлежит, разумеется, мужчине, главе семьи. Это настолько очевидно, что кувейтские женщины не хотят, чтобы было иначе. Образованная и материально независимая женщина всегда предпочитает оставаться за спиной своего мужа, своего господина, подчеркивая тем самым, что именно он решает любые вопросы, в то время как в действительности в семье господствует она. Несмотря на внешние признаки зависимости от мужского пола, женщина обладает полной властью в доме, а ее влияние в семье не подлежит никакому сомнению.

Дети — радость в доме, и если вы хотите кому-нибудь сделать приятное, то пожелайте ему, чтобы у него было много детей. Кувейтские семьи многочисленны, причем мальчики более желанны, чем девочки. Чем у женщины больше сыновей, тем прочнее ее позиции в традиционном патриархальном обществе. Супруги только тогда считаются настоящими членами родовой общины, когда у них родится ребенок. Это — повод для большой гордости.

Кувейтская семья своими корнями глубоко уходит в обычаи прошлого. Плохо ли это? Сами кувейтцы считают, что не плохо. По их мнению, было бы большой ошибкой копировать образцы семейно-бытовой жизни других стран.

Тем временем происходит изменение быта, и не всег-

да в лучшую сторону. Защитники традиций бьют тревогу по поводу роста алкоголизма в Кувейте. Привозить алкоголь в страну запрещено, но это не означает, что спиртные напитки здесь не употребляют. Достаточно вечером в пятницу отправиться на иракско-кувейтскую границу, и вы увидите там горы пустых и битых бутылок из-под спиртных напитков, купленных в Ираке, где нет сухого закона. В домах кувейтцев не принято во время приема гостей подавать спиртные напитки.

Кувейтский обед

Когда пришло время обеда, наше женское общество отправилось в большой шатер с мягкими диванами, на которых можно возлежать во время еды. Мужчины в соответствии с бедуинским обычаем ели отдельно. Посреди шатра был расстелен ковер, на котором дымились наполненные до краев блюда с бараниной и другими мясными деликатесами: что-то наподобие блинчиков, мясные шарики, а также подносы с горками риса, заправленного пряными приправами. Всем этим с успехом можно было бы накормить в два раза большее количество людей, но местный этикет, возникший еще в те времена, когда ни у кого «не проливалось через край», то есть людям приходилось ежедневно бороться с голодом и они досыта наедались только два-три раза в год, предписывает, чтобы на столе всегда было больше еды, чем смогут съесть приглашенные гости. Можно ли хорошо сказать о хозяине, если он поставит на стол столько мяса, сколько в состоянии съесть гости?

Гость должен чувствовать себя совершенно свободно. Если ему что-то пришлось по вкусу, он может есть сколько хочет. Как правило, после таких обедов половина еды остается. Часто критикуют пышность африканских или арабских приемов, обычай оставлять значительное количество неиспользованной еды, которая идет потом на угощение для зрителей, собравшихся вокруг дворца, где происходил прием. Но эта пышность — характерная черта арабской гостеприимности, гостеприимности народов Востока.

Кто богаче, тот должен быть более гостеприимным и более щедрым со своими близкими и знакомыми. Поэто-

му на приеме, который дает эмир или член правящей семьи, редко бывает менее двух тысяч человек. Поводом для грандиозных пиров являются религиозные праздники и свадьбы. К каждому празднику готовятся свои специфические блюда. Например, во время месячного мусульманского поста рамадан излюбленными блюдами являются *махаллябийя*, молочное желе с миндалем, и *хариса* — пудинг из риса или кукурузы, приготовленный с добавлением острых приправ, сахара, корицы и бараньего жира. К другим кувейтским лакомствам можно отнести *табуллу*, салат из мяса и петрушки, *махши мальхуф* — мясной фарш, завернутый в виноградные листья, и *куса махши* — кабачки, фаршированные мозгами.

Когда мы вернулись в шатер после обеда, начались танцы. Женщины пригласили нас не только для того, чтобы продемонстрировать нам жизнь в пустыне, но и показать древние кувейтские танцы, которые не умерли, несмотря на внешние признаки модернизации жизни. Принесли старые музыкальные инструменты. Одни девушки играли на них, другие танцевали под их аккомпанемент. Сначала станцевали *арду*, древний бедуинский танец победы, вызвавший общий восторг. Потом исполнили танцы под пение любовных песен, в которых выражается тоска девушки по любимому. Музыка народов района Персидского залива очень похожа на музыку Северной Африки, египетскую и т. п. Эта музыка — культурное богатство народа пустыни, который быстро перешел из эпохи Авраама в XX век.

Спустились сумерки. Пустыня озарилась электрическими огнями — заработали движки. Вдалеке виднелись огни нефтяных полей Буркана. Светлое зарево появилось на небе над Эль-Кувейтом. Хозяева готовились к ночному отдыху, а мы — к возвращению в город. Наша машина легко маневрировала между шатрами. Рядом с шатрами бродили козы и подбирали мусор, который оставили после себя отдыхающие. Эти непривередливые создания, привыкшие к условиям пустыни, ели даже бумагу.

Я смотрела на Кувейт, освещенный заревом газовых факелов. Таких городов много в современном мире, зажиточных и богатых. Но народ его оставался верен традициям и племенным связям. Отсюда у кувейтцев

ностальгия по жизни в пустыне с ее широкими просторами, по тому чувству безопасности, какое обеспечивает связь с близкими людьми. Бедуины говорят, что современный город с его бетонными домами-ловушками более печальная пустыня. Кто знает, не правы ли они?

Наше путешествие по странам Аравийского полуострова в кругу Руб-эль-Хали — пустого полумесяца, которые еще вчера были для многих из нас белыми пятнами на карте мира, а сегодня нашли свое место в великой семье народов со своими маленькими и большими проблемами, подошло к концу. Несомненно, многие не такие богатые страны иначе смотрят на те трудности, которые приходится преодолевать Кувейту или эмиратам, и принижают их. И этому не стоит удивляться. На земном шаре значительно больше таких государств, путь которых к лучшей жизни более долг и труден и не лишен драматизма борьбы.

¹ Это деление слишком категорично. Кочевники жили и на юге Аравии.— *Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примеч. ред.*

² Существует несколько мнений о прародине семитских народов, к которым помимо перечисленных автором относятся также древние египтяне, евреи и некоторые другие народы. Пока нет достоверных научных данных, свидетельствующих в пользу аравийской теории происхождения семитов (далеко не самой убедительной), африканской, месопотамской, малоазийской или какой-либо еще.

³ Легендарный народ ад часто упоминается в Коране. Адиты, как говорится в одном источнике, были горды, заносчивы, они дурно обошлись с пророком Худом и были уничтожены бурей. В другом источнике утверждается, что они были наказаны засухой.

⁴ Джон Филби — выдающийся исследователь Аравии, автор исторических трудов, большую часть своей жизни проведший в Саудовской Аравии.

⁵ Тубба — так называли правителей древних южноаравийских государств (царей из Химьяритской династии) в арабо-мусульманскую эпоху (т. е. с VII в. н. э.).

⁶ Легенду о царице Савской, которую часто упоминает автор, весьма трудно соотносить с исторической действительностью. Нельзя сказать, кто именно явился прообразом этой героини эпоса многих семитских народов, и на право быть потомками царицы претендуют не только йеменцы (считающие, что под этой царицей имелась в виду Билькис), но и эфиопы.

⁷ Здесь и далее автор допускает некоторое преувеличение: вражда между представителями двух главных течений в исламе — суннитами и шиитами — в Йемене была ничуть не более острой, чем в других частях мусульманского мира. Более того, враждебные отношения часто существовали и между представителями различных толков в рамках одного и того же течения, как суннизма, так и шиизма. Различия между взглядами суннитов и шиитов охватывают сферу большую, нежели представления о религиозно-политических авторитетах.

⁸ Как потомок правителей доисламского Йемена, он пользовался красным песком для высушивания своей подписи на официальных документах. Красный цвет символизировал его связь с химьяритской династией.— *Примеч. авт.*

⁹ Дипломатические отношения между СССР и Йеменом были установлены в 1928 г.

¹⁰ Между Саудовской Аравией и ИАР существует много спорных, неурегулированных вопросов, а соперничество между йеменскими зейдитами и хиджазскими ваххабитами имеет давнюю историю. Среди спорных вопросов — проблема йеменских территорий (Неджран, Северный Асир), отошедших к Саудовской Аравии после йеменско-саудовской войны в 1934 г.

¹¹ Как курьез следует отметить тот факт, какой привел уже упоминавшийся исследователь Аравии Филби. В Асире, принадлежащем сегодня Саудовской Аравии, в 30-х годах имели хождение йеменские реалы (1 реал=60 залат). Филби отмечает, что так же звучит название польской денежной единицы.— *Примеч. авт.*

¹² Талеры Марии-Терезии, ставшие основной денежной единицей в Йемене, сначала привозились туда из Австрии, затем их стали чеканить и итальянцы, а в последние десятилетия — Англия, которая и была главным поставщиком этой валюты в Йемене.

¹³ Как установлено в ходе медицинских исследований, кат отрицательно воздействует на половые функции мужчины. Но вряд ли можно объяснить особенности антропологического типа йеменцев употреблением ката, тем более если он действительно появился здесь лишь 200 лет назад.

¹⁴ Во множественном числе *кабаил*.— *Примеч. авт.*

¹⁵ Обращение к пожилым, достойным уважения людям.— *Примеч. авт.*

¹⁶ Йеменский и вообще восточный феодализм — сложная научная проблема. Однако европейскому феодалу в Йемене соответствовал не сейид, а крупный землевладелец.

¹⁷ В а д и — долина, высохшее русло.— *Примеч. авт.*

¹⁸ Автор слишком драматизирует положение. В целом сельскохозяйственное производство в ИАР, несмотря на его отсталость, удовлетворяет основные потребности населения.

¹⁹ Личные заслуги Арьяни здесь несколько преувеличены.

²⁰ В 1973 г. национальный доход на душу населения составлял 87 долл. (1977 г.— 200 долл.).

²¹ Х а ш и м и т ы — один из родов мекканского племени курайш, к которому принадлежал пророк Мухаммед. К хашимитам восходят многие правящие династии современного арабского мира, в частности Иордании и Марокко.

²² И б а д и т ы — один из толков хариджизма, третьего течения в исламе, расходящегося и с суннизмом и с шиизмом.

²³ В 1974 г. в Абу-Даби было добыто около 68 млн. т нефти, в Дубае — 12 млн. т. В 1977 г. добыча уже составила: в Абу-Даби — около 80 млн. т, в Дубае — более 15 млн. т.

²⁴ В последние годы население ОАЭ быстро растет за счет притока иммигрантов.

²⁵ В 1975 г. разведанные запасы нефти в Абу-Даби оценивались в 3,9 млрд. т. (для сравнения: в Саудовской Аравии более чем в 22 млрд. т).

²⁶ Кардамон культивируется не только в Индии, но и на Шри Ланке и в странах Индокитая.

²⁷ В 1978 г. население ОАЭ составило 900 тыс.

²⁸ Нефть с 1974 года начали добывать и в Шардже (около 2 млн. т в 1975 г.).

²⁹ К маю 1980 г. население Кувейта составило более 1 млн. 355 тыс. человек.

³⁰ Государство Саудидов, подчинившее себе значительную часть Аравийского полуострова, стало называться Саудовской Аравией с 1932 г.

³¹ Это общинно-племенная традиция, распространенная также в Саудовской Аравии и некоторых других государствах данного региона. Рудименты родо-племенной демократии не смягчают авторитарного характера теократической власти в этих государствах.

³² В мае 1980 г. кувейтские граждане составляли 41% населения (более 1 млн. 355 тыс. человек), остальные — иностранцы, постоянно живущие в Кувейте. Лица, временно находившиеся в стране, этой переписью не учитывались.

³³ В декабре 1975 г. правительство полностью национализировало компанию.

Прочитав эту книгу, дорогой читатель, вы закончили увлекательное путешествие в один из интереснейших районов земного шара, сохранивший во многом еще архаичные черты средневековья, но уже решительно вступивший или, как любят говорить журналисты, «ворвавшийся» в XX век. Йеменская Арабская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт — сами названия этих стран, о которых повествует книга «В кругу пустого полумесяца», надолго будут сохранять для нас аромат экзотики.

В нашей стране много пишут о современной Аравии. Советские востоковеды, журналисты, писатели, побывавшие в странах Аравийского полуострова и Персидского залива, врачи и инженеры, работавшие там, делятся с читателями своими впечатлениями, рассказывают об истории и жизни народов этого региона, играющего сегодня не последнюю роль на мировой арене. Советский читатель, уже имевший возможность познакомиться с жизнью народов Аравийского полуострова, несомненно, найдет для себя много интересного и в книге Геновефы Чекалы-Мухи.

Автор — известная польская журналистка, лауреат Государственной премии ПНР, путешественница, автор многих работ, преимущественно посвященных странам Африки, — первой из польских журналистов побывала в странах Аравии. Книга написана живо и интересно, содержит оригинальный материал. Конечно, специалист может найти в ней отдельные неточности, а некоторые описания сочтет неполными, но это компенсируется самобытностью повествования Г. Чекалы-Мухи, свежестью ее впечатлений.

Повествование в книге заканчивается 1974—1975 годами. С тех пор в жизни стран Аравии произошли немалые изменения. Это, в частности, относится к арабским богатым нефтью государствам, в число которых входят ОАЭ и Кувейт.

Кувейт за последние годы прочно утвердился в ряду богатейших нефтедобывающих государств арабского мира. По мнению спе-

циалистов, он занимает 3-е место в мире по нефтяным запасам (после Саудовской Аравии и Советского Союза). Автору удалось хорошо показать, в какой степени все стороны жизни этого государства зависят от нефти. Один арабский журналист как-то удачно пошутил: «Бог дал кувейтцам нефть вместо воды». Действительно, государство, расположенное буквально на поверхности нефтяного озера (добыча нефти в 1979 году составила 124 миллиона тонн), в то же время испытывает нехватку питьевой воды, которую здесь доставляют в жилые кварталы в цистернах.

Притчей во языцех стала высокая степень автомобилизации Кувейта, еще более возросшая в последние годы. Сейчас в среднем на каждые 3 жителя приходится одна автомашина. Кувейт отличается высоким уровнем просвещения и образования. Успешно действует созданный здесь в 1967 году университет — крупнейший в регионе.

Г. Чекала-Муха уделяет немалое внимание проблеме рабочей силы в этом государстве, где иностранцы составляют, как и во многих других нефтедобывающих странах Аравийского полуострова и Персидского залива, подавляющее большинство не только рабочего класса, но и в значительной мере специалистов — инженеров, врачей, преподавателей и т. п.

Кувейт оказывает значительную финансовую и экономическую помощь другим арабским государствам. Он играет все возрастающую роль в системе межарабского экономического сотрудничества.

Высокий международный авторитет Кувейта объясняется в первую очередь стремлением его правительства проводить самостоятельную внешнюю политику, независимую от курса правительства США, с которым Кувейт связан тесными экономическими узами, равно как и с Западной Европой. С нашей страной Кувейт развивает технико-экономическое и торговое сотрудничество.

Как-то, до начала нефтяной эры (т. е. совсем недавно), правитель одного из карликовых государств Персидского залива сказал в интервью корреспонденту западного журнала: «Пусть к нам приезжают туристы. У нас все для них есть: мечети, бары и тюрьмы. Те, кто захочет помолиться, посетят мечеть; те, кому захочется выпить, зайдут в бар; а те, кто выпьет слишком много, ознакомятся с нашей тюрьмой». В этой «рекламе» символический образ арабского эмирата, находящегося на пути превращения в «нефтяной Клондайк». Туристы, бары — первые признаки современного западного образа жизни, которые нефть, хлынувшая сюда из бездонного чрева аравийских пустынь, причудливо перемешала с традиционным укладом, не менявшимся здесь в течение столетий. Верблюды, ослы, лошади, соколы, шатры и глинобитные лачуги — столь же привычные атрибуты прошлого уклада, как нефть, золото, дворцы и «ка-

диллаки» — настоящего. Вспоминается случай, рассказанный советским журналистом. Лет тридцать назад шейху Кувейта предложили купить холодильник. Шейх с восхищением сказал: «Очень хорошо! Только слишком дорого». Те времена ушли в прошлое. Сегодня нефтяные короли могут позволить себе купить все что угодно. Но легко доставшееся монархам богатство не сделало счастливыми их подданных. Это особенно наглядно видно на примере самого крупного государства полуострова — Саудовской Аравии. И это хорошо показано в книге польской журналистки, правдиво рассказавшей о проблемах нефтедобывающих государств.

Сложные тенденции имеются в развитии Объединенных Арабских Эмиратов, испытывающих противоборство центростремительных и центробежных тенденций. Внутренние противоречия этого государства ощущаются в описаниях автора этой книги. ОАЭ во многом отличаются от большинства развивающихся стран. Они не являются аграрной страной (это отчасти объясняется природно-климатическими условиями, неблагоприятными для развития сельского хозяйства), не испытывают аграрного перенаселения (основная масса живет в городах), не знают безработицы (еще ввозят большое количество иностранной рабочей силы), не только не страдают от отсутствия средств для накопления, а, наоборот, вывозят часть валового национального продукта и инвестируют за рубежом. Для социальной картины ОАЭ характерно существование традиционных племенных структур, племенного образа жизни и мышления.

Последние годы продемонстрировали, что ни богатство, ни сила традиции не спасают государства Персидского залива от политических бурь. У населения этих государств растет национально-патриотическое, прогрессивное сознание, набирает силу демократическое движение. Участие Кувейта, ОАЭ и других стран в нефтяном бойкоте, осуждение кэмп-дэвидской сделки, поддержка справедливых требований палестинцев — следствие этих процессов.

Если нефтедобывающие государства Аравии весьма озабочены проблемой иностранной рабочей силы, то для Йеменской Арабской Республики проблема состоит в обратном — в миграции рабочей силы в эти государства.

ИАР, возникшая почти 20 лет назад, 26 сентября 1962 года, в результате революции против феодально-теократического режима имама, сегодня ведет трудную борьбу за преодоление вековой отсталости, отстаивая свой суверенитет и независимость от многочисленных посягательств. Республика унаследовала от прошлого один из наиболее низких в арабском мире уровней национального дохода — немногим более 200 долларов в год на душу населения (для сравнения: в Кувейте, занимавшем одно из первых мест в мире по

этому показателю, на душу населения приходится в год около 15 тысяч долларов). ЙАР обладает самым высоким в Аравии людским потенциалом и еще не разведанными ресурсами, что позволяет ей смело смотреть в будущее.

Йеменцы по праву гордятся своим историческим прошлым, древнейшей культурой. Действительно, Йемен был одним из немногих в мире центров самостоятельного зарождения цивилизации. Такие государства древнего Йемена, как Саба, Катабан, Хадрамаут, Аусан, Маин, Химьяр, прославлены в трудах греческих и римских историков. Древние йеменцы были известны своими дворцами, храмами, благовониями, которыми они торговали со всем миром. Они являлись искусными земледельцами и опытными скотоводами. Марибская плотина, 600 метров длиной и 8 метров высотой, как сообщали историки, была самым грандиозным сооружением подобного рода в древнем мире.

ЙАР связывают с Советским Союзом узы традиционной дружбы. Йемен был второй (после Саудовской Аравии) арабской страной, установившей с СССР дипломатические отношения.

За последние годы укрепились позиции Народной Демократической Республики Йемен — аравийской страны, в конце 60-х годов вступившей на путь прогрессивного развития, путь социалистической ориентации. Сегодня нельзя представить себе этот регион без НДРЙ, оказывающей своим примером большое воздействие на другие государства. В 1978 г. в стране была создана Йеменская социалистическая партия — авангард южнойеменских трудящихся, руководящий процессом национально-демократических преобразований в стране. Национализация собственности иностранного и крупного национального капитала, радикальная аграрная реформа в интересах беднейшего крестьянства, перестройка армии, полиции и государственного аппарата, демократизация общественной жизни, развитие общественных организаций, культурная революция, предусматривающая введение всеобщего начального образования, — вот далеко не полный перечень тех мероприятий, которые проведены в НДРЙ. Революционный процесс в НДРЙ сталкивается с многочисленными заговорами империализма, внутренней и внешней реакции. Республика поддерживает дружественные отношения с нашей страной. Важной вехой в развитии советско-южнойеменских отношений стало подписание в октябре 1978 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и НДРЙ.

Говоря о странах Аравийского полуострова и Персидского залива, нельзя забывать, что этот регион в настоящее время подвергается бурной агрессивной экспансии со стороны мирового, и в первую очередь американского, империализма. Деятельность США по

созданию на этой территории военных и военно-морских баз, попытки сколачивания ими реакционных военно-политических блоков, накопление здесь американского оружия, военных кораблей, самолетов и другой военной техники являются предметом глубокой озабоченности всех государств региона, угрожая их суверенитету и независимости. Продавая оружие некоторым арабским государствам с консервативными режимами, империалистические государства стремятся втянуть их в орбиту своих интересов, противопоставить государствам, следующим путем прогрессивного развития, использовать их как жандармскую силу для подавления освободительного и демократического движения в регионе. Однако развитие международной обстановки в последние годы показывает, что и эти государства не хотят превращаться в придаток империалистической политики. Идя на поводу у империалистов, правители некоторых стран противопоставляют себя своим народам.

В заключение можно отметить, что Г. Чекала-Муха живыми и образными средствами доносит до нас свои впечатления от сложной и противоречивой действительности аравийских государств. Прочтя ее книгу, мы можем сказать, что жизнь дружественных народов этих далеких арабских стран стала для нас еще ближе и понятней.

В. Наумкин

- А байя** — длинное черное платье.
А бид — рабы
А х а б и ш — букв. эфиопы, чернокожие рабы в раннесредневековой Мекке
Ба г а д и р — ветряные башни
Б а д в — бедуины, также **б а д и я** (букв. «пустыня»))
Б а р а с т и — навес из пальмовых листьев
Б а х и л ь — скупой
Б у р к у — плащ, покрывало
В а л а д а м м — двоюродный брат по отцу
Д и в а н и й я — шатер, в котором живут мужчины
Д и й я — выкуп за убийство, обычай кровной мести
Д и р а — место выпаса скота
Д и ш д а ш а — мужская одежда, длинная белая рубаха
К а н а т — канал
К и ш р — напиток из кофейной шелухи
К у т р а — головной убор мужчин наподобие платка
К у ф и й я — то же самое, что кутра
М а д ж л и с — буквально «собрание» или «совет»
М у к а р р и б ы — правители древних южноаравийских государств
Н а х у д а — «капитан», владелец лодки или небольшого судна
С а к и й я — колеса, поднимающие воду на поля
С а л а т — молитва
С а м б у к — большая лодка
С е й и д — потомок пророка Мухаммеда, принадлежащий к мусульманской аристократии
С у к — рынок
У к а л ь — шнур, с помощью которого закрепляется на голове кутра или куфия
Ф а л а д ж а — оросительный канал
Ф у т а — мужская юбка
Х а д а м — слуги
Х а д а р — оседлые жители

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие новой Аравии	3
В краю царицы Савской	8
В поисках Аравии Счастливой .	8
Ночь в «Ар-Рауда»	17
Революция и после революции	30
Сана — тысяча и две ночи	42
«Республика шейхов»	57
Сана — Ходейда — Таиз	72
В краю шафитов	81
Верблюды и «кадиллаки» .	93
Нефтяной Клондайк на Пиратском берегу	93
Уик-энд в Эль-Бурайми	110
Дубай, Шарджа и другие	122
Мини-государство на песке .	139
От доу до «черного золота»	148
Граждане и другие	159
Зов пустыни	169
Примечания	180
Послесловие (В. В. Наумкин)	183
Глоссарий	188

Геновефа Чекала-Муха В КРУГУ ПУСТОГО ПОЛУМЕСЯЦА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Рассказы
о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. И. Новицкая*
Художник *Н. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Г. В. Стругова*

ИБ № 14245

Сдано в набор 04.03.81. Подписано к печати 31.07.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,7. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4904. Тип. зак. 128. Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Отпечатано в полиграфическом объединении «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы ́ д у т:

НЕГРЯ Л. В.

**Общественный строй Северной и Центральной
Аравии в V—VII вв. 10 л.**

НАУМКИН В. В., ПОРХОМОВСКИЙ В. Я.

Очерки по этнолингвистике Сокотры. 9 л.

**Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов
и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192.
Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой»)
«Академкнига».**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы ́ д у т:

Мусульманский мир (950—1150): Сб. статей. 25 л.

Аравия. Материалы по истории открытия. (Культура народов Востока). 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».
